

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 4(10) | No. 4(10)
ДЕКАБРЬ | DECEMBER 2023

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 1 >

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2023-3-3(9)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Информация об издании

Россия и мир: научный диалог

– печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС77-81013 от 17 мая 2021 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

ISSN 2782-3067 (Print)

Архивация:

Российская государственная библиотека
Национальный электронно-информационный консорциум
Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из следующего принципа: свободный, открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Учредитель, Издатель

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

119034, г. Москва, пер. Коробейников, д. 22, стр. 1
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Партнеры

Институт востоковедения РАН

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Тел.: +7 (495) 621-18-84. www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Адрес редакции

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

Редакция журнала «Россия и мир: научный диалог»
119034, Российская Федерация,
Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1
Веб-сайт: <https://www.russia-world.ru/jour>
Электронная почта: rw.journal@nicrus.ru

Цели и задачи

Целью журнала является создание научной дискуссионной платформы для коллегиального обсуждения проблем и выработки оптимальных решений в области международного сотрудничества, проведения совместных исследований и публикации их результатов. К публикации в журнале и рецензированию поступающих на рассмотрение материалов приглашаются отечественные и зарубежные ученые и эксперты.

Научная концепция издания предполагает публикацию научных материалов (собственно научных и дискуссионных статей, обзоров, рецензий) в области политологии, социологии, мировой экономики, культурологии. Содержательно-тематический профиль журнала включает темы, отражающие международные и региональные процессы, политические, экономические, социальные, культурные аспекты международных отношений, межстрановых и межкультурных коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
5.4.5. Политическая социология

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

© «Россия и мир: научный диалог», 2023

© АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций», 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиадеятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России (Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Россия)

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсаровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Казахстан)

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия)

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологических наук, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской международной академии (Латвия)

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ (Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия)

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия)

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия)

ЗУБИР Арус – профессор социологии, директор лаборатории «Религия и общество», факультет социальных наук, Университет Алжира 2 (Алжир)

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (PhD), профессор Университета Валенсии (Испания)

НАЗАРОВА Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России (Россия)

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук, директор Центра новейшей истории Узбекистана АН Республики Узбекистана, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан)

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований РАН (Россия)

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии политических наук (Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – доктор экономических наук, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующий базовой кафедрой корпоративной безопасности МГИМО МИД России (Россия)

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Россия)

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, академик РАН, профессор (Россия)

ХОДЬКО Слава Трофимович – кандидат технических наук (Россия)

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 1 >

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2023-3-3(9)
УДК: 94; 316; 327
БКК: 60.5; 63; 66

Information about the journal

The journal «Russia & World: Scientific Dialogue»

– print media (mass media), magazine.

Published since 2021, 4 times a year.

Registration number and date of the decision on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS77-81013 dated May 17, 2021.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation

ISSN 2782-3067 (Print)

Archive:

Russian State Library

National Electronic-Information Consortium

Open Access Policy

«Russia & World: Scientific Dialogue» is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication. The open access is granted in accordance with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) definition: all articles are available free of any charge on the public internet, permitting any users to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles, crawl them for indexing, pass them as data to software, or use them for any other lawful purpose, without financial, legal, or technical barriers other than those inseparable from gaining access to the internet itself. For more information please read BOAI statement.

Founder, Publisher

ANO «National Communications Development Research Institution»
22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Partners

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 621-18-84 www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Address of the Editorial Office

ANO «National Communications Development Research Institution»
Editorial Office «Russia & World: Scientific Dialogue» 22, building 1,
Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
Russian Federation
Website: <https://www.russia-world.ru/jour>
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Aim and Scope

The purpose of the journal is to create a scientific discussion platform for peer discussion of problems and for the development of optimal solutions in the field of international cooperation, joint research, and publication of its results. Foreign scientists and experts are invited to publish and review the materials submitted for consideration.

The scientific concept involves the publication of scientific papers, including research insights and scholarly results, discussion articles and reviews, in the field of political science, sociology, world economy, cultural studies. The substantive and thematic profile of the journal includes topics reflecting international and regional processes, political, economic, social, cultural aspects of international relations, interstate and intercultural communications, international security and sustainable development

Scientific specialties and branches of science corresponding to them

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

HISTORICAL SCIENCES

5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy

SOCIOLOGICAL SCIENCES

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.5. Political Sociology (sociological)

POLITICAL SCIENCES

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

© «Russia & World: Scientific Dialogue», 2023

© ANO «National Communications Development Research Institution», 2023

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Communications Development Research Institution, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

EXECUTIVE EDITOR

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist.), professor, professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

EDITORIAL BOARD

Nikolay M. ARSENTIEV – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Historical and Sociological Institute of the N.P. Ogarev National Research Mordovian State University (Russia)

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Andrey V. VINOGRADOV – DSc (Polit.), Head of the Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the scientific and socio-political journal «Problems of the Far East» (Russia)

Vladislav V. VOLKOV – DSc (Soc.), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Professor at the Baltic International Academy (Latvia)

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Head of the Department of Comparative Political Science of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of the Russian Association of Political Science, member of the Public Chamber of the Russian Federation (Russia)

Alexey A. GROMYKO – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Denis A. DEGTEREV – DSc (Polit.), professor, Head of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (Russia)

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), professor, professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Irina D. ZVYAGELSKAYA – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia), Professor, Head of the laboratory «Center for Middle Eastern Studies» of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Arous ZOUBIR – Professor of Sociology, Director of the Laboratory of Religion and Society, University of Algiers 2, Faculty of Social Sciences (Algeria)

Fidel LEON-DARDER – PhD, professor at the University of Valencia (Spain)

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), professor, professor of the Department of Sociology of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Director of the Center for Modern History, Head of the Department of Modern History and International Relations, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor, professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Sciences (Russia)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

CHAIRMAN

Alexander V. FEDOROV – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Russia)

DEPUTY CHAIRMAN

Vladislav I. GASUMYANOV – DSc (Econ.), Director of the National Communications Development Research Institution, Head of the Basic Department of Corporate Security MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mikhail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Russia)

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, (Russia)

Slava T. KHODKO – CandSc (Tech.) (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Наумкин В.В.

От главного редактора..... 14

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Алламурадов Б.Х.

Цифровая дипломатия как инструмент реализации внешней политики стран Центральной Азии (на примере Казахстана и Узбекистана) 22

Белокреницкий В.Я.

Экономико-политический кризис в Пакистане: социальные причины и возможности выхода 36

Бударина Н.А., Юнусзода К.Х.

Проблемы развития внешней торговли между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан в современных реалиях 50

Доскожаева А.К., Харланов А.С.

Ресурсы водной экономики, как геополитический актив стран Центральной Азии в формировании суверенных стратегий развития 69

Жураева К.С., Жураев С.А.

Взаимосвязанность Центральной Азии и Каспийского региона: актуальные вопросы 82

Комлева В.В., Таалайбек К.Ж.

Университеты как субъекты международных отношений: потенциал Кыргызстана 94

Кочетков В.В., Медведков А.А., Кузьменко Е.А., Нессар О.М.

«Водные войны» как источник и инструмент международных конфликтов..... 118

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы
Политическая социология

Василенко А.В.

Россия и Узбекистан: русская идентичность и отношение к русским 134

Жумалиева С.Ч.

К вопросу об этнодемографических изменениях в Кыргызстане в 1920-1930-е годы 148

Кузьменко Е.А.

Центральная Азия как макрорегион в свете образовательных программ ФРГ: региональные доминанты изучения 164

Умаров Х.П.

Вопросы обеспечения информационно-идеологической безопасности: опыт для Узбекистана 175

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

Белоглазов А.В.

Деятельность Организации Договора о коллективной безопасности в Центральной Азии (2002-2022 гг.)..... 190

Ларин В.П.

О происхождении символа «дракон» от зоонима «крокодил» в древних культурах Южного Китая и Вьетнама 204

Торогелдиева Э.Э.

Интеллигенция Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. 221

CONTENTS

Naumkin V.V.

Editor-in-chief Forword 14

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global and regional studies

Allamurodov B.Kh.

Digital diplomacy as a tool for implementing the foreign policy of Central Asian countries
(on the example of Kazakhstan and Uzbekistan)..... 22

Belokrenitsky V.Y.

Economic and political crisis in Pakistan: social causes and exit opportunities..... 36

Budarina N.A., Yunuszoda Kh.K.

Problems of foreign trade development between the Russian Federation and the Republic
of Tajikistan in modern realities 50

Doskozhaeva A.K., Kharlanov A.S.

Water economy resources as a geopolitical asset of the EAEU countries and the formation
of sovereign development strategies..... 69

Zhuraeva K.S., Zhuraev S.A.

The interconnectedness of Central Asia and the Caspian region: current issues..... 82

Komleva V.V., Taalalibek kyzy Zh.

Universities as subjects of international relations: the potential of Kyrgyzstan..... 94

Kochetkov V.V., Medvedkov A.A., Kuzmenko E.A., Nessar O.M.

“Water wars” as a source and instrument of international conflicts 118

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Vasilenko A.V.

Russian Federation and Uzbekistan: Russian Identity and Attitude to Russians 134

Zhumaliev S.Ch.

On the issue of Ethnodemographic Changes in Kyrgyzstan in the 1920s-1930s 148

Kuzmenko E.A.

Central Asia as a macro-region in the Germany educational programs: regional study
dominants 164

Umarov H.P.

Issues of information and ideological security: experience for Uzbekistan.....175

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations and Foreign Policy

Beloglazov A.V.

Activities of the Collective Security Treaty Organization in Central Asia (2002-2022).....190

Larin V.P.

On the origin of the symbol “dragon” from the zoonym “crocodile” in the cultures of
ancient Southern China and Vietnam204

Torogeldieva E.E.

The intelligentsia of Kyrgyzstan during the Great Patriotic War 1941-1945 221

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

Vitaly V. NAUMKIN,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-chief of the journal
«Russia & World: Scientific Dialogue»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Четвертый выпуск номера журнала «Россия и мир: научный диалог» за 2023 г. посвящен проблематике региона Центральной Азии, важная роль которого в современной геополитике определяется его особой значимостью для межкультурного и торгового трансфера между странами Европы, Ближнего Востока и Азии. Особую роль регион занимает в контексте влияния на процессы, идущие в четырех ядерных державах: России, Китае, Индии и Пакистане.

С учетом понимания Редакцией трендов в исследовании формирования более справедливого, полицентричного мира в данном регионе, выработки оптимальных решений в области международного сотрудничества, проведения совместных исследований и публикации их результатов, в этом специальном выпуске представлены статьи авторов из Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана.

Из них пять статей были подготовлены в рамках Программы международной мобильности ученых, организованной издателем нашего журнала – Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций. Это статьи Алламуродова Бекмурода Холмурода угли (научный руководитель – Сурма Иван Викторович, Дипломатическая академия МИД России), Доскожаевой Айзат Кылычбековны (научный руководитель – Харланов Алексей Сергеевич, Дипломатическая академия МИД России), Жумалиевой Сайкал Чубаковны (научный руководитель – Киселева Дина Ахметжановна, ИРИ РАН), Торгольдиевой Эльвиры Эсенболовны (научный руководитель – Кадырбаев Александр Шайдаатович, ИВ РАН), Холмуроди Курбонали Юнусзоды (научный руководитель – Бударина Наталья Александровна, Дипломатическая академия МИД России).

Политические науки в этом выпуске представлены результатами исследования проблематики взаимосвязанности Центральной Азии и Каспийского региона, социальных причин и возможностей выхода из экономико-политического кризиса в Пакистане, а также – на примере Казахстана и Узбекистана – цифровой

EDITOR-IN-CHIEF FORWARD

Dear readers!

The fourth issue of the journal “Russia&World: Scientific Dialogue” for 2023 is dedicated to the Central Asia region, whose important role in modern geopolitics is determined by its special significance for intercultural and trade transfers between the countries of Europe, the Middle East and Asia. The region plays a special role in influencing processes in four nuclear powers: Russia, China, India and Pakistan.

This special issue presents articles by authors from Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan, and Uzbekistan. This is due to the fact that the Editorial Board believes that research into the formation of a more just, polycentric world in this region, developing optimal solutions in the field of international cooperation, conducting joint research and publishing their results are especially important.

Of these, five articles were prepared to the International Academic Mobility Program organized for young scientists from foreign countries by the publisher of our journal, the National Research Institute for the Communications Development. These are articles by Bekmurod Kholmurod ugli Allamurodov (scientific supervisor - Ivan V. Surma, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry), Aizat K. Doskozhaeva (scientific supervisor - Alexey S. Kharlanov, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry), Saikal Ch. Zhumaliyeva (scientific supervisor - Dina A. Kiseleva, IRI RAS), Elvira E. Torogeldieva (scientific supervisor - Alexander Sh. Kadyrbaev, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences), Kurbonali Yunuszoda Kholmurodi (scientific supervisor - Natalya A. Budarina, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs).

Political sciences are presented by studies of the problems of interconnectedness of Central Asia and the Caspian region, social causes and

дипломатии, ресурсов «водной экономики» региона и «водных войн», деятельности центральноазиатских университетов и внешней торговли между Россией и Таджикистаном.

Социологические науки представлены через вопросы русской идентичности и отношения к русским в Узбекистане, этнодемографических изменений в Кыргызстане в 1920–1930-е гг., анализа образовательных программ ФРГ о Центральной Азии, зарубежного опыта в сфере обеспечения информационно-идеологической безопасности.

История международных отношений и внешней политики исследована на материалах о деятельности Организации Договора о коллективной безопасности в Центральной Азии (2002–2022), истории и наследия древних культур Азии, роли интеллигенции Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Открывает выпуск серия из семи статей, посвященных международным, глобальным и региональным процессам в сфере международных отношений.

Бекмурод Холмурод угли Алламуродов в статье, посвященной цифровой дипломатии как инструменту реализации внешней политики стран Центральной Азии (на примере Казахстана и Узбекистана), обратился к анализу концепции этого явления, сравнил на основе анализа статистических данных процессы использования цифровых инструментов дипломатическими представительствами двух стран, что позволило ему получить представление о цифровых тенденциях в их дипломатии. В результате автор предложил: «...Для того, чтобы предотвратить политический троллинг, дезинформацию и распространение фейковых сообщений в социальных сетях, необходимо создать эффективные средства и механизмы защиты населения от проникновения вредных и деструктивных идей через Интернет».

Авторитетный российский ученый Вячеслав Яковлевич Белокреницкий в статье об экономико-политическом кризисе в Пакистане в конце 2010-х – начале 2020-х гг. рассмотрел вопросы, связанные с господством в этой стране крупных потомственных землевладельцев и узкой группы богатых промышленников, отметив в то же время решающую роль, которую в управлении государством играет военная корпорация. Все это, безусловно, приводит к отставанию страны от своих соседей в регионе, к ее зависимости от международных финансовых институтов и внешней помощи. «Перспектива у государства одна, – отметил автор, – дальнейшее встраивание в систему региональных и мировых взаимосвязей. На этом пути вероятно превращение части страны в некое пространство, освоенное в своих целях Китаем и арабскими государствами Ближнего Востока, в первую очередь – Саудовской Аравией. Пакистан в любом случае окажется в эпицентре борьбы между двумя неформальными, как теперь говорят, лидерами современного мира – США и КНР».

Наталья Александровна Бударина и Холмуроди Курбонали Юнусзода на основе анализа географической и товарной структуры внешней торговли

possibilities for overcoming the economic and political crisis in Pakistan, as well as, using the example of Kazakhstan and Uzbekistan, digital diplomacy, resources of the “water economy” of the region and “water wars”, activities Central Asian universities and foreign trade between Russia and Tajikistan.

Sociological sciences are represented by articles on issues of Russian identity and attitudes towards Russians in Uzbekistan, ethno-demographic changes in Kyrgyzstan in the 1920–1930s, analysis of educational programs of Germany about Central Asia, foreign experience in the field of ensuring information and ideological security.

The history of international relations and foreign policy is studied based on the activities of the Collective Security Treaty Organization in Central Asia (2002–2022), the history and heritage of ancient cultures of Asia, the role of the intelligentsia of Kyrgyzstan during the Great Patriotic War of 1941–1945.

The issue opens with a series of seven articles devoted to international, global and regional processes in the sphere of international relations

Bekmurod Kholmurod ugli Allamurodov, in an article devoted to digital diplomacy as a tool for implementing the foreign policy of the countries of Central Asia (using the example of Kazakhstan and Uzbekistan), turned to the analysis of this phenomenon and compared, based on the analysis of statistical data, the use of digital tools by the diplomatic missions of the two countries. The author believes, “...to prevent political trolling, disinformation and the spread of fake messages on social networks, it is necessary to create effective means and mechanisms to protect the population from the penetration of harmful and destructive ideas through the Internet.”

Authoritative Russian scientist Vyacheslav Y. Belokrenitsky in an article about the economic and political crisis in Pakistan in the late 2010s - early 2020s examined issues related to the dominance in this country of large hereditary landowners and a narrow group of wealthy industrialists, and the decisive role of the military corporation in governing the state. All this leads to the country lagging behind its neighbors in the region, to its dependence on international financial institutions and external assistance. “The state has one prospect,” the author noted, “further integration into the system of regional and world relations. On this path, it is likely that part of the country will transform into a certain space, developed for its own purposes by China and the Arab states of the Middle East, primarily Saudi Arabia. Pakistan, in any case, will find itself at the epicenter of the struggle between the two informal, as they now say leaders of the modern world - the USA and China.”

Natalya A. Budarina and Kholmurodi Kurbonali Yunuszoda, based on an analysis of the geographical and commodity structure of foreign

между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан выявили проблемы, возникающие во взаимной торговле в современных реалиях. По результатам исследования они внесли некоторые практические предложения. «Для развития взаимной торговли между государствами, – сделали вывод авторы, – понадобятся как структурные элементы, такие как создание инфраструктуры для торговли и логистики, оптово-распределительных центров и логистических сервисов, а также развитие финансового сектора и др. Кроме того, важным влиянием будут обладать политические меры, включающие улучшение тарифных и нетарифных условий, а также укрепление взаимодействия между таможенными и налоговыми органами».

Айзат Кылычбековна Доскожаева и Алексей Сергеевич Харланов подняли проблематику ресурсов «водной экономики» как геополитического актива стран Центральной Азии в формировании суверенных стратегий развития. По мнению авторов, их справедливое распределение в Центрально-Азиатском регионе не теряет своей актуальности, требует согласованных подходов и использования совместных «дорожных карт»; они считают, что следовало бы диверсифицировать возникающие с этим ресурсом риски, создавая благоприятные условия для ускоренного развития всех стран Центральной Азии. Авторы пришли к выводу о том, что «...управление гидроэнергетическими ресурсами Центрально-Азиатского региона должно рассматриваться через водно-энергетический консорциум с участием государств ЕАЭС, ШОС и т.д.».

Камола Сайфиддиновна и Сайфиддин Ахматович Жураевы рассмотрели актуальные вопросы взаимосвязанности Центральной Азии и Каспийского региона. Авторы обратили внимание на то обстоятельство, что через исследование этих регионов можно увидеть весь спектр характерных для мировой системы вызовов и угроз: «...развитие в условиях многополярности и экономического противостояния Запада и Востока, нарастание цивилизационных противоречий, истощение природных ресурсов, вероятность экологических и техногенных угроз планетарного масштаба». По их мнению, «достигнутый на прошедшем 12 августа 2018 г. в Актау (Казахстан) саммите “каспийской пятерки” исторический прорыв по решению проблем Каспийского моря создает предпосылки для серьезного изменения ситуации в целом ряде сфер экономики и геополитики региона Центральной Азии и Южного Кавказа».

Валентина Вячеславовна Комлева и Жанара Таалайбек кызы в статье об университетах как субъектах международных отношений в контексте потенциала Кыргызстана представили, при каких условиях университеты могут стать эффективными субъектами международных отношений и помогать своим государствам наращивать конкурентоспособность. Авторами описаны условия и индикаторы такой субъектности, механизмы встраивания университетов в международные отношения. Выявлены положительные стороны, возможности, риски и противоречия внедрения этих механизмов в национальные образовательные системы.

trade between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan, identified the problems currently arising in mutual trade. They made some practical proposals: “For the development of mutual trade between states, both structural elements will be needed, such as the creation of infrastructure for trade and logistics, wholesale distribution centers and logistics services, as well as the development of the financial sector and others. In addition, policy measures will have an important impact, including improving tariff and non-tariff conditions, strengthening interaction between customs and tax authorities.”

Aizat K. Doskozhaeva and Alexey S. Kharlanov consider the resources of the “water economy” as a geopolitical asset of the Central Asian countries in the formation of sovereign development strategies. According to the authors, their fair distribution in the Central Asian region is urgent and requires coordinated approaches and the use of joint “road maps”; It would be necessary to diversify the risks arising from this resource, creating favorable conditions for the accelerated development of all countries of Central Asia. The authors came to the conclusion: “...management of hydropower resources in the Central Asian region should be considered through a water-energy consortium with the participation of the states of the EAEU, SCO, etc.”

Kamola S. Zhuraeva and Sayfiddin A. Zhuraev examined the interconnectedness of Central Asia and the Caspian region. The authors noted that through the study of these regions, one can see the whole range of challenges and threats characteristic of the world system: “...development in conditions of multipolarity and economic confrontation between the West and the East, the growth of civilizational contradictions, the depletion of natural resources, the likelihood of environmental and man-made threats on a planetary scale.” In their opinion, “the historic breakthrough in resolving the problems of the Caspian Sea, achieved at the Caspian Five summit held on August 12, 2018 in Aktau (Kazakhstan), creates the preconditions for a serious change in the situation in a number of areas of the economy and geopolitics of the Central Asia and South Caucasus region.”

Valentina V. Komleva and Zhanara Taalaibek kyzy, in an article about universities as subjects of international relations in the context of the potential of Kyrgyzstan, showed under what conditions universities can become effective subjects of international relations and help their states increase competitiveness. The authors describe the conditions and indicators of such subjectivity, the mechanisms for integrating universities into international relations. The positive aspects, opportunities, risks and contradictions of introducing these mechanisms into national educational systems have been identified.

Владимир Викторович Кочетков, Алексей Анатольевич Медведков, Елена Алексеевна Кузьменко, Омар Мохаммад Нессар по результатам научной дискуссии, проведенной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (НИИРК) в партнерстве с Российским военно-историческим обществом в сентябре 2023 г., представили статью «“Водные войны” как источник и инструмент международных конфликтов». Авторы обращают внимание читателей на следующий международно-политический тренд: конкуренция за водные ресурсы стала опережать по своей остроте даже конкуренцию за энергоносители, поскольку в настоящее время «водную основу» имеют противоречия между Иорданией, Израилем и Сирией; Турцией и Сирией; Казахстаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Таджикистаном и Кыргызстаном. «Борьба за запасы пресной воды, – делают вывод авторы, – стала важной составляющей многих международных конфликтов за последние сотни лет. За столь короткий исторический промежуток конкуренция за водные ресурсы стала опережать по своей остроте даже конкуренцию за энергоносители».

Вопросы изменяющегося социума в контексте исследования социальной структуры, социальных институтов и процессов, политической социологии рассмотрены в четырех статьях.

Открывает рубрику статья Антона Владимировича Василенко «Россия и Узбекистан: русская идентичность и отношение к русским». Она посвящена результатам исследования коммуникационного режима Республики Узбекистан по отношению к Российской Федерации в свете современных изменений в мировом порядке. Основное содержание послания автора заключается в следующем его выводе: «Как официальные ресурсы, так и СМИ Республики Узбекистан, – пишет автор, – определенно транслируют дружественную, позитивную коммуникацию по отношению к России, русским, русскому языку и русской идентичности, даже в условиях политической турбулентности последних лет. Узбекистан был и остается надежным партнером и союзником нашей страны и важно не упустить эту положительную линию наших отношений и выстраивать их на взаимоважании, партнерстве и общей исторической памяти двух народов».

Сайкал Чубаковна Жумалиева провела сравнительный анализ статистических данных об этнодемографических процессах, в том числе на примере отдельных, наиболее показательных регионов Кыргызстана. Автор обращает внимание читателей на этнодемографические изменения в Кыргызстане, произошедшие в 1920–1930-е гг., и их воздействия на дальнейшую историческую судьбу страны. Она приходит к актуальному выводу о том, что «политика переселения, миграция разных этносоциальных групп населения повлияли на межкультурные коммуникации. Они сопровождались усложнением взаимодействия и механизмов межкультурной адаптации представителей разных этнических общностей и групп, комплексное изучение которых представляется дальнейшей актуальной задачей».

Vladimir V. Kochetkov, Alexey A. Medvedkov, Elena A. Kuzmenko, Omar M. Nessar, based on the results of a scientific discussion held by the National Research Institute for the Communications Development (NIIRK) in partnership with the Russian Military Historical Society in September 2023, presented the article ““Water wars” as a source and instrument of international conflicts.” The authors draw attention to an important international political trend: currently the “water-based” contradictions between Jordan, Israel and Syria; Turkey and Syria; Kazakhstan, Turkmenistan, Uzbekistan and Tajikistan and Kyrgyzstan. “The struggle for fresh water supplies,” the authors conclude, “has become an important component of many international conflicts over the last hundred years. In such a short historical period, competition for water resources has become even more intense than competition for energy resources.”

Issues of a changing society in the context of the study of social structure, social institutions and processes, and political sociology are discussed in four articles.

The section opens with an article by Anton V. Vasilenko “Russia and Uzbekistan: Russian Identity and Attitude towards Russians.” It is devoted to the results of a study of the communication regime of the Republic of Uzbekistan in relation to the Russian Federation in the situation of modern changes in the world order. The main conclusion is as follows: “Both official resources and the media of the Republic of Uzbekistan definitely broadcast friendly, positive communication towards Russia, Russians, the Russian language and Russian identity, even in the conditions of political turbulence in recent years. Uzbekistan has been and remains a reliable partner and ally of our country, and it is important not to miss this positive line of our relations and build them on mutual respect, partnership and the common historical memory of the two peoples.”

Saikal Ch. Zhumalieva conducted a comparative analysis of statistical data on ethno-demographic processes in the most representative regions of Kyrgyzstan. The author draws attention to the ethno-demographic changes in Kyrgyzstan in the 1920–1930s and their impact on the future fate of the country. She comes to the relevant conclusion that “the policy of resettlement, the migration of different ethnosocial groups of the population influenced intercultural communications. They were accompanied by the complication of interaction and mechanisms of intercultural adaptation of representatives of different ethnic communities and groups, the comprehensive study of which seems to be an urgent task.”

Elena A. Kuzmenko in the article “Central Asia as a Macro-Region in the Light of Educational Programs of Germany: Regional Dominants of Study” turned to the political-geographical understanding of the boundaries of the macro-region of Central Asia through an analysis of higher

Елена Алексеевна Кузьменко в статье «Центральная Азия как макрорегион в свете образовательных программ ФРГ: региональные доминанты изучения» обратилась к выявлению политико-географического понимания границ макрорегиона Центральной Азии через анализ программ высшего образования университетов Германии. Актуальным представляется вывод автора о том, что «карьерные возможности выпускников таких программ в повседневной работе (как научной, так и внеакадемической) определены интересами бизнеса и задачами внешней политики ФРГ; и бизнес, и внешняя политика имеют конкретные проекты, стратегии или целевые программы. Таким образом, автономность и независимость учебного процесса и дальнейшей научной и практической деятельности выпускников и молодых ученых оказываются эфемерными».

Хайрулла Пайзуллаевич Умаров проанализировал вопросы обеспечения информационно-идеологической безопасности в аспекте зарубежного опыта с учетом того, что ведущие страны мира начали обращать внимание на информационные войны в виде идеологической борьбы еще с начала 60-х гг. XX в. А уже в XXI в., с развитием информационных технологий и социальных сетей, методы и способы ведения информационных войн расширились. Обращает на себя внимание следующий вывод автора: «Анализ информационно-идеологической безопасности в Узбекистане показывает, что отсутствует комплексная система организации духовно-воспитательных процессов, проводится недостаточная организационно-практическая и научно-исследовательская работа по защите национальных интересов и базовых ценностей населения (и в первую очередь молодежи) от информационно-идеологических и политических угроз, наблюдается отсутствие координации государственных организаций, институтов гражданского общества и общественности, социальное сотрудничество СМИ и частного сектора не налажено на должном уровне».

История международных отношений и внешней политики во взаимосвязи исторической ретроспективы с современностью представлена в трех статьях.

Альберт Владиславович Белоглазов рассмотрел деятельность Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в Центральной Азии (2002–2022). Автором выявлен вклад ОДКБ в процесс обеспечения безопасности в Центральной Азии, охарактеризована миротворческая деятельность Организации. Автор дает ответ на вопрос о том, почему ОДКБ не развернула по просьбе Киргизии миротворческую миссию во время беспорядков 2010 г., но откликнулась на аналогичную просьбу Казахстана во время январских событий 2022 г. Основной вывод автора заключается в том, что «страны Центральной Азии не всегда считают ОДКБ основным инструментом обеспечения региональной безопасности, что отражается и в их действующих концепциях внешней политики. Особенно сильные имиджевые потери у Организации были в 2010 г., после отказа помочь Киргизии в условиях межнационального киргиз-

education programs at German universities. The relevant conclusion is that “the career opportunities of graduates of such programs in everyday work (both scientific and non-scientific) are determined by the interests of business and the objectives of German foreign policy; both business and foreign policy have specific projects, strategies or targeted programs. Thus, the autonomy and independence of the educational process and further scientific and practical activities of graduates and young scientists turn out to be ephemeral.”

Khairulla P. Umarov analyzed foreign experience in ensuring information and ideological security. The leading countries of the world began to pay attention to information wars for ideological struggle since the early 1960s. And already in the 21st century, with the development of information technology and social networks, methods of conducting information wars have expanded. The author’s conclusion is important: “An analysis of information and ideological security in Uzbekistan shows that there is no comprehensive system for organizing spiritual and educational processes, insufficient organizational, practical and scientific research work is being carried out to protect the national interests and basic values of the population (and primarily youth) from informational, ideological and political threats, lack of coordination of government organizations, civil society institutions and the public, social cooperation between the media and the private sector is not established at the proper level.”

The history of international relations and foreign policy in relation to modern times is presented in three articles.

Albert V. Beloglazov reviewed the activities of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) in Central Asia (2002–2022). The author has identified the contribution of the CSTO to ensuring security in Central Asia and characterized the peacekeeping activities of the Organization. The author answers the question why the CSTO did not deploy a peacekeeping mission at the request of Kyrgyzstan during the unrest in 2010, but responded to a similar request from Kazakhstan during the January events of 2022. The author believes that “Central Asian countries do not always consider the CSTO the main instrument for ensuring regional security, which is reflected in their foreign policy concepts. The Organization suffered image losses in 2010, after refusing to help Kyrgyzstan in the interethnic Kyrgyz-Uzbek conflict in the south of the country. Nevertheless, peacekeeping has become an important element of the Organization’s activities. Having practiced the conduct of peacekeeping operations in numerous exercises, in 2022 in Kazakhstan the CSTO, for the first time in twenty years of existence, was able to clearly demonstrate its feasibility, efficiency and effectiveness.”

ско-узбекского конфликта на юге страны. Тем не менее миротворчество явилось важным элементом деятельности Организации. Отрабатывая проведение миротворческих операций на многочисленных учениях, в 2022 г. в Казахстане ОДКБ впервые за двадцать лет существования смогла наглядно продемонстрировать свою целесообразность, оперативность и эффективность».

Статья Вадима Петровича Ларина стала наиболее дискуссионной, мнения членов редколлегии и рецензентов разделились. Редакция посчитала ее оригинальной, приняла решение о публикации результатов его исследования и надеется на обратную связь от экспертов в этой области. Статья посвящена происхождению символа «дракон» от зоонима «крокодил» в древних культурах Южного Китая и Вьетнама. Теплый климат в устье Янцзы и на побережье Восточно-Китайского моря, по мнению автора, обусловили обитание большого количества аллигаторов в царстве Юэ, что и явилось причиной как данного географического названия, так и этнонима в качестве тотема «крокодил». Автор выдвинул гипотезу о том, что древние этноним и топоним «Юэ» 越, (совр. – «Вьетнам») происходят от китайского зоонима «крокодил» – 鳄鱼 *eyú*.

Эльвира Эсенболовна Торогольдиева своей статьей «Интеллигенция Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» завершает представление содержания статей специального номера журнала, посвященного процессам, происходящим в Центральной Азии. Она посвящена становлению и развитию кыргызской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Автор пишет о том, что в целях ускоренного пополнения интеллигенции республики партийными и советскими органами был использован метод выдвиженчества, анализу причин возникновения которого и конкретизации обозначенного явления, равно как и его значению, посвящена статья. Автор делает вывод о том, что «проблема кадров интеллигенции в республике с началом войны и призывом в Красную армию многочисленных ее представителей приняла чрезвычайно острый характер. Ощущался большой недостаток специалистов всех отраслей народного хозяйства и культуры. В целях ускоренного пополнения многих отрядов интеллигенции партийными и советскими органами был использован метод выдвиженчества, особенно выдвижение женщин на руководящую и организаторскую работу».

Уважаемые читатели!

Редакционная коллегия журнала выражает надежду на то, что представленные материалы вызовут у вас интерес и вы сами войдете в число наших авторов.

Академик РАН Виталий Наумкин

The article by Vadim P. Larin was the most controversial; the opinions of the members of the editorial board and reviewers were different. The editors considered it original, decided to publish the results of his research and hope for feedback from experts in this field. The article is devoted to the origin of the symbol “dragon” from the zoonym “crocodile” in the ancient cultures of Southern China and Vietnam. The warm climate at the mouth of the Yangtze and on the coast of the East China Sea, according to the author, determined the large number of alligators in the kingdom of Yue, which was the reason for this geographical name. The author hypothesized that the ancient ethnonym and toponym “Yue” 越, (modern – “Vietnam”) come from the Chinese zoonym “crocodile” - 鳄鱼 *eyú*.

Elvira E. Torogeldieva with her article “The Intelligentsia of Kyrgyzstan during the Great Patriotic War of 1941–1945” concludes the special issue of the magazine. It is dedicated to the formation of the Kyrgyz intelligentsia during the Great Patriotic War of 1941–1945. The author writes that to accelerate the replenishment of the intelligentsia of the republic by party and Soviet bodies, the method of promotion was used. The article is devoted to the analysis of the reasons for the occurrence of the phenomenon and its specification, its significance. The author concludes that “the problem of intelligentsia in the republic with the outbreak of the war and the conscription of numerous of its representatives into the Red Army became extremely acute. There was a great shortage of specialists in all sectors of the national economy and culture. In order to accelerate the replenishment of many groups of intelligentsia by the party and Soviet bodies, the method of promotion was used, especially the promotion of women to leadership and organizational work.”

Dear readers!

The editorial board of the journal hopes that the materials of the issue will arouse your interest and that you yourself will become one of our authors in the future.

Academician of the Russian Academy of Sciences Vitaly Naumkin

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

... для того, чтобы предотвратить политический троллинг, дезинформацию и распространение фейковых сообщений в социальных сетях, необходимо создать эффективные средства и механизмы защиты населения от проникновения вредных и деструктивных идей через Интернет.

Алламуродов Б.Х.

Цифровая дипломатия как инструмент реализации внешней политики стран Центральной Азии (на примере Казахстана и Узбекистана)

Перспектива у государства одна – дальнейшее встраивание в систему региональных и мировых взаимосвязей. На этом пути вероятно превращение части страны в некое пространство, освоенное в своих целях Китаем и арабскими государствами Ближнего Востока, в первую очередь Саудовской Аравией. Пакистан в любом случае окажется в эпицентре борьбы между двумя неформальными, как теперь говорят, лидерами современного мира – США и КНР.

Белокреницкий В.Я.

Экономико-политический кризис в Пакистане: социальные причины и возможности выхода

Для развития взаимной торговли между государствами понадобятся как структурные элементы, такие как создание инфраструктуры для торговли и логистики, оптово-распределительных центров и логистических сервисов, а также развитие финансового сектора и другие факторы. Кроме того, важным влиянием будут обладать политические меры, включающие улучшение тарифных и нетарифных условий, а также укрепление взаимодействия между таможенными и налоговыми органами.

Бударина Н.А., Юнусова К.Х.

Проблемы развития внешней торговли между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан в современных реалиях

... управление гидроэнергетическими ресурсами Центрально-Азиатского региона должно рассматриваться через водно-энергетический консорциум с участием государств ЕАЭС, ШОС и т.д.

Доскожаева А.К., Харланов А.С.

Ресурсы водной экономики, как геополитический актив стран Центральной Азии в формировании суверенных стратегий развития

Достигнутый на прошедшем 12 августа 2018 г. в Актау (Казахстан) саммите «каспийской пятёрки» исторический прорыв по решению проблем Каспийского моря создает предпосылки для серьезного изменения ситуации в целом ряде сфер экономики и геополитики региона Центральной Азии и Южного Кавказа.

Жураева К.С., Жураев С.А.

Взаимосвязанность Центральной Азии и Каспийского региона: актуальные вопросы

Специфика современных кыргызстанских университетов в том, что, переводя обучение и общение на национальный язык, университеты сужают круг зарубежных партнёров и интересантов. Поэтому усиление международной субъектности кыргызстанских университетов тесно связано с развитием программ не только на кыргызском, но на языках международного общения (русский, английский и др.).

Комлева В.В., Таалайбек К.Ж.

Университеты как субъекты международных отношений: потенциал Кыргызстана

Борьба за запасы пресной воды стала важной составляющей многих международных конфликтов за последнюю сотню лет. За столь короткий исторический промежуток конкуренция за водные ресурсы стала опережать по своей остроте даже конкуренцию за энергоносители.

Кочетков В.В., Медведков А.А., Кузьменко Е.А., Нессар О.М.

«Водные войны» как источник и инструмент международных конфликтов

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global and regional studies

Научная статья

УДК 327 (575.1)

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Политические науки

Цифровая дипломатия как инструмент реализации внешней политики стран Центральной Азии (на примере Казахстана и Узбекистана)

Бекмурод Холмурод угли Алламуродов ✉

Координационно-методический центр по вопросам новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан
Bekmurod555@mail.ru, <https://orcid.org/0003-1713-8826>

Аннотация. Многие страны уделяют большое внимание использованию цифровых технологий в качестве инструмента реализации своей внешней политики. В частности, широкая популярность современных информационно-коммуникационных достижений, таких как Интернет, социальные сети, СМИ, новые каналы связи, стала основным инструментом реализации внешнеполитических задач государства. Целью данной работы является анализ концепции цифровой дипломатии, которая считается новым явлением в рамках международных отношений. Также в статье сравниваются процессы использования цифровых инструментов дипломатическими представительствами Республики Казахстан и Республики Узбекистан. По каждой из стран представлены статистические данные, которые позволили получить наиболее полное представление о цифровых тенденциях в дипломатии вышеуказанных стран.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, внешняя политика, «мягкая сила», Казахстан, Узбекистан, информационно-коммуникационные технологии

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским

институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран. Научный руководитель – Сурма Иван Викторович, к.э.н., профессор, Дипломатическая академия МИД России.

Для цитирования: Алламуродов Б.Х. Цифровая дипломатия как инструмент реализации внешней политики стран Центральной Азии (на примере Казахстана и Узбекистана) // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Political Sciences

Digital diplomacy as a tool for implementing the foreign policy of Central Asian countries (on the example of Kazakhstan and Uzbekistan)

Bekmurod Holmurod ogly Allamurodov ✉

The Coordination and Methodological center of Uzbekistan's contemporary history at the Academy of Science, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Bekmurod555@mail.ru, <https://orcid.org/0003-1713-8826>

Abstract: Many countries pay great attention to the use of digital technologies as a tool for implementing their foreign policy. The popularity of modern information and communication achievements, such as the Internet, social networks, mass media, new communication channels, makes it possible to use them to implement the foreign policy objectives of the state. The purpose of this work is to analyze digital diplomacy, which is considered a new phenomenon in international relations. The article compares the use of digital tools by the diplomatic missions of the Republic of Kazakhstan and Uzbekistan. Statistical data are presented for each of the countries, which allowed us to get the most complete picture of digital trends in the diplomacy of the above-mentioned countries.

Keywords: Digital diplomacy, foreign policy, soft power, Kazakhstan, Uzbekistan, information and communication technologies

Acknowledgements: The article was prepared according to the International Academic Mobility Program organized for young scientists from foreign countries by the National Research Institute for the Communications Development. Scientific supervisor – I. V. Surma, Cand.Sc (Economy), Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

For citation: Allamurodov B.Kh. Digital diplomacy as a tool for implementing the foreign policy of Central Asian countries (on the example of Kazakhstan and Uzbekistan). Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 4(10): XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Введение

За последние десять лет использование цифровых технологий и дипломатии стало одним из главных приоритетов коммуникации во внешнеполитической деятельности государства. В частности, цифровая дипломатия стала одним из самых быстрых и удобных способов выражения государствами своего официального отношения к политическим процессам, происходящим на международной арене. Республика Казахстан и Республика Узбекистан не остались в стороне от этих процессов. Анализ средств массовой информации, Интернета и социальных сетей показывает, что в последующие годы возникает необходимость совершенствования деятельности МИД Узбекистана и Казахстана, использования широких возможностей современных информационно-коммуникационных технологий в этой сфере и ускорить внедрение цифровой дипломатии. Учитывая эти процессы, целью данной статьи является анализ понятия «цифровая дипломатия», которое считается новым явлением в международных отношениях, а также анализ этапов внедрения цифровых технологий в Республике Узбекистан и Республике Казахстан и использование цифровой дипломатии во внешнеполитической деятельности стран.

Материалы и методы

Автор проанализировал теоретические подходы к понятию «цифровая дипломатия», которое считается новым явлением в международных отношениях. Цель достижения объективного результата научного исследования потребовала использования следующих методов: сравнительного анализа, контент-анализа, а также фактологического анализа выводов и данных международных организаций по теме цифровизации в Казахстане и Узбекистане.

Материалы исследования автора составляют научные работы из англосаксонских источников: Б.Хокинг. *Diplomacy in the Digital Age*; И.Манор. *Digital diplomacy: Theory and practice*; российские ученые (А.И.Кубышкин, Н.А.Цветкова. *Публичная дипломатия*).

Объективность выводов основана на широком использовании современных, новых материалов и информации международных организаций, мнений, позиций и прогнозов известных ученых и авторов, изучающих процессы цифровизации интернет-пространств и социальных сетей. Также были проанализированы факты и процессы цифровизации политической сферы и интернет-пространства в современном Казахстане и новом Узбекистане. Была использована информация с официальных сайтов Facebook^{*1}, Instagram^{*2} и данные из других открытых источников МИД двух стран.

1 *Деятельность в России заблокирована по требованию Роскомнадзора, 18+

2 *Деятельность в России заблокирована по требованию Роскомнадзора, 18+

Результаты исследования

Термин «Цифровая дипломатия» впервые был упомянут в книге «Цифровая дипломатия: американская внешняя политика в эпоху информации» американского журналиста У.Дизарда. В этой книге автор анализирует использование информационных технологий во внешней политике и военных отношениях страны, а также представляет разработанную им персональную программу правительства США. По его словам, в контексте развития роли неправительственных и транснациональных организаций «цифровая дипломатия» представляется как сложное, но успешное средство коммуникации [1, с. 232]. Понятие «цифровая дипломатия» считается новым термином для современных источников научной литературы и во многих аспектах коррелирует с такими терминами, как: «кибердипломатия» (Barston, 2014), «социальная дипломатия», «виртуальная дипломатия», «электронная дипломатия» (Hocking, Мелиссен, Риордан и Шарп, 2012), «дипломатия 2.0» (Харрис, 2013), которые интерпретируются и используются как понятия, имеющие одно и то же значение.

Хотя концепция цифровой дипломатии начала применяться в политической сфере с начала XX в., до сегодняшнего дня исследователи и политологи не дали единого определения этого термина. Это, в свою очередь, вызвало ряд мнений среди исследователей и ученых.

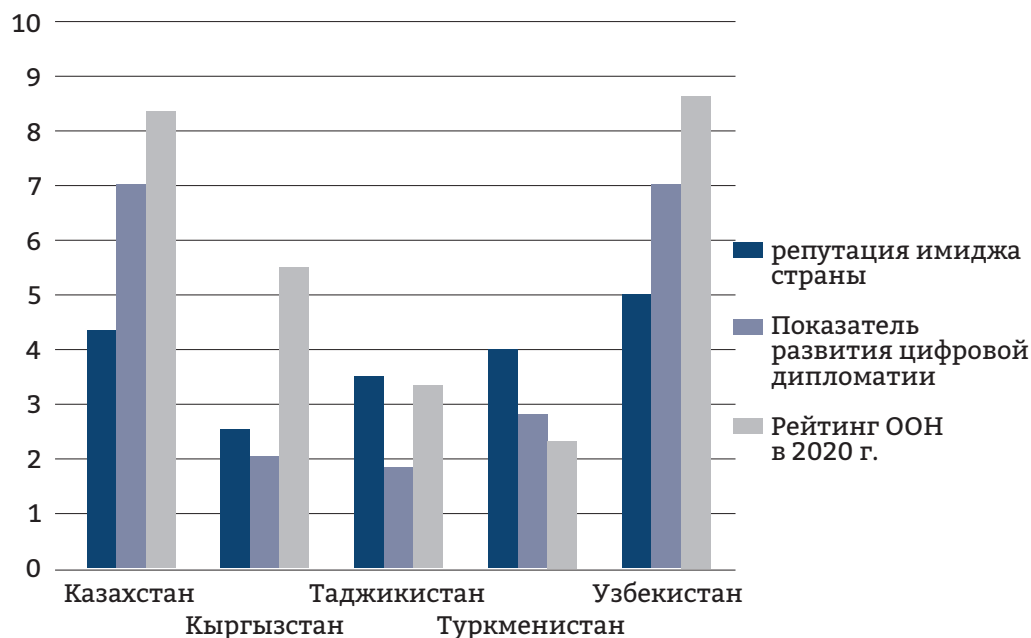
В частности, представители англосаксонской школы, такие как М.Холмс, Э.Сегев, И.Манор, А.Росс, Д.Льюис, К.Бьола, определяют понятие цифровой дипломатии как инструмент «мягкой силы», и подчеркивается, что ее следует использовать в международной политике и дипломатии, основанной на взаимном доверии и ценностях [2, с. 89-108].

Представители второй группы исследований (российские ученые) описывают цифровую дипломатию прежде всего как инструмент формирования общественного мнения и как фактор влияния на процесс принятия внешнеполитических и политико-экономических решений. В частности, А.В.Крикунов трактует цифровую дипломатию с точки зрения применения современных информационно-коммуникационных технологий для решения внешнеполитических задач, а доктор политических наук Е.С.Зиновьева – в смысле более широкого использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включая новые медийные инструменты, социальные сети, блоги и аналогичные медиаплатформы глобальной сети, при реализации актуальных задач внешнеполитической повестки государственных органов [3, с. 92].

Современные процессы глобализации, информационно-коммуникационные технологии в развитых странах, эффективное развитие Интернета и усиление роли неправительственных организаций стран в международных отношениях побуждают к широкому использованию передовых технологий, систем и механизмов. Как новая форма использования «мягкой силы» во внешней политике государств термин «цифровая дипломатия» часто используется во внешней политике ведущих стран мира:

США, Канады, России, Японии, Франции, Ирана и других стран. Страны Центральной Азии не являются исключением (Рисунок 1).

Рисунок 1. Индикаторы развития цифровой дипломатии стран Центральной Азии и индикаторы состояния имиджа их страны
Figure 1. Indicators of the digital tools development in Central Asian countries and indicators of their country's image

Источник: Goals of development of digital diplomacy and actions-results in this regard in Central Asian countries. Международный научный журнал № 10 (100), часть 2 «Новости образования: исследование в XXI веке» (май, 2023)

Source: Goals of development of digital diplomacy and actions-results in this regard in Central Asian countries. International Scientific Journal. 2023; May 10 (100), Part 2 "News of education: Research in the XXI century"

Стоит отметить, что внедрение цифровых инструментов зависит от существующей в стране инфраструктуры ИКТ, в частности, от интернет-покрытия и скорости интернет-подключений. Национальная стратегия государства, основанная на цифровизации, успешной организации государственных услуг и электронного правительства, находит свое отражение в направлении цифровой дипломатии страны. В частности, Казахстан и Узбекистан входят в число стран, которые значительно более успешны в этом направлении, чем другие страны Центральной Азии. По результатам исследования «База знаний электронного правительства» организации ООН Казахстан и Узбекистан входят в лидеры числа стран Центральной Азии по «Индикатору развития электронного правительства» и «Индикатору электронного участия». По данным «Индекса развития

электронного правительства», Казахстан занимает 28-е место среди 193 стран с показателем 0,8628%³.

В соответствии с Законом Республики Казахстан от 7 марта 2002 г. «О дипломатической службе Республики Казахстан» Министерство иностранных дел должно разрабатывать основные направления внешней политики и реализовывать международные инициативы страны. Согласно официальному заявлению МИД, Республика Казахстан информирует международное сообщество о своей позиции по международным проблемам и о внешнеполитических инициативах, направленных на политическое, социально-экономическое и культурно-гуманитарное развитие страны, с использованием современных возможностей информационно-коммуникационных технологий и традиционной дипломатии⁴.

Программа «Цифровой Казахстан на 2018–2022 годы» была представлена Правительством Казахстана еще 31 января 2017 г. и создала первую законодательную базу для проведения цифровизации в стране. Целью этой программы было ускорение экономического развития Республики Казахстан и улучшение качества жизни граждан за счет использования цифровых технологий в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Инициатива по программе «Цифрового Казахстана» охватывает пять ключевых направлений:

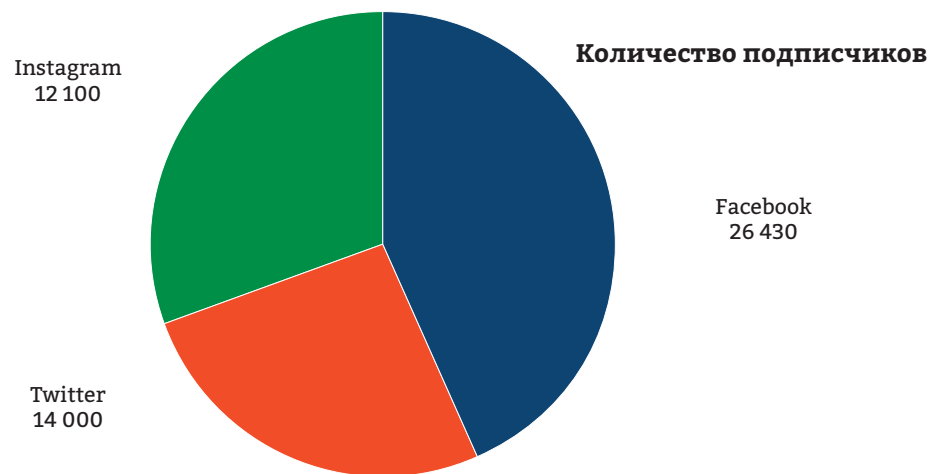
1. Цифровизация отраслей экономики.
2. Переход в цифровое государство.
3. Реализация цифрового Шелкового пути.
4. Развитие человеческого капитала.
5. Создание инновационной экосистемы⁵.

Данные реформы, связанные с использованием цифровых технологий в деятельности Министерства иностранных дел и посольств Республики Казахстан в зарубежных странах, способствуют более полной и эффективной цифровизации республики. Многие внешнеполитические ведомства Республики Казахстан за рубежом имеют свои собственные сайты и аккаунты в социальных сетях. Число активных пользователей глобальной сети в Казахстане в январе 2023 г. составило 17,3 млн пользователей, что охватывает около 90% населения.

³ Statista. Internet penetration rate in Kazakhstan from 2011 to 2021. Murojat: 17.10.2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/769863/internet-penetration-rate-kazakhstan/#statisticContainer>.

⁴ Министерство иностранных дел Республики Казахстан. К Закону РК от 3 марта 2021 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон «О дипломатической службе Республики Казахстан». URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/45980?lang=ru>.

⁵ Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 «Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан»». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/P1700000827/>

Рисунок 2. Наиболее популярные социальные сети в Казахстане (2023)
Figure 2. The most popular social networks in Kazakhstan (2023)

Источник: Приведено на основе данных DataReportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-kazakhstan#:~:text=Kazakhstan%20was%20home%20to%2011.85,percent%20of%20the%20total%20population>

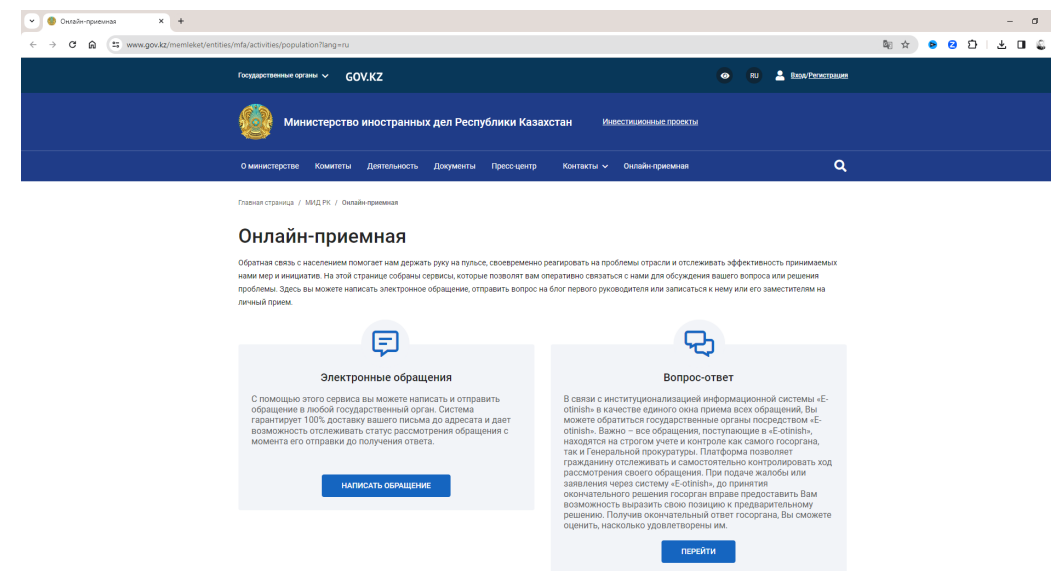
Source: Based on Datareportl data. URL: <https://datareportl.com/reports/digital-2023-kazakhstan#:~:text=Kazakhstan%20was%20home%20to%2011.85,percent%20of%20the%20total%20population>.

По состоянию на 2023 г. уровень использования Интернета в Казахстане составлял 90,9% от общей численности населения. Также количество активных пользователей социальных сетей составляет 11,85 млн человек. Этот показатель равен 60,8 процента от общей численности населения. Самой популярной социальной сетью среди казахстанцев является Facebook* – сеть, насчитывающая 2,30 млн пользователей, за ней следуют Instagram*, LinkedIn*, Twitter*⁶ (Рисунок 2).

Государственные учреждения Казахстана также расширяют свое участие в глобальной сети Интернет. Нурсултан Назарбаев, первый президент Казахстана, впервые создал свою официальную страницу в «Фейсбуке», «Твиттере», а в 2014 г. – в «Инстаграме». Сегодня практически все министерства и ведомства, а также другие государственные органы зарегистрировали и ведут свои собственные официальные сайты. Министерство иностранных дел Республики Казахстан предоставляет возможность и координирует размещение информации о текущих событиях, происходящих во внешней политике, прежде всего в социальных сетях и, в частности, на информационных ресурсах «Фейсбук»* и «Твиттер»*.

Также Министерство иностранных дел Республики Казахстан развивает проект цифровизации, используя не только социальные сети, но и создавая широкий спектр мобильных приложений. Так, например, в 2017 г. было запущено специальное при-

⁶ DataReportal. Digital in Kazakhstan. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-kazakhstan#:~:text=Kazakhstan%20was%20home%20to%2011.85,percent%20of%20the%20total%20population>.

Рисунок 3. Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Казахстан (2023)
Figure 3. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan (2023)

Источник: Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa?lang=kk>

Source: Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa?lang=kk>

ложение «SmartTravelKZ», ориентированное на граждан Казахстана, выезжающих в зарубежные страны. Приложение содержит актуальную и необходимую информацию о странах, включая полезные рекомендации для путешественников⁷.

«SmartTravelKZ» – не единственная программа, разработанная правительством Республики Казахстан. Есть и другие приложения для мобильных устройств. В частности, приложение «Казахстанская земля Великой степи» предоставляет информацию об истории Республики Казахстан, об особенностях ее географии, экономики и о современной политике Казахстана. Это приложение может быть полезно прежде всего для туристов и, кроме того, представлять практическую ценность для людей, интересующихся и изучающих Казахстан. Посредством подобных цифровых инициатив Казахстан реализует возможности по развитию своей публичной дипломатии⁸. Хотя программы, продвигающие бренд

⁷ Официальный сайт МИД РК (2017). МИД презентовал мобильное приложение для граждан. URL: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/mid-prezentoval-mobilnoe-prilozenie-dla-grazdan>.

⁸ Приложение в App Store “Kazakhstan Land of the Great Steppe”. URL: <https://itunes.apple.com/us/app/kazakhstan-land-of-the-great-steppe-s/id1117366063?mt=8&ign-mpt=uo%3D4>.

страны, созданы, но их полноценной интеграции с официальным сайтом МИД страны пока не существует.

На официальной странице МИД представлены такие вопросы, как отношения между странами, взаимные визиты, обслуживание граждан, выдача виз и получение гражданства. Однако не существует национальной информации о брендинге или специальных веб-сайтов (Рисунок 3).

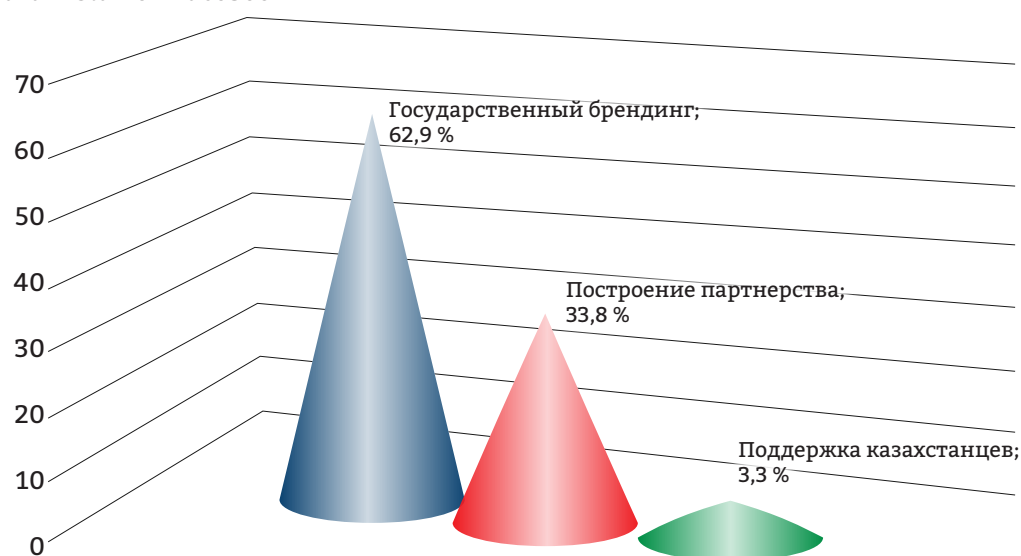
На основе анализа официальных страниц и подходов, представленных на сайте МИД, можно выделить два направления:

1. Информация о деятельности Министерства иностранных дел республики, то есть массовой пропагандистской деятельности.

2. Оказание услуг гражданам. Жалобы и иски и другие услуги, в том числе оформление виз гражданам и иностранцам, получение гражданства, проведение следственных мероприятий [4, с. 92].

Согласно приведенной выше статистике, социальной сетью с наибольшим количеством пользователей в Республике Казахстан является Facebook*.

Рисунок 4. Темы на страницах МИД РК в «Фейсбуке»
Figure 4. Topics on the pages of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan on Facebook*

Источник: Botakoz K. and Almash A. Facebook* as a Digital Diplomacy Tool: Case of Kazakhstan. Proceedings of the 6th European Conference on Social Media. University of Brighton UK, June 13-14, 2019:156.

Source: Botakoz K. and Almash A. Facebook* as a Digital Diplomacy Tool: Case of Kazakhstan. Proceedings of the 6th European Conference on Social Media. University of Brighton UK, June 13-14, 2019:156.

Согласно контент-анализу страниц в Facebook*, представленных Министерством иностранных дел, информация в основном используется для продвижения

страны и ее культуры, истории, туристических направлений, а также ее политического положения на международном уровне (Рисунок 4). Большая часть материалов посвящена этим темам и в основном представлена в виде репостов официальных сообщений со страниц МИД, Администрации Президента Республики Казахстан и СМИ. Судя по количеству материалов, размещенных в Facebook, отдел «Сотрудничество и развитие сотрудничества» предоставил информацию о двусторонней встрече (не только на уровне МИД и посольств, но и на уровне президентов и представителей стран). При анализе блока «Поддержка граждан и диаспоры Казахстана» установлено, что в этой подборке находится информация с наименьшим количеством постов. Однако следует отметить, что этот блок состоит в основном из материалов МИД и посольств. В данном блоке собрана информация о различных мероприятиях с участием граждан Казахстана, студентов принимающей страны и представителей казахской диаспоры [5, с. 156]. Большинство постов посольств и МИД на «Фейсбук»* в основном направлены на создание государственного брендинга.

В Республике Узбекистан процесс внедрения цифровой дипломатии начался в 2016 г. Развитие цифровой дипломатии в стране, коренная трансформация и совершенствование системы Министерства иностранных дел Республики Узбекистан, включая Стратегию действий на период 2017–2021 гг. по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан, а также Концепцию Административной реформы в Республике Узбекистан, формируют основной пакет конкретных и определенных задач, необходимых для реализации проекта⁹.

По данным Twiplomacy, цифровыми ресурсами с активными пользователями социальных сетей в Узбекистане являются прежде всего пресс-служба президента Шавката Мирзиёева и премьер-министра Абдуллы Орипова, а также портал gov.uz и сайт Министерства иностранных дел Республики Узбекистан [6, с. 58-61].

Пресс-служба президента Шавката Мирзиёева является одной из ведущих служб, которые активно используют возможности социальных сетей. У цифрового ресурса пресс-службы президента в «Твиттере»* более 39 000 подписчиков, а также в Instagram* более 3 млн подписчиков, а страница в «Фейсбук»* имеет более чем 242 000 пользователей. Сегодня пресс-служба президента Республики Узбекистан имеет статус активного пользователя по следующим ключевым направлениям:

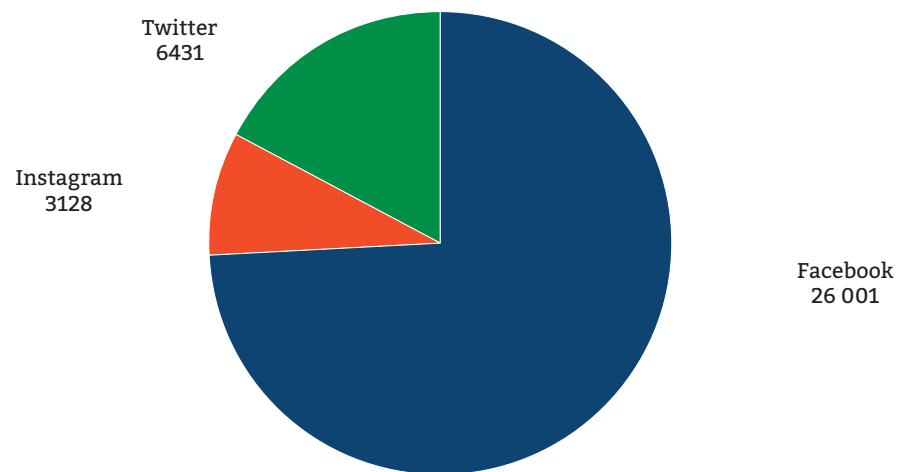
- 1) по числу наиболее популярных мировых лидеров – 3 млн пользователей, 16-е место в мировом рейтинге;
- 2) по количеству самых известных лидеров с наибольшим количеством связей: взаимодействия – 22-е место с 9 млн пользователей;
- 3) входит в число самых успешных пользователей в мире – 39-е место.

По данным на 2023 г. в Узбекистане насчитывается 26,74 млн пользователей Интернета (увеличение на 8,84 миллиона по сравнению с 2020 г.), уровень исполь-

⁹ Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию системы Министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности в реализации приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности». URL: <https://lex.uz/acts/-3611072>.

зования глобальной сети составляет 76,6 процента. На сегодняшний день количество пользователей социальной сети составляет 5,35 млн (увеличилось на 1,94 млн по сравнению с 2020 г.). Это соответствует 15,3% от общей численности населения (Рисунок 5).

Рисунок 5. Наиболее используемые социальные сети в Казахстане (2023)
Figure 5. The most used social networks in Kazakhstan (2023)

Источник: Приведено на основе данных DataReportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-uzbekistan>
Source: Based on DataReportal data. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-uzbekistan>

На начало 2023 г. в Узбекистане было активировано 31,84 млн сотовых мобильных подключений, что соответствует 91,2% от общей численности населения.

Согласно информации, опубликованной на рекламных ресурсах «Мета»¹⁰, на начало 2023 г. Facebook* имеет 1,65 млн пользователей в Узбекистане. Число пользователей Instagram в Узбекистане составляет 4,20 млн человек. Twitter* имеет 148 700 пользователей в Узбекистане¹¹.

Для повышения стабильной и эффективной роли государственных органов в социальных сетях необходимо использовать системный подход. По утверждению некоторых исследователей (Hocking B., Melissen J., 2015), существует ряд факторов, которые могут оказывать влияние на успешную реализацию процессов цифровизации внешнеполитической деятельности министерств иностранных дел:

Во-первых, внешнеполитическому ведомству необходимо рассмотреть возможность внутренней структурной поддержки, для чего необходимо создание специального подразделения, включающего экспертов по цифровизации.

¹⁰ Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

¹¹ DataReportal. Digital in Uzbekistan. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-uzbekistan>.

Во-вторых, требуется эффективный цифровой модератор, то есть человек, который активно поддерживает и развивает процессы цифровизации.

В-третьих, необходимы профессиональные сотрудники. Для этого требуется специальная программа по подготовке дипломатов в области управления сетями и распространения информации среди различных групп и категорий пользователей. Кроме того, необходимо учитывать некоторые особенности и нюансы, связанные с непосредственной деятельностью внешнеполитических ведомств [7, с. 49-50].

Выводы

Исходя из вышеизложенного, рассматривая представленные выше альтернативные трактовки, мы понимаем цифровую дипломатию как новую форму внедрения международных отношений, в которой роль информационно-коммуникационных технологий можно понимать как важный фактор реализации дипломатических задач. Возможности цифровой дипломатии позволяют информировать миллионы иностранцев о стране, о ее активной внешней политике, о трансформационных и масштабных изменениях в государстве, а также без дополнительных затрат знать настроения и отношение общественности. Цифровая дипломатия оказывает существенное влияние на эффективность внешнеполитической деятельности Казахстана и Узбекистана.

На основе проведенного сравнительного анализа автор пришел к выводу, что для успешной реализации своей внешней политики, используя возможности цифровой дипломатии на международной арене, стране необходимо реализовать ряд следующих задач:

Во-первых, Узбекистану было бы неплохо технологически увеличить скорость работы Интернета и иметь более широкий доступ к социальным сетям.

Во-вторых, необходимо было бы разработать и организовать курсы по цифровой дипломатии для всего дипломатического корпуса и государственных должностных лиц Узбекистана и Казахстана.

В-третьих, так как современные информационно-коммуникационные технологии не получили широкого распространения в деятельности дипломатических представительств и консульских учреждений Узбекистана и Казахстана за рубежом, необходимо обеспечить широкое освещение консульских услуг и дополнительной информации, которая позволила бы получить широкое представление о текущем состоянии государств, в социальных сетях, на официальных страницах внешнеполитических ведомств двух стран.

В-четвертых, для того, чтобы предотвратить политический троллинг, дезинформацию и распространение фейковых сообщений в социальных сетях, необходимо создать эффективные средства и механизмы защиты населения от проникновения вредных и деструктивных идей через Интернет.

*Деятельность в России заблокирована по требованию Роскомнадзора, 18+

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hudoykulov A. Contemporary scientific research: current issues, achievements and innovations [Современные научные исследования: актуальные проблемы, достижения и инновации]. Digital Diplomacy in Uzbekistan: Current Problems and Prospects. 2020, December 10:58–61.
2. Baktybekova B., Batyrkhan B. Digital diplomacy in the context of soft power (example of France and China) [Цифровая дипломатия в контексте мягкой силы (пример Франции и Китая)]. Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы. 2021; 2(94):91–92.
3. Botakoz K., Almash A. Facebook* as a Digital Diplomacy Tool: Case of Kazakhstan [Facebook* как инструмент цифровой дипломатии: пример Казахстана]. Proceedings of the 6th European Conference on Social Media. University of Brighton, June 13-14, 2019:156.
4. Dizard W. Digital Diplomacy: US Foreign Policy in the Information Age. [Цифровая дипломатия: внешняя политика США в информационную эпоху] International Journal. 2001; 56(3):232.
5. Hocking B., Melissen J. Diplomacy in the Digital Age [Дипломатия в эпоху цифровых технологий] 2015:49-50.
6. Manor I., Segev C. America's selfie: How the US portrays itself on its social media accounts [Селфи Америки: как США изображают себя в своих аккаунтах в социальных сетях]. In: Bjola C., Holmes M. (Eds.). Digital diplomacy: Theory and practice. New York: Routledge, 2015:89–108).

Информация об авторе

АЛЛАМУРОДОВ Бекмурод Холмурод угли. Кандидат политических наук. Докторант. Координационно-методический центр по вопросам новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан, <https://orcid.org/0000-0003-1713-8826>. Адрес: 10007, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Яхйё Гуламов ул., д. 70, bekmurod555@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 октября 2023. Одобрена после рецензирования: 2 ноября 2023. Принята к публикации: 15 ноября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Hudoykulov A. Contemporary scientific research: current issues, achievements and innovations. Digital Diplomacy in Uzbekistan: Current Problems and Prospects. 2020, December 10:58–61 [In English].
2. Baktybekova B., Batyrkhan B. Digital diplomacy in the context of soft power (example of France and China). International relations and international law. Series. 2021; 2(94):91–92 [In English].
3. Botakoz K., Almash A. Facebook* as a Digital Diplomacy Tool: Case of Kazakhstan. Proceedings of the 6th European Conference on Social Media. University of Brighton, June 13-14, 2019:156 [In English].

4. Dizard W. Digital Diplomacy: US Foreign Policy in the Information Age. International Journal. 2001; 56(3):232 [In English].
5. Hocking B., Melissen J. Diplomacy in the Digital Age. 2015:49-50 [In English].
6. Manor I., Segev C. America's selfie: How the US portrays itself on its social media accounts. In: Bjola C., Holmes M. (Eds.). Digital diplomacy: Theory and practice. New York: Routledge, 2015:89–108) [In English].

About the author

ALLAMURODOV Bekmurod Kholmurod. Cand.Sc. (Polit.) Doctoral student of the Coordination and Methodological Center for the Modern History of Uzbekistan, the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, <https://orcid.org/0000-0003-1713-8826>. Address: 70 Yahye Gulamov str., Tashkent, 10007, Republic of Uzbekistan, bekmurod555@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: October 15, 2023. Approved after review: November 2, 2023. Accepted for publication: November 15, 2023. Published: December 15, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Экономико-политический кризис в Пакистане: социальные причины и возможности выхода

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий✉

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
enitsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8471-928X>

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые базовые причины острого экономического и политического кризиса, охватившего Пакистан в конце 2010-х – начале 2020-х гг. Отмечены такие особенности пакистанского общества, как господство крупных потомственных землевладельцев и узкой группы богатых промышленников, подчеркнута решающая роль, которую в управлении государством играет военная корпорация. Следствием консервативной социальной политики и неэффективной системы руководства стало ускорившееся в XXI в. отставание Пакистана от соседей по Южной Азии в экономическом и социальном развитии и усиление зависимости страны от международных финансовых институтов и помощи извне. Сделан вывод об отсутствии легких выходов из кризиса и наличии угроз, которые его углубление представляет для всего региона.

Ключевые слова: Пакистан, современный кризис, латифундисты, промышленники, армия, внешняя помощь

Для цитирования: Белокреницкий В.Я. Экономико-политический кризис в Пакистане: социальные причины и возможности выхода // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Economic and political crisis in Pakistan: social causes and exit opportunities

Vyacheslav Y. Belokrenitsky✉

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia
enitsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8471-928X>

Abstract. The article examines some of the underlying causes of the acute economic and political crisis that engulfed Pakistan in the late 2010s and early 2020s. Such features of Pakistani society as the dominance of large hereditary landowners and a narrow group of wealthy industrialists are noted, and the decisive role played by the military corporation in governing the state is emphasized. The consequence of conservative social policies and an ineffective leadership system was the country's increased dependence on international financial institutions and external assistance, as well as the accelerated lag of Pakistan from its neighbors in South Asia in economic and social development in the 21st century. It is concluded that there are no easy ways out of the crisis and that there are threats to the entire region as it deepens.

Keywords: Pakistan, current crisis, big landowners, industrialists, army, external aid

For citation: Belokrenitsky V.Y. Economic and political crisis in Pakistan: social causes and exit opportunities. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2023; 4(10): XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Введение

На рубеже последних десятилетий Исламская Республика Пакистан попала в полосу глубокого экономического и политического кризиса. Одной из непосредственных причин стала пандемия COVID-19. Вслед за первой волной в начале 2020 г. случились вторая и третья (осенью того года и весной следующего). Страшным природным катаклизмом ознаменовался 2022 г. С июня по сентябрь почти непрерывно шли проливные дожди, вызвавшие необычайное наводнение. Пострадали 33 млн человек на примерно трети территории страны (главным образом в южной провинции Синд), 8 млн вынужденно покинули родные места, около 2 тыс. погибли. Негативное воздействие пандемии и стихийных бедствий отразилось на макроэкономических показателях. Прирост валового внутреннего продукта (ВВП) в 2019–2020 фин. г. (с июля по июнь) оказался отрицательным (-0,9%). Темпы роста продукта два последующих года оценивались экономическими службами Пакистана высоко, на уровне 6%, но в 2022–2023 г. прирост опустился до 0,3%, так что усредненные среднегодовые показатели за четыре года были ниже 3%, едва опережая сверхвысокие по нынешним

временам темпы демографического роста в 2,6%. Величина реального ВВП в долларах США в 2022–2023 г. снизилась по сравнению с предшествующим годом с 375 до 342 млрд и оказалась ниже показателя 2020–2021 г. и даже 2017–2018 г. (соответственно 349 и 357 млрд)¹. Такая прыгающая динамика связана с крутым падением обменного курса национальной валюты (в три раза за последние 7 лет – вместо 100 рупий за доллар теперь надо платить 300) и привела к периодическому крайнему истощению валютных резервов Госбанка (до менее 3–5 млрд долларов), хроническому бюджетному дефициту в 5–7% ВВП, увеличению внешнего долга (до трети от национального продукта) и дефициту текущего платежного баланса, ускоряющейся инфляции, непомерному росту тарифов на электричество, цен на бензин, другое топливо, на товары первой необходимости – муку, сахар, растительное масло и т.п.

К стагнации (стагнации плюс инфляции) добавилась политическая нестабильность. В марте-апреле 2022 г. разразился правительственный кризис. После победы на выборах 2018 г. к власти пришел кабинет партии «Пакистанское движение за справедливость» во главе с харизматическим лидером Имраном Ханом, бывшим спортсменом, капитаном сборной Пакистана по самому популярному в стране виду спорта, крикету, которая единственный раз в 1992 г. завоевала Кубок мира. И.Хан, получивший образование в Оксфорде, переключился после этого на политику и стал кумиром молодежи. Во многом благодаря личной популярности его партия смогла нарушить монополию двух других партий, долгое время сменявших друг друга на политическом олимпе: Пакистанской мусульманской лиги (Н), где литера обозначает имя бессменного ее руководителя Наваза Шарифа, и Пакистанской народной партии, ассоциирующейся с именами казненного военными властями в 1979 г. премьер-министра Зульф리카ра Али Бхутто и его дочери Беназир, дважды занимавшей пост главы правительства и убитой исламистами в 2007 г. Популярность не спасла Имрана от интриг, раскола в рядах его партии и поражения в парламенте. После того как тот в начале апреля 2022 г. отказал премьеру в доверии, было сформировано новое правительство во главе с лидером оппозиции Шехбазом Шарифом, младшим братом Наваза, который трижды был премьер-министром (в 1990–1993, 1997–1999 и 2013–2017 гг.) и ни разу не завершил отведенный по конституции пятилетний срок пребывания на этом посту. Причиной его досрочного ухода каждый раз были разногласия с армией, военной бюрократией, которая фактически является управляющей страной корпорацией. В августе 2023 г. кабинет Ш.Шарифа ушел в отставку за несколько дней до истечения срока полномочий избранного пять лет назад парламента. В соответствии с конституцией власть в стране перешла в руки переходного кабинета. В его функции входит надзор за проведением «свободных и справедливых» выборов в срок до 90 дней. Хотя выборы, таким образом, должны были бы состояться в начале ноября, этому помешало то, что законодатели перед прекращением своих полномочий одобрили результаты последней переписи населения (между прочим, цифровой), проведенной

1 Pakistan Economic Survey 2022-23. Economic Adviser's Wing Finance Division Government of Pakistan Islamabad. URL: [finance.gov.pk/survey/PES_2022_23.pdf](https://www.finance.gov.pk/survey/PES_2022_23.pdf). Overview of the Economy. P. 2-6. Statistical Appendix. P. 3.

в марте-мае 2023 г. Избирательная комиссия отложила проведение выборов до января 2024 г. на том основании, что ей требуется время для определения новых границ избирательных округов согласно данным последней переписи.

Экономическая ситуация в стране при переходном правительстве, которое возглавил сенатор Анвар уль-Хак Какар, не улучшилась. На улицы крупных городов в августе вышли горожане, протестующие против выставленных счетов на оплату электроэнергии и нестерпимой дороговизны, достигающей в месяц 30–35%. Военные власти, стоящие за спиной переходного правительства, приняли меры к обузданию протестов. Это было сделать достаточно легко, поскольку политические активисты напуганы тем, как власти расправились с участниками протестов против заключения под стражу И.Хана 9 мая нынешнего года. Совершенные протестующими поджоги и другие акты вандализма (особый акцент делается на ущерб, нанесенный командному пункту военных в Лахоре, расположенному в историческом здании) привели к аресту нескольких сотен человек, в том числе руководящего состава партии Имрана. А его самого суд уже приговорил к трем годам тюремного заключения, лишая возможности участвовать в предстоящих выборах.

Еще одна проблема для переходного кабинета – дальнейшее ухудшение ситуации с безопасностью на приграничных с Афганистаном территориях. Оно сопровождается ростом напряженности в отношениях между Исламабадом и Кабулом. В целом, несмотря на предпринимаемые военно-гражданскими властями Пакистана меры, кризис не ослабляется, он поразил экономику, общество и политическую систему страны. Попробуем разобраться в его причинах и рассмотрим возможные выходы из создавшегося положения.

Материалы и методы

В основе исследования лежит анализ текущих материалов, связанных с развивающимся в Пакистане политическим процессом. Ими являются сообщения в ведущих органах печати страны, прежде всего в газетах «Доон» и «Трибьюн экспресс». Интерес вызывают появляющиеся там статьи влиятельных пакистанских аналитиков, общественных и политических деятелей. Поскольку основу кризиса составляют экономические факторы, широко привлекались аналитические и публицистические материалы, связанные с ними. В ходе исследования изучены материалы ежегодных обзоров экономики, подготовленные специальными службами Министерства финансов Пакистана. Автором использовались методы анализа макроэкономических параметров, методика историко-социальных работ, результаты, полученные представителями российской востоковедческой науки С.С.Барановым [1], А.А.Куценковым [2], С.Ф.Левиным [3], а также западными (Дж.Браун [5]) и пакистанскими авторами (С.А. Заиди [8], А.Сиддики [7], И.Хусейной [6]). Была использована также подготовленная московским Центром анализа стратегий и технологий книга «Пакистан: за рамками стереотипов» [4].

Результаты исследования

Консервативная социальная политика и низкая база накоплений

Глубинная причина экономико-политического кризиса состоит, по нашему мнению, в неизменности правящего класса и консервативной социальной политике. Территория нынешнего Пакистана до 1947 г. была аграрной окраиной колониальной Индии. Наиболее сильные позиции там среди имущих слоев имели владельцы крупных участков земли, проживающие, как правило, в городах и управляющие своими имениями через слуг и посредников. Помещики-абсентеисты, или, как их часто называют в Пакистане, «феодалы», успешно выхолащивали преобразовательный, реформистский компонент земельных реформ, проводившихся с начала 1950-х гг. Разумеется, ситуация в деревне по сравнению с теми временами изменилась, но не кардинально. В отличие от Индии, где государство сумело в основном ликвидировать крупное землевладение [2], сельское хозяйство Пакистана развивается по сию пору при его сохранении, особенно в отдельных областях – на юге провинции Панджаб, в провинциях Синд и Белуджистан.

Владение землей и связанной с ней другой недвижимой собственностью является признаком принадлежности к элите, своего рода фетишем. Этой «болезнью» заражена не только традиционная аристократия, но и высшие чины вооруженных сил, имеющие зачастую скромное социальное происхождение. ВС Пакистана, как привилегированная корпорация, имеет право на 10% государственных земель, а к ним относятся все земельные угодья, не находящиеся уже в частном владении. Получение участков по выходе в отставку, а также покупка лотов на аукционах по продаже земли, где старшие офицеры и генералитет пользуются льготами, превратило армейскую верхушку в заметную часть латифундистов, которые обычно управляют своим имуществом по примеру «феодалов», т.е. эксплуатируя труд бедных, забитых, малограмотных крестьян.

Следствием такого социального порока выступает низкая собираемость налогов. Ставки поземельного и водного сборов не менялись десятилетиями, давно став номинальными, а облагать большие доходы, которые реально получают собственники земли и скота, не позволяет расклад социально-политических сил. Пример латифундистов, не выполняющих свой долг пополнения государственной казны, заразителен, и от уплаты налогов в Пакистане принято уходить всеми способами, в частности, используя коррумпированность налоговых чиновников. По оценкам, относящимся к разным периодам в истории государства, процент уплачивающих прямые налоги (на личные доходы) составлял не более 1% населения, и они равнялись 2–3% от ВВП [6, с. 380-382].

Экономику Пакистана отличает в результате низкая норма внутренних сбережений и накоплений. Поступления от прямых и косвенных налогов, включая таможенные пошлины и налог на продажу, а также прочие текущие отчисления в бюджет

при соотношении с ВВП не превышают 7–9% (упали с 14–15% в начале века). По этому показателю Пакистан находится на одном из последних мест в мире и самом последнем среди государств Южной Азии.

Компенсировать низкую норму внутренних накоплений притоком иностранных инвестиций также не удастся. Более того, прямые иностранные инвестиции демонстрируют отрицательную динамику, а по накопленным капиталовложениям страна далеко отстает от Индии и даже Бангладеш, которая до отделения от Пакистана в 1971 г. считалась безнадежно отставшей, обреченной на прозябание его провинцией. Следствие низкой нормы накоплений – невысокие темпы экономического роста, скольжение их вниз, особенно заметное с начала нынешнего столетия.

Относительная деиндустриализация

В 2000 г. Пакистан еще опережал Индию по доходу на душу населения, а ныне отстает более чем на треть. Его экономику часто характеризуют как пример «преждевременной деиндустриализации». Под ней имеют в виду слишком ранний выход вперед сферы услуг, которая в Пакистане ныне генерирует почти 60% ВВП, в то время как в Бангладеш и Индии – немного более 50%. Индустриальные сектора в Пакистане дают менее 20% вновь добавленной стоимости, в то время как у ее соседей по Южной Азии – более 25%².

Структурная искаженность нынешней пакистанской экономики очевидна на фоне того, что еще в начале XXI в. в сфере услуг создавалось менее половины ВВП, а доли аграрного и индустриального секторов были равны [8, с. 4]. Что касается обрабатывающей промышленности, то ведущей отраслью здесь остается текстильная, по производству пряжи и тканей из местного хлопка. Его производство меняется от года к году, но не демонстрирует устойчивой динамики роста по ряду причин, в том числе из-за отсутствия соответствующего спроса со стороны промышленности. А там наблюдается затянувшийся застой, несмотря на значительные льготы, предоставленные Пакистану Евросоюзом в начале 2000-х гг., а также другие внешние благоприятные обстоятельства.

Кризис охватил также базовые для экономики металлургию и тяжелое машиностроение. Построенный в 1974–1985 гг. при весьма и весьма льготной советской помощи крупный металлургический завод близ Карачи с 2015 г. не работает из-за долгов. Предпринимавшиеся попытки его приватизации провалились, и на месте разрушающегося завода собираются основать парк промышленных предприятий, рассчитанных на экспорт.

Медленные темпы роста вывоза пакистанских товаров считаются одной из главных непосредственных причин макроэкономических проблем. Анализ отставания товарного экспорта Пакистана от мировых и региональных трендов в 2000–

² Asian Development Bank and Bangladesh. Asian Development Bank and India. Asian Development Bank and Pakistan. Fact Sheets. URL: adv.org/publications/series/fact-sheets

2021 гг. не проясняет вопрос о факторах этого феномена³. По всей видимости, ключ от проблем пакистанской промышленности лежит в социальной области, в способах организации производственного процесса и управления им со стороны частных владельцев и государства. Не секрет, что большую негативную роль играет деятельность лоббистских групп, приводящая к получению неоправданных ничем льгот промышленниками и финансовыми воротилами и откатам верхушке чиновников. По мнению занимавшего недавно пост министра финансов страны Мифтаха Исмаила, все это – прямой грабег госбюджета, обкрадывание бедных слоев богатыми⁴.

Окостенение промышленной олигархии

Одна из исконных бед Пакистана состоит в слабости его промышленной буржуазии. Некоторые авторы, склонные к классовому анализу, считают, что господствующие позиции в экономике страны занимает не буржуазия, а протобуржуазия, т.е. незрелый социальный слой, еще не приобретший черты подлинного буржуазного класса, и в этом они видят коренные отличия пакистанского пути развития от того же индийского. Хотя с такой трактовкой трудно в полной мере согласиться, доля истины в ней есть. Поскольку она учитывает крайнюю узость промышленной базы страны, унаследованной от колониальных времен, малое распространение среди коренного населения страны традиций вложения в промышленные активы.

Большинство первых промышленников, появившихся на рубеже 1940–1950-х гг., были купцами и торговцами и почти исключительно состояли из иммигрантов, переселенцев из других областей Индии [3]. Сложившаяся таким образом, принадлежащая к основным этническим группам страны буржуазия оказалась в монопольном положении. Под прямым воздействием государственной политики и при весьма благоприятной мировой конъюнктуре купеческо-торговый капитал быстро преобразовался в промышленный и финансовый, превратив первую столицу государства – город-порт Карачи – в оплот своего богатства и процветания. При содействии государственных чиновников иммигранты, в основном переселенцы из Бомбея и пограничной с Синдом провинции Гуджарат, установили контроль над внешней торговлей молодого государства и создали его крупную фабрично-заводскую промышленность. На протяжении двух первых десятилетий они оберегали свои преференции через такие государственные рычаги, как регулирование биржевой и внешнеторговой деятельности, добываясь продажи им по льготной цене созданных в государственном секторе в рамках политики импортозамещения промышленных мощностей.

Мало ощутимые до времени удары по монопольному положению первой генерации пакистанских промышленников нанес военный режим М.Айюб Хана (1958–1969), решивший перенести столицу из Карачи в Панджаб, на север тогдашнего

³ Nekhoda A. Explaining Pakistan's balance of payments crisis. Dawn, April 19 2023. URL: dawn.com/article/1714456/explaining-pakistans-balabce-of-payments-crisis.

⁴ Miftah outlines problems afflicting economy. The Express Tribune October 18 2022. URL: tribune.com.pk/story/2382082/miftah-ouylines-problems-afflicting-economy.

Западного Пакистана. Этим он ослабил позиции «инонациональной» буржуазии, терявшей часть тесных связей с бюрократией. Но наиболее сильные потери она понесла в результате распада страны в 1971 г., отделения Восточного Пакистана, в промышленность которого она вложила немалые капиталы [1].

Чувствительно пострадала верхушка буржуазии первого поколения от кампании по национализации, развернутой З.А.Бхутто в 1972–1974 гг. Забрав в госсектор без компенсации крупнейшие промышленные предприятия, все основные частные банки и страховые компании, популистский лидер страны лишил многих предпринимателей стимулов для пребывания в ней и вложений в ее экономику. Пришедший на смену гражданскому военный режим М.Зия-уль-Хака постепенно вернул доверие деловых кругов, но среди них преобладали уже группы местной, «национальной» буржуазии, главным образом панджабской и отчасти пуштунской. При этом характерной чертой и первой, и второй генерации промышленников является их клановость, и даже кастовость, принадлежность к локальной по генезису торгово-купеческой среде.

Считается, что с 1980-х гг. в структуре крупной пакистанской буржуазии не наблюдалось значительных перемен. Она как бы окостенела, замкнулась на себя, сохранив в неизменности такие порядки, как браки предпочтительно между кузенами, отгороженное от мира социальное общение (закрытые клубы, бассейны и т.п.). Опубликованная недавно австралийской исследовательницей книга дает основание полагать, что пакистанская буржуазия осталась во многом в социальном плане изолированной, а также мало интегрированной в интернациональную элиту, что, вероятно, сказывается на ее склонности к инновациям и современным организационным и рыночным решениям⁵.

Армия в экономике, охране порядка и госбезопасности

Своего рода «окукливание» буржуазной элиты привело к тому, что с начала 1990-х гг. она не играет отдельной самостоятельной роли в политических делах. Последнее массовое выступление биржевых брокеров, клерков частных заведений и других «участников рынка» произошло в 1993 г. в защиту отстраненного от власти военными премьера-предпринимателя Наваза Шарифа. В то же время вооруженные силы Пакистана сами ведут активную хозяйственную деятельность. Основанные ВС частные корпорации, армейский фонд «Фауджи», «Армейский благотворительный трест», военно-морской фонд «Бахрия» и военно-воздушный «Шахин» помимо благотворительных целей (обеспечение пенсий и дотаций вышедшим в отставку и находящимся на службе военнослужащим) преследуют и вполне коммерческие задачи: увеличение капитала, рост прибыли, повышение эффективности вложений. В разряде частных фирм военные компании занимают видное место. В отличие от других

⁵ Khan S.A. Crazy rich Pakistanis. Dawn June 24 2020. URL: dawn.com/article/6657230/crazy-rich-pakistanis (

государственных предприятий их заведения не относятся обычно к категории плохо управляемых и неэффективных, но это достигается во многом благодаря специальным льготам и привилегиям, искажающим ситуацию на рынке и не способствующим динамическому развитию корпоративной экономики [7, с. 219-242].

Надо заметить, что вооруженные силы Пакистана, впрочем, добились за время своего существования немалых успехов. Политическому и военному руководству удалось создать крупный и эффективный военно-промышленный комплекс, позволяющий, помимо прочего, продавать оружие за границу на миллиарды долларов в год. Военными создан и внушительный ядерный потенциал, направленный, согласно пакистанской ядерной доктрине, «на сдерживание Индии». Хотя, по мнению российских аналитиков, главный козырь Пакистана при этом не столько угроза применения ядерного оружия, сколько «хорошо подготовленные, высоко профессиональные силы общего назначения, которые имеют большой и разнообразный боевой опыт» [4, с. 145].

Армия на протяжении последних двух десятилетий ведет нелегкую борьбу с террористами. Число погибших и раненых военнослужащих исчисляется десятками тысяч. После некоторого затишья во второй половине 2010-х гг. ситуация в пограничных провинциях, Белуджистане и Хайбер-Пахтунхва, как отмечено выше, вновь обострилась. Это непосредственно связано с повторным приходом к власти в Афганистане движения «Талибан»* и террористическими вылазками, совершаемыми расположившимися на афганской земле силами оппозиционно к Исламабаду настроенных пакистанских талибов.

Активизация террористов затронула не только пограничные области, но и остающийся крупнейшим промышленно-финансовым центром Карачи, число жителей которого превысило 20 млн человек. Заметную роль в жизни этого мегаполиса играют афганские беженцы, в том числе талибы и пуштуны, переселившиеся с северо-запада страны. Мафиозные и бандитские формирования из их числа держат под контролем львиную долю дорожно-транспортного бизнеса, их позиции сильны в операциях по продаже и перепродаже земли и недвижимости. Расцвет преступных действий талибско-пуштунских группировок пришелся на начало 2010-х гг., но их присутствие сказывается до сих пор на обстановке в городе и его репутации, отпугивая инвесторов.

Расчет на зарубежные инвестиции и долговая петля

Между тем пакистанские и особенно иностранные эксперты видят выход из экономического кризиса в улучшении климата для инвестиций и «занятий бизнесом» (doing business). На это были рассчитаны все многочисленные программы помощи Пакистану, которые регулярно принимались МВФ и другими международными финансовыми учреждениями – Всемирным банком, Азиатским банком развития и т.д. Соглашения о двух последних «спасающих от банкротства» программах МВФ в 6,7 и 6,0 млрд долларов. заключались в 2014 и 2019 гг., но их выполнение сопровождалось

большими трудностями. Особенно тяжело давалась реализация рассчитанной на три года программы 2019 г. В 2021 г. после выделения несколькими траншами примерно 3 млрд долларов МВФ стал откладывать предоставление средств, требуя от Пакистана выполнения включенных в программу условий и доказательств достигнутого по ним прогресса. Летом 2023 г. после долгих проволочек и многочисленных консультаций Фонд, наконец, принял решение о выделении Пакистану оставшихся 3 млрд долл., которые тот должен использовать в течение 9 месяцев⁶. Предоставление этих не слишком больших для Пакистана заемных средств осуществляется в счет квоты государства по специальным правам заимствования и важно само по себе, как знак доверия к нему, облегчая получение внешних кредитов и привлечение иностранных инвестиций.

В преддверии этого давно ожидаемого решения военно-гражданское руководство Пакистана обнародовало планы выхода из кризиса. В рамках институциональных реформ было объявлено о создании Специального совета по поощрению инвестиций (Special Investment Facilitation Council). Совет, в который входят руководители ВС и правительства, наделяется чрезвычайными полномочиями по борьбе с бюрократической волокитой и коррупцией и призван координировать усилия по привлечению капиталовложений в экономику страны. В отличие от ситуации середины 2010-х гг., когда основные надежды возлагались на содействие Китая, ныне главный акцент делается на поддержку арабских государств Аравии и Залива. В Пакистане рассчитывают на то, что четыре государства (к СА и ОАЭ добавляются Катар и Бахрейн) обеспечат инвестиции в 20–25 млрд, а в идеале – до 28 млрд долл. в среднесрочной перспективе⁷. К усилиям правительства на этом направлении присоединились и военные в лице начальника штаба армии генерала Асифа Мунира. В обмен на помощь Пакистан готов дать возможность своим арабским «братьям» разрешений на создание современных ферм по разведению скота (верблюдов, лошадей) и птицы (дроф), сооружение туристических и увеселительных объектов. Намечаются и индустриальные проекты: вложения в нефтепереработку, разведку на редкоземельные минералы, строятся планы технологического освоения всего южного пояса Пакистана от пустынь Тхар и Чолистан на востоке до границ с Ираном на западе⁸.

Между тем уже взятые и обещанные кредиты могут затащить Пакистан в долговую ловушку. Такое уже произошло с соседкой по региону – Республикой Шри-Лан-

⁶ Pakistan, IMF reach staff-level pact on crucial \$ 3 billion bailout. The Express Tribune June 30 2023. URL: [tribune.com/pk/story/2424156/pakistan-imf-reach-stafflevel-pact-on-crucial-\\$3-billion-bailout](https://tribune.com.pk/story/2424156/pakistan-imf-reach-stafflevel-pact-on-crucial-$3-billion-bailout).

⁷ Pakistan opens gates for Gulf investment. The Express Tribune July 29 2023. URL: tribune.com.pk/story/2381293/pakistan=opens=gates-for-gulf-investment.

⁸ Army chief vows to steer country out of crisis. Dawn July 25 2023. URL: dawn.com/news/1766652/army-chief-vows-to-steer-country-out-of-crisis.

* Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

ка. Ситуация напоминает шри-ланкийскую тем, что оба государства, пользуясь кредитами МФВ и других западных кредитующих организаций для покрытия текущих расходов, в инвестиционных целях опираются по преимуществу на содействие КНР. В рамках соглашения по сооружению амбициозного проекта «Китайско-пакистанский экономический коридор» Пакистан уже задолжал Китаю более 25 млрд долл., а общая сумма задолженности Пекину составляет около трети всего внешнего долга в более чем 120 млрд долл. (В скобках заметим, что в середине 2010-х гг. она равнялась 66 млрд.)

Осознание опасности попасть в долговую петлю пугает пакистанские правящие круги. Отсюда их стремление диверсифицировать поступление заемных средств и использовать возможности для развития выгодных для себя связей со всеми контрагентами. В их числе на одном из первых мест находится Россия, торгово-экономические и политические контакты с которой все последние годы укреплялись.

Выводы

Преодоление социально-экономического кризиса в Пакистане можно ожидать лишь в среднесрочной перспективе, скорее всего, после проведения в стране всеобщих выборов и начала деятельности стабильно функционирующего правительства, пользующегося доверием и расположением военной корпорации. Поскольку глубинные причины кризисной ситуации лежат в социальной политике, от нее можно было бы ожидать и наиболее существенных результатов. Но рассчитывать на них, в сущности, не приходится, поскольку в социополитической сфере нет признаков перемен. Давление слева, со стороны классовых сил, исключительно слабо. Об этом свидетельствует даже сочувственно относящийся к ним автор статьи в теоретическом журнале английских лейбористов [5]. Возможны, по сути, лишь паллиативные, реформистские меры, к которым и призывает Пакистан МФВ и другие подобного рода международные учреждения⁹. Такие реформы включают обложение налогом доходов крупных собственников земли и недвижимости, повышение собираемости налогов на прибыль и сверхприбыль, борьбу с незаконным бизнесом, контрабандой и наркоторговлей. Такие действия, хотя их необходимость в полной мере осознается представителями средних слоев, да и правящих кругов, сложно осуществить из-за влияния явного и скрытого лобби, защищающего интересы небольшого числа исключительно богатых людей. Нелегко подступить к проблеме низких темпов роста и с позиции сокращения государственных расходов, так как оно требует снижения ассигнований на оборону, государственную безопасность и охрану внутреннего порядка, что для правящей корпорации было бы посягательством на ее интересы.

А потому бедствия и катаклизмы, скорее всего, будут разрастаться, принимая

различные формы. Пакистан – одна из стран, в наибольшей степени подверженных рискам от изменений глобального климата. Участвовавшие крайне разрушительные стихийные бедствия свидетельствуют об уже начавшемся процессе. Экологическая ситуация (нехватка воды, загрязнение воздуха в городах) и снижающийся демографический рост – проблемы-близнецы, грозящие социальными потрясениями и стабильной нестабильностью.

Перспектива у государства одна – дальнейшее встраивание в систему региональных и мировых взаимосвязей. На этом пути вероятно превращение части страны в некое пространство, освоенное в своих целях Китаем и арабскими государствами Ближнего Востока, в первую очередь Саудовской Аравией. Пакистан в любом случае окажется в эпицентре борьбы между двумя неформальными, как теперь говорят, лидерами современного мира – США и КНР. Опасности при таком раскладе состоят в нарастании противоречий между Китаем и Индией и вероятности острых коллизий, связанных с панисламистской идеологией талибов.

В то же время нельзя исключать и более благоприятный сценарий. В его основе лежит научно-технический и технологический прогресс, который характеризует видимую нам эволюцию человеческой цивилизации. Преломляясь в спектре отдельных стран и регионов, он на данном этапе выражает себя в первую очередь в росте информационных технологий и сферы по их обслуживанию. Пакистан не оказался в стороне от этих тенденций. За последние годы в стране появился значительный сектор ИТ, в котором заняты молодые, хорошо обученные в своей области кадры. Определенную их часть составляют женщины, работающие из дома. Громадное число молодых людей делает Пакистан привлекательным для инвестиций международного капитала. Растет и активность местных предпринимателей, инициатива фрилансеров, основывающихся подчас весьма успешные стартапы компании¹⁰. Козырем Пакистана при этом служит его быстро растущая диаспора, проживающая как на Ближнем и Среднем Востоке, так и в США и Европе, прежде всего в Англии. Технологический прогресс, способный сдвинуть с мертвой точки социальную косность и политическую инерционность, дает надежду на выход из тяжелого кризиса, в котором оказался Пакистан на нынешнем этапе своего развития.

Список источников

1. Баранов С.С. Восточная Бенгалия. Особенности экономического развития. 1947–1971 [East Bengal. Specific Features of Economic Development. 1947–1971] Москва: Наука, 1976. 224 с.
2. Куценков А.А. Очерки гражданского общества Индии [Essays on the Civil Society in India] Часть 1. Москва: Институт востоковедения РАН, 2017. 196 с.
3. Левин С.Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана [Formation of Big Bourgeoisie of Pakistan]. Москва: Наука, 1970. 272 с.
4. Пакистан: за рамками стереотипов [Pakistan: Beyond Stereotypes]. Под ред. Т.И.Борисова, К.В.Макиенко. Москва: Центр анализа стратегий и технологий, 2019. 208 с.

⁹ IMF chief urges Pakistan to tax the rich, protect the poor. Dawn September 21 2023. URL: dawn.com/news/1777063/imf-urges-pakistan-to-tax-the-rich-protect0the-poor.

¹⁰ Information Technology and Telecommunications. Chapter 15. Pakistan Economic Survey 2022-23. Economic Adviser's Wing Finance Division Government of Pakistan Islamabad. URL: finance.gov.pk/survey/PES_2022_23.pdf. P. 237–239.

5. Brown J. Pakistan: failing state or neoliberalism in crisis? *International Socialism*. London. Vol. 14 N.3, 2016. Pp. 143–171.
6. Husain I. Pakistan. *The Economy of an Elitist State*. Karachi, Oxford University Press, 2006. 452 p.
7. Siddiq A. Military Inc. *Inside Pakistan's Military Economy*. Karachi, Oxford University Press, 2007. 292 p.
8. Zaidi S.A. *Issues in Pakistan's Economy*. Karachi, Oxford University Press, 2011. 530 p.

Информация об авторе

БЕЛОКРЕНИЦКИЙ Вячеслав Яковлевич. Доктор исторических, кандидат экономических наук. Профессор. Заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-8471-928X>. Адрес: Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12. enitsky@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 октября 2023. Одобрена после рецензирования: 6 октября 2023. Принята к публикации: 8 октября 2023. Опубликована: 15 декабря 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Baranov S.S. *East Bengal. Specific Features of Economic Development*. Moscow: Nauka, 1976 [In Russian].
2. Kutsenkov A.A. *Essays on the Civil Society in India. Part 1*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2017 [In Russian].
3. Levin S.F. *Formation of Big Bourgeoisie of Pakistan*. Moscow: Nauka, 1970 [In Russian].
4. *Pakistan: Beyond Stereotypes*. Ed.T.I. Borisov,K.V.Makienko. Moscow: Centre for the Analysis of Strategies and Technologies, 2019 [In Russian].
5. Brown J. Pakistan: failing state or neoliberalism in crisis? *International Socialism*. London. 2016. Vol. 14(3):143–171 [In English].
6. Husain I. Pakistan. *The Economy of an Elitist State*. Karachi, Oxford University Press, 2006 [In English].
7. Siddiq A. Military Inc. *Inside Pakistan's Military Economy*. Karachi, Oxford University Press, 2007 [In English].
8. Zaidi S.A. *Issues in Pakistan's Economy*. Karachi, Oxford University Press, 2011 [In English].

About the author

Vyacheslav Y. BELOKRENITSKY. DocSc (Hist), CandSc (Econ). Professor. Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-8471-928X>. Address: 12, st. Rozhdestvenka, Moscow,107031, Russian Federation, enitsky@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: October 2, 2023. Approved after peer review: October 6, 2023. Accepted for publication: October 8, 2023. Published: December 15, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global and regional studies

Научная статья

УДК: 339.5

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Политические науки

Проблемы развития внешней торговли между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан в современных реалиях

Наталья Александровна Бударина^{1a}, Холмуроди Курбонали Юнусзода^{2b}

¹ Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

² Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан

^a natala5555@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1412-5165>

^b yunuszoda.91@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6263-7529>

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления внешней торговли Республики Таджикистан, в частности, конкретизированы торговые отношения с Российской Федерацией. На основе анализа географической и товарной структуры внешней торговли двух стран выявлены проблемы взаимной торговли, решение которых позволит увеличить объемы взаимовыгодного торгового сотрудничества.

Ключевые слова: международная торговля, экспортные операции, импортные операции, структура торгового оборота, внешнеторговое сотрудничество

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран. Научный руководитель – Бударина Наталья Александровна, д.э.н., Дипломатическая академия МИД

Для цитирования: Бударина Н.А., Юнусзода Х.К. Проблемы развития внешней торговли между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан в современных реалиях // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Political Sciences

Problems of foreign trade development between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in modern realities

Natalya A. Budarina^{1a}, Kholmurodi K. Yunuszoda^{2b}

¹ Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

^a natala5555@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1412-5165>

^b yunuszoda.91@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6263-7529>

Abstract. The article examines the main directions of foreign trade of the Republic of Tajikistan and specifies trade relations with the Russian Federation. Based on the analysis of the geographical and commodity structure of foreign trade of the two countries, problems were identified, the solution of which will increase the volume of mutually beneficial trade cooperation.

Keywords: international trade, export operations, import operations, structure of trade turnover, foreign trade cooperation

Acknowledgments: The article was prepared thanks to the International Academic Mobility Program, organized by the National Research Institute for the Communications Development for young scientists from foreign countries. Scientific supervisor - Natalya Aleksandrovna Budarina, DoctDc (Econ), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs

For citation: Budarina N.A., Yunuszoda Kh. K. Problems of foreign trade development between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in modern realities. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 4(10): XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Введение

Внешняя торговля является основной формой внешнеэкономического взаимодействия и выступает как важнейший фактор развития национальной и мировой экономики. Следует отметить, что внешняя торговля для Республики Таджикистан играет немаловажную роль. В Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 г.¹ отмечается большое значение развития внешней торговли, особенно создание условий для развития экспортоориентированного производства. Так как развитие данного направления является значимым и ставится как приоритетная цель в стратегии развития со стороны многих ученых, то необходимо отметить, что проделана огромная работа в этом направлении. Следует обратить внимание, что в рамках многих работ как отечественных, так и зарубежных ученых рассматривалась роль и значение внешней торговли в национальной экономике страны. Сегодня в основе развития внешней торговли стран лежат принципы классических теорий международной торговли, таких как теория абсолютных преимуществ Адама Смита, теория сравнительных преимуществ Давида Рикардо, теория Хекшера-Олина, парадокс Леонтьева, жизненный цикл товара, теория Майкла Портера, теорема Рыбчинского и теорема Столпера-Самуэльсона. Более глубоким анализом влияния различных факторов на развитие внешней торговли в современный период, в частности, влияния мировой торговли на рост национальной и мировой экономики, тенденций глобализации, занимались такие российские и таджикские ученые, как: Л.Абалкин, В.Абрамов, Е.Авдокушкин, И.Балабанов, Ю.Винслав, Е.Драчева, М.Каримова, А.Киреев, Н.Кузнецова, Р.Мирбобоев, В.Назаров, И.Николаева, В.Орешкин, Л.Саидмурадов, Б.Сафаров, К.Семенов, Я.Сергиенко, Е.Сидоров, Б.Смитиенко, В.Смирнов, М.Содилов, А.Солехзода, И.Фаминский, Н.Худоиев, В.Черенков и др.

Целью статьи является выявление факторов и проблем, влияющих на внешнюю торговлю Российской Федерации и Республики Таджикистан, которые позволяют выявить перспективы развития взаимной торговли между странами.

Материалы и методы

В качестве исходных материалов были использованы статистические данные Агентства по статистике Республики Таджикистан, сайта Trend Economy, а также целевые индикаторы Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 г.

В исследовании были применены методы научной абстракции, методы анализа и синтеза, сравнительная оценка, метод математического моделирования и прогнозирования.

При использовании метода моделирования применялась программа E-views,

¹ Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г. Душанбе, 2016.

с помощью которой построена таблица «Оценочные коэффициенты уравнения», где отражены коэффициенты влияния каждого выбранного фактора на зависимую переменную и результаты расчетов.

Результаты исследования

Товарная структура внешнеторговых потоков и их объем во многом обуславливают не только экономический, но и политический статус государства. В условиях усиления геополитического давления российская внешняя торговля вошла в период спада. В отношении России введено рекордное за последнее десятилетие количество экономических санкций, которые диверсифицированы не только в зависимости от сфер экономического воздействия, увеличилось и количество стран, которые ввели ограничения в торговле с Россией. В текущих условиях функционирования российской экономики требуется выработка подходов к адаптации к новым реалиям осуществления внешнеторговой деятельности и в перспективе – оказания поддержки развитию внешней торговли [1].

Исследования, проведенные международными организациями, показывают, что внешняя торговля способствует повышению экономического роста в стране. Анализируя динамику мировой торговли, приходим к выводу, что лидерами являются Китай, США, Германия и Япония. На их долю приходится почти 40% экспорта и импорта (табл. 1).

Таблица 1. Экспорт и импорт товаров за 2022 г.
Table 1. Export and import of goods for 2022

Государства	Все товары			
	Импорт		Экспорт	
	Доля в мире, %	Млрд долл. США	Доля в мире, %	Млрд долл. США
Китай	12,54	2715,9	17,86	3593,6
США	15,58	3372,9	10,24	2062,1
Германия	7,28	1577,6	8,27	1665,6
Япония	4,15	898,6	3,71	746,6

Источник: Trend Economy. Мировой экспорт и импорт товаров. Электронный ресурс. Режим доступа. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/TOTAL

Source: Trend Economy. World export and import of goods. Electronic resource. Available from: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/TOTAL

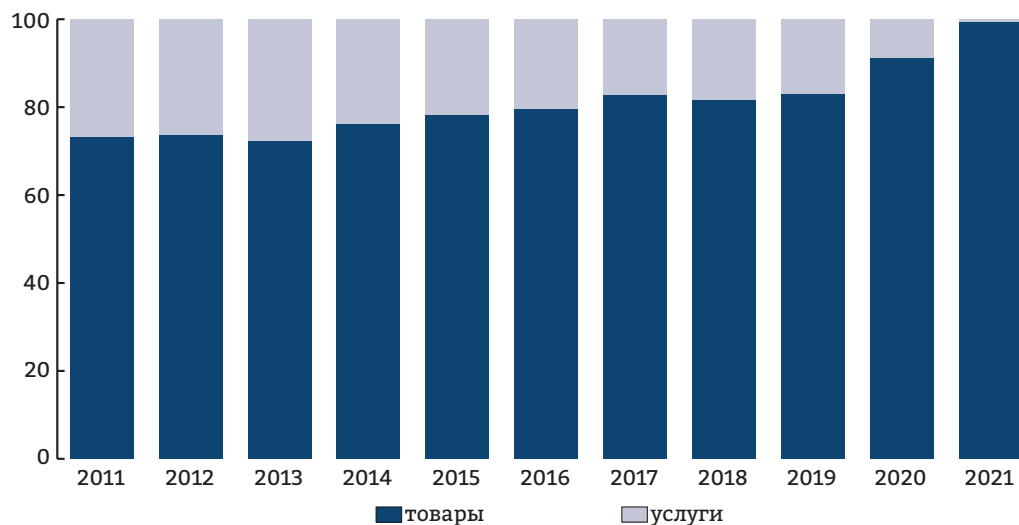
Лидерами в мировой торговле являются экономически развитые страны. А лидерство и в экономическом развитии, и во внешней торговле свидетельствует, что эти показатели тесно взаимосвязаны: при увеличении одного из показателей можно видеть рост и другого показателя.

Общий объем внешнеторгового товарооборота Республики Таджикистан в

2021 г. составил 6359,1 млн долл. США, в том числе экспорт – 2149,6 млн долл. США и импорт – 4209,5 млн долл. США. Основным партнером Республики Таджикистан по внешней торговле является Российская Федерация с долей 20–22% всего товарооборота. Следует отметить, что Республика Таджикистан в Российскую Федерацию экспортирует плоды сушеные, волокно хлопковое и пряжу хлопчатобумажную. Из России в основном импортирует масло, готовые пищевые продукты, нефтепродукты, изделия из древесины, металлические изделия и т.д.

Исходя из вышесказанного, для определения влияющих факторов на рост торгового оборота между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией изначально необходимо проанализировать структуру экспорта и импорта Таджикистана. Анализ даст возможность определить те факторы, которые непосредственно влияют на рост торгового оборота (Рисунок 1).

Рисунок 1. Динамика экспорта товаров и услуг Таджикистана в 2011–2021 гг. (в %)
Figure 1. Dynamics of exports of goods and services of Tajikistan in 2011-2021. (in %)

Источник: составлено авторами на основе статистических сборников «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» и «Статистический ежегодник Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан за соответствующие годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.tj>

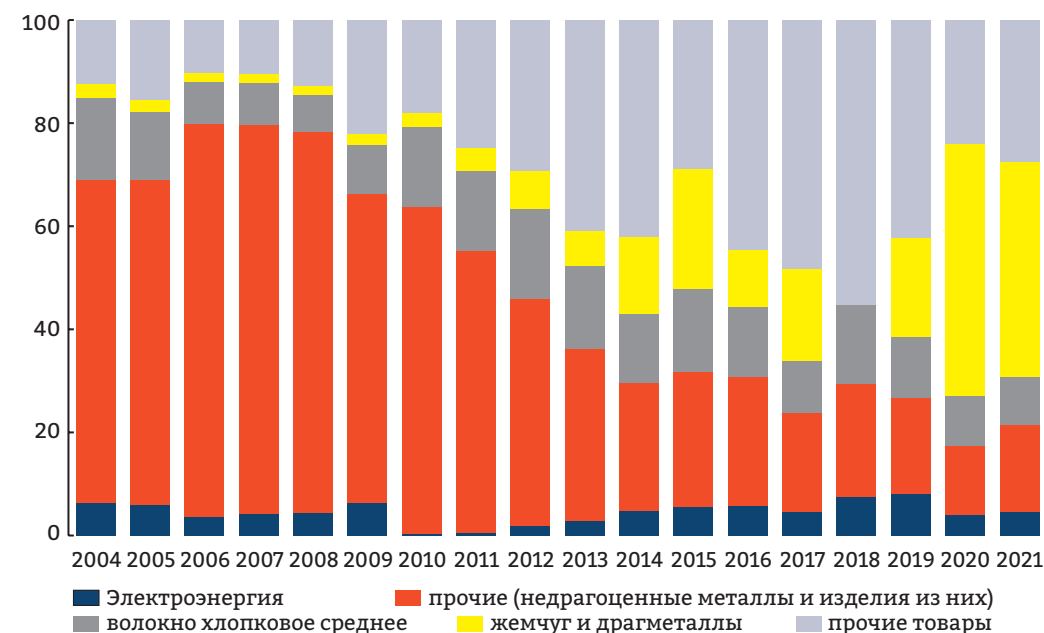
Source: compiled by the authors based on the statistical collections “Foreign economic activity of the Republic of Tajikistan” and “Statistical Yearbook of the Republic of Tajikistan”. Statistics Agency under the President of the Republic of Tajikistan for the relevant years. Electronic resource. Available from: <https://www.stat.tj>

Согласно представленной на рисунке 1 диаграмме, можно сделать вывод, что товары составляют значительную часть экспорта страны и их доля увеличивается с каждым годом. Например, если в 2011 г. доля товаров составляла 73% от общего экспорта, то в 2020 г. этот процент увеличился до 91%, а в 2021 г. достиг уже 99%.

Хотелось бы также отметить, что 2020 г. был особенным из-за пандемии COVID-19, что привело к резкому снижению экспорта услуг. Однако при рассмотрении динамики экспорта прошлых лет все же можно заметить, что есть устойчивая тенденция к уменьшению объема экспорта услуг. Большую часть экспортируемых услуг в Республике Таджикистан составляют услуги воздушного транспорта для перевозки пассажиров.

Для того чтобы можно было оценить товарную структуру экспорта Республики Таджикистан, представим ее динамику на рис. 2.

Рисунок 2. Товарная структура экспорта Республики Таджикистан в 2004–2021 гг.
Figure 2. Commodity structure of exports of the Republic of Tajikistan in 2004-2021

Источник: составлено авторами на основе статистических сборников «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» и «Статистический ежегодник Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан за соответствующие годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.tj>

Source: compiled by the authors based on the statistical collections “Foreign economic activity of the Republic of Tajikistan” and “Statistical Yearbook of the Republic of Tajikistan”. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan for the relevant years. Electronic resource. Available from: <https://www.stat.tj>

Как можно заметить на приведенном рисунке 2, увеличение доли экспорта таких товаров, как «волокно хлопковое», «электроэнергия» и «жемчуг и драгметаллы» в последние годы становится заметным. То есть можно сказать, что экспорт страны определяется этими товарами.

Таким образом, можно заключить, что рост мировых цен на золото и увеличе-

ние объема инвестиций в добычу драгоценных металлов и руд редких металлов могут быть одними из факторов, оказывающими влияние на рост экспорта страны.

Товарная группа «волокно хлопковое» является еще одним значимым экспортным товаром страны, поскольку в течение исследуемого периода его доля составляет примерно 12,8% от всего объема экспорта страны. Была построена диаграмма (Рисунок 3), которая отображает объем, стоимость и сумму экспорта хлопкового волокна для определения его зависимости от роста.

Рисунок 3. Экспорт хлопкового волокна из Республики Таджикистан в 2004–2021 гг.

Источник: составлено авторами на основе статистических сборников «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» и «Статистический ежегодник Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан за соответствующие годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.tj>

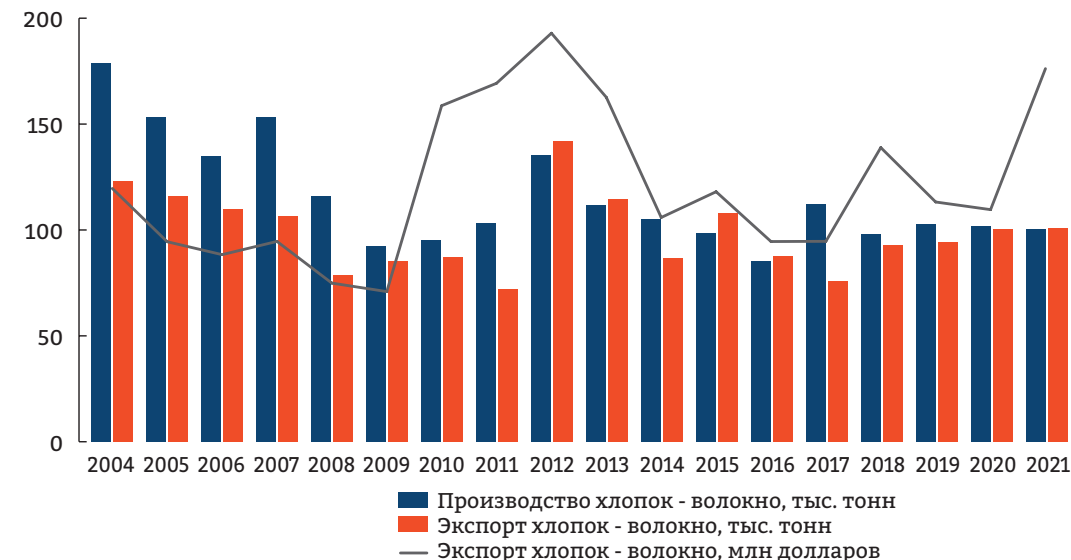
Source: compiled by the authors based on the statistical collections “Foreign economic activity of the Republic of Tajikistan” and “Statistical Yearbook of the Republic of Tajikistan”. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan for the relevant years. Electronic resource. Available from: <https://www.stat.tj>

Анализ рисунка 3 показывает относительную независимость роста суммы доходов от объема экспорта, что доказывает прямое влияние мировых цен на рост экспорта хлопка. Также для полноты оценки необходимо проанализировать производство хлопка, чтобы можно было сделать вывод о его влиянии на объемы экспорта страны (Рисунок 4).

Согласно представленной на рисунке 4 диаграмме, можно заметить, что повышение объема производства хлопкового волокна в 2017 г. не привело к увеличению суммы экспорта, так как она, наоборот, снизилась. В 2017 г. Республика Таджикистан получила ту же сумму от экспорта хлопка, что и в 2016 г., несмотря на то, что объем экспорта в 2016 г. был выше, чем в 2017 г. Аналогичная ситуация имеет

Рисунок 4. Производство и экспорт хлопкового волокна в Республике Таджикистан в 2004–2021 гг.

Figure 4. Production and export of cotton fiber in the Republic of Tajikistan in 2004–2021.

Источник: составлено авторами на основе статистических сборников «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» и «Статистический ежегодник Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан за соответствующие годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.tj>

Source: compiled by the authors based on the statistical collections “Foreign economic activity of the Republic of Tajikistan” and “Statistical Yearbook of the Republic of Tajikistan”. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan for the relevant years. Electronic resource. Available from: <https://www.stat.tj>

место и в течение 2018, 2019 и 2020 гг. Мировые цены на хлопок оказывают влияние на увеличение экспорта хлопкового волокна, что можно наблюдать по данной тенденции.

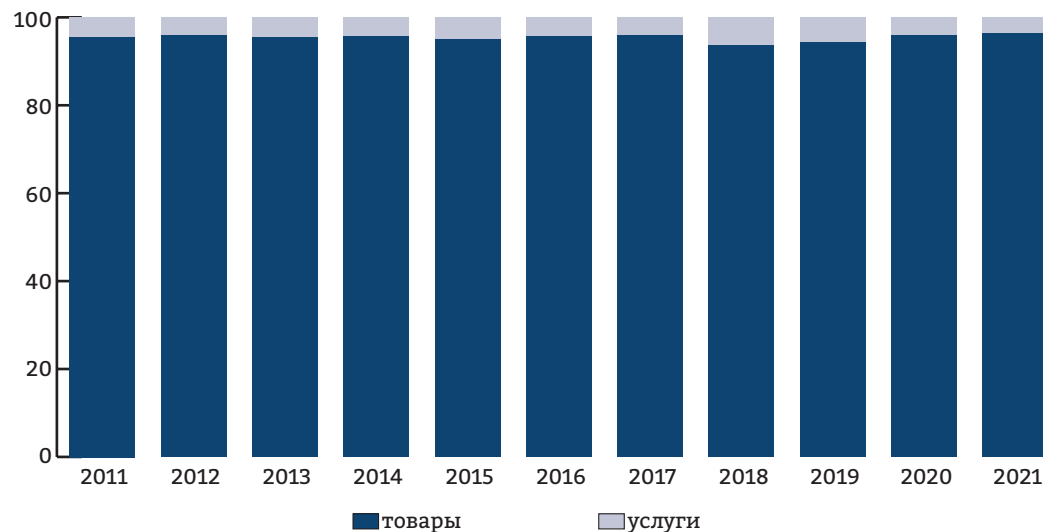
Одним из важных аспектов при анализе и моделировании товарооборота в Республике Таджикистан является рассмотрение импорта товаров и услуг. В первую очередь следует проанализировать долю импорта товаров и услуг, чтобы определить, какие из них оказывают более значительное влияние на импорт страны (Рисунок 5).

На рисунке 5 представлен анализ изменения объема ввоза товаров и услуг. Было выявлено, что товары составляют основную часть импорта на протяжении всего исследуемого периода, в среднем составляя 95,3%. Основываясь на этом, мы должны отметить, что мы выберем факторы для моделирования, которые значительно влияют на импорт страны.

Исследование структуры товарного импорта в Таджикистане (Рисунок 6) показало, что каждый год наблюдается рост импорта «нефтепродуктов», «пшеницы и мес-

Рисунок 5. Динамика импорта товаров и услуг Республики Таджикистан в 2011–2021 гг. (в %)

Figure 5. Dynamics of imports of goods and services of the Republic of Tajikistan in 2011-2021. (in %)

Источник: составлено авторами на основе статистических сборников «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» и «Статистический ежегодник Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан за соответствующие годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.tj>

Source: compiled by the authors based on the statistical collections “Foreign economic activity of the Republic of Tajikistan” and “Statistical Yearbook of the Republic of Tajikistan”. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan for the relevant years. Electronic resource. Available from: <https://www.stat.tj>

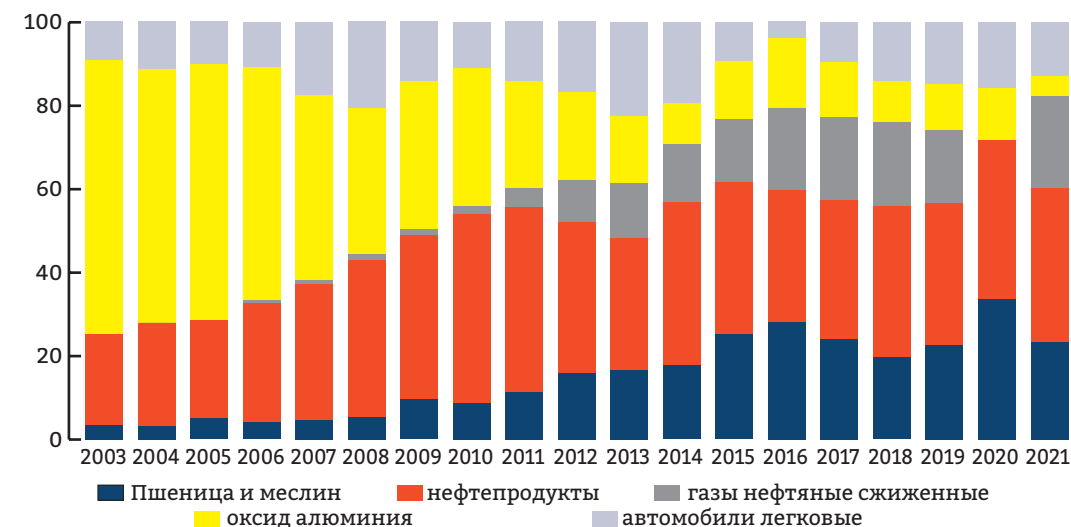
лин», а также «газов нефтяных сжиженных». С целью проведения полного анализа было принято решение о первоначальном разделении всех импортируемых товаров на следующие группы:

- товары, которые используются в качестве промежуточных;
- инвестиционные товары;
- товары, приобретаемые потребителями;
- другие товары.

При анализе диаграммы (Рисунок 6) можно увидеть, что в основном Республика Таджикистан импортирует «нефтепродукты», «газы нефтяные сжиженные» и «пшеницу и меслин». Как видно из диаграммы, их доля в импорте страны высока, в среднем составляет 50–60% импорта. Для полноты понимания структуры импорта страны необходимо разделить все импортные товары на группы. Такой подход даст возможность выявить, какие продукты импортируются в страну: инвестиционные или же потребительские товары? Также данное разделение поможет найти фактор, непосредственно влияющий на импорт страны (Рисунок 7).

Рисунок 6. Доля основных товаров в импорте страны за 2003–2021 гг.

Figure 6. Share of main goods in the country’s imports for 2003-2021.

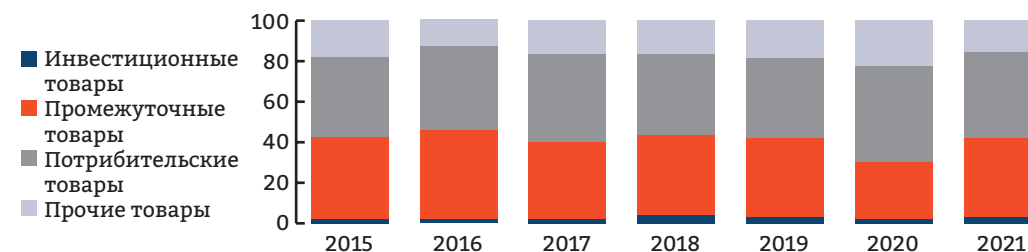

Источник: составлено авторами на основе статистических сборников «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» и «Статистический ежегодник Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан за соответствующие годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.tj>

Source: compiled by the authors based on the statistical collections “Foreign economic activity of the Republic of Tajikistan” and “Statistical Yearbook of the Republic of Tajikistan”. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan for the relevant years. Electronic resource. Available from: <https://www.stat.tj>

Рисунок 7. Доля импортируемых товаров Республики Таджикистан по группам в 2015–2021 гг.

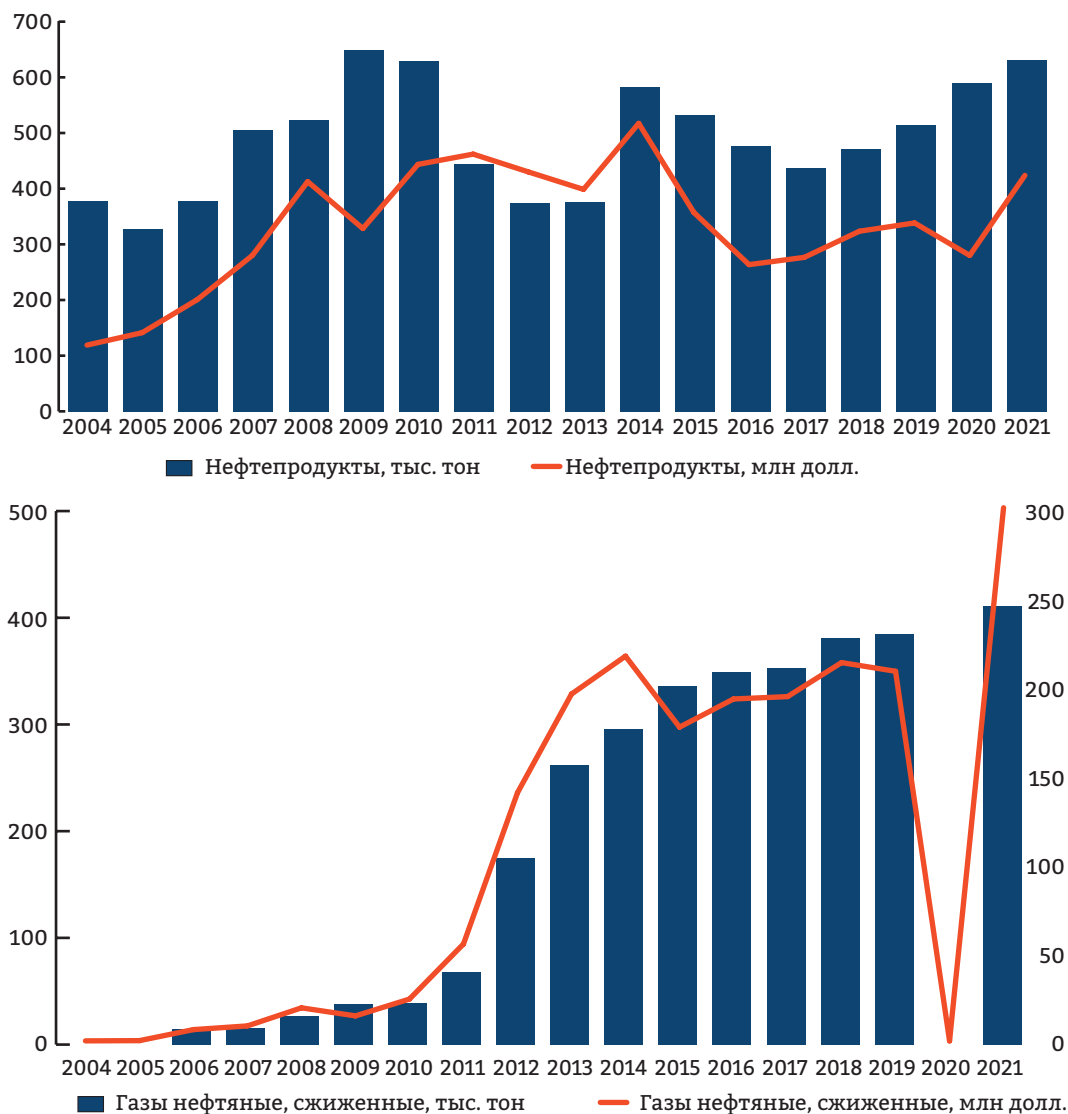
Figure 7. Share of imported goods of the Republic of Tajikistan by groups in 2015-2021.

Источник: составлено авторами на основе статистических сборников «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» и «Статистический ежегодник Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан за соответствующие годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.tj>

Source: compiled by the authors based on the statistical collections “Foreign economic activity of the Republic of Tajikistan” and “Statistical Yearbook of the Republic of Tajikistan”. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan for the relevant years. Electronic resource. Available from: <https://www.stat.tj>

Рисунок 8. Импорт товаров, которые занимают значительную долю в общем объеме импорта Республики Таджикистан
Figure 8. Imports of goods that occupy a significant share in the total volume of imports of the Republic of Tajikistan

Источник: составлено авторами на основе статистических сборников «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» и «Статистический ежегодник Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан за соответствующие годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.tj>

Source: compiled by the authors based on the statistical collections “Foreign economic activity of the Republic of Tajikistan” and “Statistical Yearbook of the Republic of Tajikistan”. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan for the relevant years. Electronic resource. Available from: <https://www.stat.tj>

Группировка импортируемых товаров позволила обнаружить, что потребительские товары составили 47,19% от всего импорта в 2021 г. В отношении инвестиционных товаров их доля составила всего лишь 3,5%. Кроме того, стоит отметить, что процент промежуточных товаров также составляет значительную долю (38,8%), что указывает на развитие производства и переработки в данной стране. Так, если рассматривать весь исследуемый период, можно заметить, что в основном импортируемые товары представлены потребительскими и промежуточными товарами.

Денежные доходы населения являются одним из основных факторов, влияющих на импорт страны. Это подтверждается тем, что большая часть импортированных товаров состоит из потребительских товаров.

Для выявления других факторов, влияющих на импорт, использовался график, отражающий объем и сумму импорта двух основных групп товаров, значимая доля которых составляет существенную часть импорта страны (Рисунок 8).

Импорт нефтяного сжиженного газа зависит от объема предлагаемой продукции, поэтому влияние мировых цен на импорт газа не столь значительно. Импорт нефтепродуктов подвержен влиянию мировых цен на нефть.

В 2009 г. сумма импорта нефтепродуктов снизилась, несмотря на увеличение объема импорта. Однако в период с 2010 по 2013 г. снижение объема импорта привело к увеличению суммы импорта на нефтепродукты. Это указывает на то, что сумма импортируемых нефтепродуктов зависит от мировых цен на нефть.

Исходя из анализа, можно отметить, что внешняя торговля Республики Таджикистан зависит от таких факторов, как: денежные доходы населения, мировые цены на нефть, а также объем производства и мировые цены на хлопок.

Для оценки географической структуры внешней торговли Республики Таджикистан необходимо проанализировать основных партнеров во внешнеторговом обороте (Таблица 2).

Таблица 2. Внешнеторговый оборот по основным торговым партнерам за 2020–2021 гг.
Table 2. Foreign trade turnover by main trading partners for 2020-2021

Страны-партнеры	млн долл. США		%		Место	
	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	1952,9	973,6	21,3	21,4	1	1
Казахстан	1778,6	909,7	18,5	20,0	2	2
Китай	839,3	472,7	13,2	10,4	3	3
Узбекистан	447,8	333,7	7,0	7,3	4	4
Турция	390,5	322,6	6,1	7,1	5	5

Источник: составлено авторами по: «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, за соответствующие годы. <https://www.stat.tj>

Source: compiled by the authors on “Foreign economic activity of the Republic of Tajikistan”. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, for the relevant years. <https://www.stat.tj>

Так как основным партнером во внешней торговле Республики Таджикистан является Российская Федерация, необходимо проанализировать влияние вышеуказанных факторов на товарооборот двух стран.

Для полноты анализа необходимо проанализировать структуру экспорта и импорта товаров с Российской Федерацией (см. Рисунок 9 и Рисунок 10).

В общей доле экспортируемых товаров в Россию 90% составляют текстильные материалы и текстильные изделия. Также в экспорте представлены продукты растительного происхождения (почти 9%). В этот раздел входят также фрукты и сухофрукты. Заметим, что на внешнюю торговлю между Россией и Таджикистаном влияют, прежде всего, мировые цены на хлопок и на товары из него.

Рисунок 9. Основные экспортируемые товары Республики Таджикистан в Российскую Федерацию за 2021 г.
Figure 9. Main exported goods of the Republic of Tajikistan to the Russian Federation for 2021

Экспорт в Российскую Федерацию

Источник: составлено авторами на основе статистических сборников «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» и «Статистический ежегодник Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан за соответствующие годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.tj>

Source: compiled by the authors based on the statistical collections “Foreign economic activity of the Republic of Tajikistan” and “Statistical Yearbook of the Republic of Tajikistan”. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan for the relevant years. Electronic resource. Available from: <https://www.stat.tj>

Из Российской Федерации импортируется достаточно большое количество товаров в Республику Таджикистан. Поэтому необходимо проанализировать структуру импорта (см. Рисунок 10).

Из рис. 10 видно, что в Таджикистан из России импортируются продукты, входящие в пятую товарную группу, то есть «нефтепродукты» и «газы нефтяные сжиженные», а также товары потребительского характера. Таким образом, на внешнеторговый оборот Таджикистана и России влияют мировые цены на нефть и денежные доходы населения.

В эти годы можно было наблюдать полное изменение доли товаров других групп российского импорта. В 2014–2015 гг. доля поставок товаров из Таджикистана второй товарной группы была таковой. Уровень упал в четыре раза по сравнению с 2013 г. В данный период произошло снижение с 18,6 до 4,5%, а после 2019 г. началось восстановление, достигнув 17,7% в 2021 г.

Рисунок 10. Основные импортируемые товары Республики Таджикистан из Российской Федерации за 2021 г.
Figure 10. Main imported goods of the Republic of Tajikistan from the Russian Federation for 2021

Импорт из Российской Федерации

Источник: составлено авторами на основе статистических сборников «Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан» и «Статистический ежегодник Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан за соответствующие годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.tj>

Source: compiled by the authors based on the statistical collections “Foreign economic activity of the Republic of Tajikistan” and “Statistical Yearbook of the Republic of Tajikistan”. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan for the relevant years. Electronic resource. Available from: <https://www.stat.tj>

Российская Федерация является основным партнером Республики Таджикистан по импорту, так как Таджикистан импортирует две основные группы товаров – нефть и газ, которые предлагаются со стороны РФ. Весьма малая доля России в обороте Таджикистана в международной торговле в течение рассмотренного временного периода никогда не опускалась ниже 21%. Таджикистан продолжает удерживать Российскую Федерацию на первом месте среди своих внешнеторговых партнеров. Более трети из всех импортируемых товаров в Таджикистан поступает из России. Относительно экспорта из Республики Таджикистан, Россия входит в список основных стран-импортеров, занимающих место в десятке. Доля Таджикистана в общем объеме внешнеторгового оборота России составляет незначительный процент.

Традиционно основными категориями товаров, которые составляют российский импорт из Республики Таджикистан, являются продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье; текстиль, текстильные изделия и обувь; продукция хи-

Таблица 3. Оценочные коэффициенты уравнения
Table 3. Estimated equation coefficients

Зависимая переменная: WT

Метод: Условные наименьшие квадраты ARMA (шаги Гаусса-Ньютона / Марквардта)

Выборка (скорректированная): 2008-2021 гг.

Включенных наблюдений: 12 после корректировок

Сходимость достигнута после 7 итераций

Ковариация коэффициента, вычисленная с использованием внешнего произведения градиентов

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	Prob.
С	-0.723255	0.372189	-1.943246	0.0931
Денежные доходы населения (-1)	1.266765	0.311824	4.062440	0.0048
Мировые цены на нефть	0.349340	0.238226	1.466423	0.1860
Мировые цены на хлопок	0.068609	0.375721	0.182607	0.8603
AR(2)	-0.214097	0.090362	-2.369328	0.0497
R-квадрат	0.836930	Среднее зависимое значение var		1.094396
Скорректированный R-квадрат	0.743747	S.D. зависимое значение var		0.293571
регрессии	0.148610	Информационный критерий Акайке		-0.680646
Сумма в квадрате resid	0.154594	Критерий Шварца		-0.478602
Логарифмическая вероятность	9.083877	Критерий Ханнана-Куинна		-0.755450
F-статистика	8.981574	Статистика Дурбина-Уотсона		3.265087
Prob(F-статистика)	0.006881			
Перевернутые корни AR	-.00+.46i	-.00-.46i		

Источник: составлено авторами по результатам тестирования

Source: compiled by the authors based on testing results

мической промышленности, такая как каучук; машины, оборудование и транспортные средства, а также минеральные продукты.

Как обычно, основные товарные группы российского экспорта в Республику Таджикистан включают пищевые продукты и сельскохозяйственное сырье, химическую продукцию, минеральные продукты, древесину и целлюлозно-бумажные изделия, каучук, машины, оборудование и транспортные средства, а также металлы и изделия из них.

Товарные группы, которые Российская Федерация экспортирует и импортирует в торговле с Республикой Таджикистан, имеют много общего. Однако стоит отметить, что каждая из этих групп включает в себя множество различных подгрупп товаров, а внутри них насчитывается много десятков и сотен различных товаров. Именно на

данных уровнях значительно будет различаться товарный ассортимент для экспорта и импорта.

Факторы, выявленные в ходе анализа, непосредственно влияют на внешнюю торговлю Республики Таджикистан и Российской Федерации. Исходя из этого, на основе регрессионной модели, способствующей прогнозу товарооборота Республики Таджикистан, была выявлена зависимость внешней торговли двух стран от этих факторов (см. Таблицу 3).

Как видно, коэффициент $R^2 = 0,84$, что свидетельствует о том, что построенное уравнение с указанными факторами является эффективным. В данном уравнении показатель S небольшой, из чего следует правильность выбранных факторов. Показатели вероятности ($\text{Prob}(F\text{-statistic})$), тоже ниже 5% ($>0,05$).

Таким образом, уравнение принимает следующий вид:

$$WT = -0.723255101031 + 1.2667651288 * X1 + 0.349339551933 * X2 + 0.0686090941412 * X1 + [AR(2) = -0.214097481115],$$

где: $X1$ – денежные доходы населения,

$X2$ – мировые цены на нефть,

$X3$ – мировые цены на хлопок.

Выводы

В результате проведенного исследования внешней торговли Республики Таджикистан были сделаны следующие выводы:

На внешнюю торговлю Республики Таджикистан влияют в основном внешние факторы, такие как мировые цены на нефть и хлопок.

Экспорт Республики Таджикистан в основном состоит из сырья.

Импорт республики составляют в основном потребительские товары.

Для решения вышеперечисленных проблем необходимо:

Сократить влияние внешних факторов, в частности мировых цен на хлопок. Для этого необходимо перерабатывать хлопок и экспортировать его в виде готовой продукции. Это позволит увеличить доход от экспорта. В этом направлении уже приняты меры со стороны Правительства Республики Таджикистан в виде налоговых льгот и государственной поддержки производителей готовой продукции из хлопка.

Следует увеличить долю промежуточных и инвестиционных товаров в общем объеме импорта и тем самым сократить потребительские товары за счет увеличения внутреннего производства потребительских товаров с помощью импорта инвестиционных и промежуточных товаров.

Усилить работу в направлении упрощения таможенных процедур при импорте и экспорте. Так, например, после создания Торгового портала Таджикистана (был создан в 2019 г.) внешнеторговый оборот республики увеличился.

Увеличить номенклатуру и объем экспортируемых товаров, особенно это касается фруктов и сухофруктов. Со стороны России спрос на эту продукцию велик, а Таджикистан сейчас не способен полностью удовлетворить спрос. В этом направлении тоже ведется работа, связанная с отведением земель для фруктовых садов и строительной заводов для сушки фруктов.

И последнее – в двустороннем товарообороте стран можно выделить следующие проблемы:

1. Для того чтобы разнообразить взаимные поставки товаров, необходимо расширить ассортимент продукции, так как текущий набор товаров ограничен.

2. В течение всего периода наблюдается отрицательное сальдо торгового баланса в торговле между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией.

3. Таджикистан вносит незначительный вклад в общий объем внешнеторгового оборота России, несмотря на то, что сама Россия является основным торговым партнером Таджикистана. Таджикистан является не только страной, которая экспортирует товары, но также входит в топ-10 стран-импортеров таджикских товаров.

Увеличение экспорта товаров из Таджикистана и продолжение развития торговых отношений с Россией несомненно приведут к положительным последствиям для экономики обеих стран. Торговля между странами региона высокотехнологичными продуктами представляет собой перспективное направление. Для развития взаимной торговли между государствами понадобятся как структурные элементы, такие как создание инфраструктуры для торговли и логистики, оптово-распределительных центров и логистических сервисов, а также развитие финансового сектора и другие факторы. Кроме того, важным влиянием будут обладать политические меры, включающие улучшение тарифных и нетарифных условий, а также укрепление взаимодействия между таможенными и налоговыми органами.

Список источников

- Бударина Н. А., Ненадышина Т. С. Внешняя торговля России: тенденции и перспективы развития [Foreign trade of Russia: trends and development prospects] // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 6. С. 7–24.
- Бударина Н. А., Горохова М. К. Динамика экспорта и импорта России в условиях локализации и перемен в направлениях глобальных товаропотоков [Dynamics of exports and imports of Russia in the situation of localization and changes in the directions of global commodity flows] // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 6–1(100). С. 60–64. DOI 10.24412/2411-0450-2023-6-1-60-64.
- Бударина Н. А., Горохова М. К. Тенденции развития внешней торговли в современных условиях [Trends in the development of foreign trade in modern situation] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-1(81). С. 160–164.
- Волчкова Н. Новая теория международной торговли и новая экономическая география [New theory of international trade and new economic geography] // Вопросы экономики. 2009. №1. С. 68–83.
- Ильяшенко В.В. Внешнеэкономические связи и развитие экономики [Foreign economic relations and economic development] // Известия УрГЭУ. 2012. №2(40). С. 83–86.
- Киреев А.П. Теории международной торговли XXI в. [Theories of international trade of the XXI century] // Экономическая школа. Альманах. 2011. Том.7. С.7–30.
- Сайдмуродов Л. Х. Стратегические цели Республики Таджикистан и устойчивое развитие регионов страны [Strategic goals of the Republic of Tajikistan and sustainable development

of the country's regions] // Вестник университета. Российско-Таджикский (Славянский) университет. 2016. № 3(54). С. 149–156.

- Юнусзода Х. К. Влияющие на чистый экспорт факторы с точки зрения моделирования ВВП Республики Таджикистан [Factors influencing net exports from the point of view of modeling the GDP of the Republic of Tajikistan] // Экономика Таджикистана. 2023. № 2. С. 66–75.
- Юнусзода, Х. К. Теория и практика воздействия факторов на рост экспорта Республики Таджикистан [Theory and practice of the influence of factors on the growth of exports of the Republic of Tajikistan] // Экономика Таджикистана. 2022. № 4–1. С. 173–179.
- Houthakker H. S., Magee, S. P. Income and Price Elasticities in World Trade. Review of Economic and Statistics, 1969; 51(2): 111-125.
- Krugman P. Import Protection as Export Protection: Internal Competition in the Presence of Oligopolies and Economies of Scale. In: Kierkowski H. (ed.) Monopolistic Competition and International Trade. Oxford: Oxford University Press, 1984.
- Linder S.B. An Essay on Trade and Transformation. Stockholm: Almqvist&Wiksell, 1961.
- Porter M. The Competitive Advantage of Nations. New York: Free Press, 1990 (русс. пер.: Портер М. Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран. Москва: Международные отношения, 1993).
- Posner M. International Trade and Technical Change. Oxford Economic Papers, Vol. 13 (3), 1961.

Информация об авторе

БУДАРИНА Наталья Александровна. Доктор экономических наук, доцент. Профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД РФ, <https://orcid.org/0000-0003-1412-5165>. Адрес: Российская Федерация, 119021. г. Москва, Остоженка, д.53/2, стр. 1. natala5555@rambler.ru

ЮНУСЗОДА Холмуроди Курбонали. Кандидат экономических наук. Ведущий научный сотрудник Института экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, <https://orcid.org/0009-0009-6263-7529>. Адрес: Республика Таджикистан, 734064. г. Душанбе, Сино, П/Сулаймони, д. 10, кв 26. yunuszoda.91@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 1 ноября 2023. Одобрена после рецензирования: 8 ноября 2023. Принята к публикации: 15 ноября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Budarina N. A., Nenadyshina T. S. Foreign trade of Russia: trends and development prospects. Russian Foreign Economic Bulletin. 2022; 6:7–24 [In Russian].
- Budarina N. A., Gorokhova M. K. Dynamics of exports and imports of Russia in the situation of localization and changes in the directions of global commodity flows. Economics and business: theory and practice. 2023; 6–1(100):60–64 [In Russian]. DOI 10.24412/2411-0450-2023-6-1-60-64.

3. Budarina N. A., Gorokhova M. K. Trends in the development of foreign trade in modern situation. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023; 6–1(81):160–164 [In Russian].
4. Volchkova N. New theory of international trade and new economic geography. Questions of Economics. 2009; 1:68–83 [In Russian].
5. Ilyashenko V.V. Foreign economic relations and economic development. News of Ural State Economic University. 2012; 2(40):83–86 [In Russian].
6. Kireev A.P. Theories of international trade of the XXI century. Economic school. Almanac. 2011; Vol.7:7–30 [In Russian].
7. Saidmurodov L. Kh. Strategic goals of the Republic of Tajikistan and sustainable development of the country's regions. Bulletin of the University. Russian-Tajik (Slavic) University. 2016; 3(54):149–156 [In Russian].
8. Yunuszoda H. K. Factors influencing net exports from the point of view of modeling the GDP of the Republic of Tajikistan. Economy of Tajikistan. 2023; 2:66–75 [In Russian].
9. Yunuszoda, Kh. K. Theory and practice of the influence of factors on the growth of exports of the Republic of Tajikistan. Economy of Tajikistan. 2022; 4–1:173–179 [In Russian].
10. Houthakker H. S., Magee, S. P. Income and Price Elasticities in World Trade. Review of Economics and Statistics, 1969; 51(2):111–125 [In English].
11. Krugman P. Import Protection as Export Protection: Internal Competition in the Presence of Oligopolies and Economies of Scale. In: Kierkowski H. (ed.) Monopolistic Competition and International Trade. Oxford: Oxford University Press, 1984 [In English].
12. Linder S.B. An Essay on Trade and Transformation. Stockholm: Almqvist&Wiksell, 1961 [In English].
13. Porter M. The Competitive Advantage of Nations. New York: Free Press, 1990 (Russian translation: Porter M. International Competition: Competitive Advantages of Countries. Moscow: International Relations, 1993) [In English].
14. Posner M. International Trade and Technical Change. Oxford Economic Papers, Vol. 13(3), 1961 [In English].

About the authors

Natalya A. BUDARINA DoctSc (Econ), Associate Professor. Professor of the Department of World Economy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-1412-5165>. Address: Page 1, 53/2, Ostozhenka, Moscow, 119021, Russian Federation, natala5555@rambler.ru

Kholmurodi K. YUNUSZODA. CandSc (Econ). Leading researcher at the Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, <https://orcid.org/0009-0009-6263-7529>. Address: apt. 26, building 10, P/Sulaimoni, Sino, Dushanbe, 734064, Republic of Tajikistan, yunuszoda.91@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: November 1, 2023. Approved after peer review: November 8, 2023. Accepted for publication: November 15, 2023. Published: December 15, 2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global and regional studies

Научная статья

Политические науки

УДК: 330

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-23-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-23-3-4(10)-XX-XX)

Ресурсы водной экономики как геополитический актив стран Центральной Азии в формировании суверенных стратегий развития

Айзат Кылычбековна Доскожаева^{1a}✉,
Алексей Сергеевич Харланов^{2b}✉

¹ Дипломатическая академия им. К. Дикамбаева при Министерстве иностранных дел Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан

² Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России, Москва, Россия

^a aizatdoskozhaeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-4944-2532>

^b kharlanov2009@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6427-8808>

Аннотация. Вода является жизненно важным ресурсом всего человечества. Ведь его ресурсы способны как ускорить, так и ограничить социальное развитие и технический прогресс любого общества. Они же могут быть причиной и процветания, и нищеты, а также привести как к сотрудничеству, так и к конфликтам местного, регионального или мирового масштаба. Статья посвящена проблеме совместной эксплуатации водных ресурсов. Их справедливое распределение в Центрально-Азиатском регионе не теряет своей актуальности, требует согласованных подходов и использования совместных «дорожных карт». Они могли бы диверсифицировать возникающие с этим ресурсом риски, создавая благоприятные условия для ускоренного развития всех стран Центральной Азии и выстраивать единую критическую инфраструктуру энергообмена и водопользования, учитывая

интересы главных мировых регуляторов научно-технологического процесса, имеющих исторические притязания на доминирование и ассимиляцию некоторых частей хозяйствования в национальных экономиках стран Центральной Азии. Умение не подпадать под институты глобального управления сможет создать условия для местных национальных элит, чтобы не утратить свою суверенность и выполнить задачи по устойчивому технологическому развитию среднеазиатских индустрий, находящихся в состоянии цифровой трансформации и постковидного восстановления.

Ключевые слова: Центрально-Азиатский регион, водные ресурсы, Россия, США, Китай, Иран, Турция, водные конфликты, ЕАЭС, Индустрия 4.0

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран. Научный руководитель – Харланов Алексей Сергеевич, к.т.н., д.э.н., Дипломатическая академия МИД.

Для цитирования: Доскожаева А.К., Харланов А.С. Ресурсы водной экономики как геополитический актив стран ЕАЭС в формировании суверенных стратегий развития //Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Water economy resources as a geopolitical asset of the eaeu countries and the formation of sovereign development strategies

Aizat K. Doskozhaeva^{1a}✉, Alexey S. Kharlanov^{2b}✉

¹K.Dikambayev Diplomatic Academy under the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

²Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

^a aizatdoskozhaeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-4944-2532>

^b kharlanov2009@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6427-8808>

Abstract. Water is a vital resource for all mankind. Its resources can both accelerate and limit the social development and technological progress of any society, can be the cause of both prosperity and poverty, can lead to both cooperation and conflicts on a local, regional or global scale. The article is devoted to the problem of joint exploitation of water resources. Their fair distribution in the Central Asian region is relevant, requires coordinated approaches and the creation of joint roadmaps. They could diversify emerging risks by creating favorable conditions for the accelerated development of all Central Asian countries and building a unified infrastructure for energy exchange and water use, taking into account the interests of the world's main regulators of the scientific and technological process, who have historical claims to the dominance and assimilation of some parts of the economy in

the national economies of Central Asian countries. The opportunity not to fall under the institutions of global governance will help to create conditions for local national elites not to lose their sovereignty and fulfill the tasks of sustainable technological development of Central Asian industries in a situation of digital transformation and post-crisis recovery.

Keywords: Central Asian region, water resources, Russia, USA, China, Iran, Turkey, water conflicts, EAEU, Industry 4.0

Acknowledgements: The article was prepared according to the International Academic Mobility Program organized for young scientists from foreign countries by the National Research Institute for the Communications Development. Scientific supervisor – A. S.Kharlanov, Cand. Sc. (Technical), Doct.Sc. (Economics), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs.

For citation: Doskozhaeva A.K., Kharlanov A.S. Water economy resources as a geopolitical asset of the EAEU countries and the formation of sovereign development strategies. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 4(10): XX-XX [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Введение

Актуальность темы исследования определяется растущей политической и геоэкономической нестабильностью в регионе Центральной Азии, который имеет давние конфликты между соседями и исторические притязания на водные ресурсы, которые играют решающую роль при вхождении стран в Индустрию 4.0. как самодостаточных и суверенных субъектов, выстраивающих свое индустриальное будущее между реализуемыми проектами России, Турции, Ирана, Китая, ОАЭ, Саудовской Аравией, стран англосаксонского мира, желающих внести существенные коррективы в приоритеты развития экономик этих государств и относящихся к их национальной повестке с определенной долей скепсиса и предлагающих им совместное развитие и доминирование в некоторых глобальных отраслях под их партнерским или неокOLONIALным руководством и при их посредничестве.

Водные ресурсы, как факторы технологий, земли и капитала, становятся в ресурсных моделях постсоветских республик одним из ключевых факторов, обеспечивающих национальную безопасность стран Центральной Азии, определяют их конкурентоспособность в вопросах своевременного и качественного развития в технологическом и аграрном секторах, решая вопросы национального суверенитета и проведения национально ориентированной политики лидерами данных государств. Именно поиск разумного компромисса и развитие идей сможет предоставить гибкую систему отношений, где будут максимально учитываться идеи, ориентированные на собственное эффективное развитие и получение мультипликативных эффектов от процессов интеграции как синергии эффекта масштаба и неконкурирующего развития единого интеграционного пространства по кластерному принципу (советских зон географического районирования и территориально-промышленных комплексов и индустрий единых заказчиков и потребителей плановой экономики советского периода). При этом каждая страна, находящаяся в зоне доступа к водным ресурсам, пытается максимизировать свои географические преимущества и выстроить уникальную гидротехническую сеть на территории и в бассейнах рек, имеющих стра-

тегическое значение для мирной и ускоренной модернизации при переходе в робото-гуманоидный уклад Индустрии 4.0 [1, с. 15]. Предлагаемые сценарии различных игроков в содействии данному процессу имеют ряд своих особенностей и не всегда соответствуют желаниям стран не утратить свою специализацию в мировом разделении труда (МРТ) и подтвердить уникальность своей роли в международных экономических отношениях (МЭО) при воздействии транснационального капитала и стран, предлагающих долговременную поддержку в обмен на доступ ко всем ресурсам, включая воду, для своих предприятий (филиалов) в странах Центральной Азии [5, с. 32].

Цель исследования – провести исторический и экономический анализ региона Центральной Азии, рассмотрев существующие риски и возникающие угрозы при дистрибуции водных ресурсов между государствами, предложить варианты единства подходов к выстраиванию более гармонизированной политики в области промышленности и сельского хозяйства, которая максимально сможет учесть потребности и пожелания всех игроков получить свою долю в водных ресурсах. Обобщить исторически применяемые подходы в вопросах развития и единства территорий Центральной Азии для получения мультипликативных эффектов и роста синергии в различных национальных отраслях, особенно зависимых от воды, таких как сельское хозяйство, энергетика и продовольственная безопасность [4].

Материалы и методы

На основе методов синтеза и дедукции рассмотрена водная политика стран Центральной Азии, которая должна свестись к местной локализации, а также образованию и развитию конкурентоспособных корпораций на основе стимулирования использования новых технологий и привлекаемых инвестиций в генерацию мощностей территорий и вовлечение в этот процесс внутренних источников через стимулирование прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и импорта технологий Индустрии 4.0.

Научная методология должна способствовать системности, поэтапному и правильному порядку очередности вовлечения стран региона в водные «дорожные карты» как эволюционного продолжения процессов суверенного развития национальных отраслей и отстаивания приоритетов собственного народного хозяйства перед усиливающимся влиянием глобальных корпораций и транснационального капитала, способствующего переориентации парадигмы развития государств Среднеазиатского региона с позиций самодостаточности и собственной энергетической / сырьевой / водной обеспеченности на максимизацию прибылей иностранных акторов и растрату ресурсов собственных экономик и минерально-сырьевой базы на создание и рост трансграничных цепочек ТНК, которые продолжают вывозить получаемую продукцию и капитал из Средней Азии [7, с. 18].

Авторы используют анализ октябрьской Ташкентской конференции 1991 г., которая привела к подписанию пяти республиками в феврале 1992 г. Соглашения об

управлении, использовании и защите трансграничных водных ресурсов. Предлагается классифицировать сами ресурсы с позиций их промышленного использования, возможного инструмента залога, обмена, торга и инвестиций при создании единого поля интересов и при выстраивании совместных приоритетов для сбалансированного развития экономик стран Центральной Азии.

Авторы используют методологию балансового подхода, который становится максимально востребованным международным научным сообществом, желающим использовать его на площадке ЮНЕСКО, и преобладающим в планах ШОС и БРИКС по гармонизации усилий и равноценного доступа к ресурсам, с учетом человеческого фактора и грядущей реиндустриализации постсоветского пространства [10, с. 64-67.].

На данную тематику существует множество публикаций, которые можно условно разделить на три группы: англосаксонских историков, географов, мыслителей и натуралистов, которые рассматривают данный регион с позиций геополитики (Хартлэнда) или же вынесенной стратегии Запада по колонизации и порабощению Востока с позиций логистических и продовольственных цепочек, позволяющих решать вопросы доставки уникальных товаров в Европу и определяющих форпосты для доминирования «цивилизационных сил» в «царствах дикости и невежества», которые стали лакомым кусочком для их включения в колючую козырьку Запада против альтернативных проектов Великого Турана (новой Османской империи), Древней Персии (Ирана и идей единого шиитского государства вместе с близкими по вере странами глобального Юга), арабских халифатов и монархий современности (конкурирующие проекты саудитов и арабов из стран Персидского залива, таких как Катар и ОАЭ), китайской экспансии в Азию (ассимиляция Поднебесной всех государств под началом идеи Великого Китая, осваивающего земли близкой географии, и развития Великого шелкового пути в экспорте его товаров из АТР в Новый Свет, на Ближний Восток и в Африку). Данные взгляды постоянного перекраивания планов и задач по стратегическому перестраиванию региональной «центральноазиатской повестки» были изложены и описаны исследователями Джоном Кейем, Джоном Перри, Джеффри Гартенем, Натаниэлем Найтом, Дэвидом Уоллесом-Уэллсом, Нилом Фергюсоном, Ручиром Шармой, Карелом ван Волференом, Беттани Хьюзом, Карлом Бэрном, Редъярдом Киплингом, Патриком Бьюкененом, Чарльзом Гати, Грэмом Грином, К.П. фон Кауфманом, Сомерсетом Моэмом, Хэлфордом Маккиндером, Сэмюэлем Хантингтоном и Робертом Капланом. Вторая группа исследователей базируется на русской традиции приращения Российской империи в исследовании земель Азии и их цивилизованном и полномочном включении в единый российский (а позже – и в советский) проект, а также российский, постсоветский проект, требующий изучения подходов к формируемому интеграционным площадкам в виде СНГ, ШОС и «евразийского проекта» в качестве платформы ЕАЭС (Евразийского экономического союза). К такому дореволюционному периоду могут быть отнесены авторы, такие как Л.Н.Гумилев, Б.А.Тураев, И.Н.Надеждин, Н.И.Рерих, Е.П.Блаватская, Н.Н.Миклухо-Маклай, П.П.Семенов-Тянь-Шанский, В.Ф.Ошанин, А.Р.Бонсдорф, Л.Ф.Костенко, М.Д.Скобелев, К.Антарова, Ю.Н.Тынянов, М.В.Певцов, В.В.Розен, Н.М.Пржевальский, Г.Н.Потанин,

Г.Е.Грум-Гржимайло, В.А.Обручев, П.К.Козлов, В.И.Данилов-Данельян, Н.П.Остроумов, В.В.Радлов, Н.А.Северцов, К.И.Антипин, Г.П.Васильев, М.И.Венюков, Н.И.Гродеков, Н.А.Аристов, Г.С.Загряжский, Ф.В.Поярков, В.В.Бартольд, В.В.Григорьев, С.Н.Абашин, Е.И.Махов, В.П.Наливкин, Д.Схиммельпеннинк ван дер Ойе, а завершают данный перечень литературные источники местных авторов советского и постсоветского периодов, рассматривающих свои страны в качестве монопольных владельцев природных ресурсов и желающих более глубоко распространить через управление ими свое влияние на всю политику регионов Центральной и Средней Азии (Д.М.Маматканов., С.Примбетова, Г.А.Рудова, Т.Т.Сарсембекова, Т.У.Усубалиев, С.К.Аламанов и др.).

Результаты исследования

Для стран Центрально-Азиатского региона характерен засушливый климат, поэтому вода играет чрезвычайно важную роль в их развитии и постиндустриальном становлении. Между тем отрицательные изменения климата, растущие экологические проблемы сильно акцентируют внимание на водных проблемах региона самой Средней Азии, ибо на ее территориях расположены засушливые степи, пустыни и полупустыни, которые делают эти страны в крайней степени зависимыми от трансграничных рек межгосударственного значения, требуют постоянного диалога о компромиссе интересов всех участников процесса взаимного развития и использования мультипликативных эффектов для роста синергии совместных, кластерно производимых и реализуемых товаров и услуг в рамках единого географического земельного пространства.

Водные ресурсы всегда играли важную роль в развитии человечества и определяли цивилизационный путь «водных или зависимых от воды народов», общин и племен. Ведь ее наличие всегда было не только экзистенциальной надобностью, но и экономической выгодой, вечным ресурсом истинного богатства наций. Сегодня дефицит воды является важнейшим фактором, тормозящим экономический рост, не позволяющим достигать мировых стандартов здоровья людей и развития человеческого капитала в большинстве стран Азии. Центральная Азия – обладатель колоссальных водных ресурсов со специфическим географическим расположением и с эволюционировавшей постсоветской идеей плановой экономики диверсифицированного доступа трудовых ресурсов к воде как основы и сырья, и части технологий, и экологического суверенитета развивающихся стран региона.

Нецелое и малоэффективное использование водных ресурсов, отсутствие современных технологий, быстро растущий темп роста населения, нищета трудовых масс, остро нуждающихся в ресурсах развития, а также износ ирригационных сооружений и водохранилищ привели к острому дефициту и нехватке воды как в сельских окрестностях, так и в индустриальных центрах и предгорьях.

Водные ресурсы в регионе распределены неравномерно. В связи с этим водный вопрос является одной из самых главных проблем для государств Центральной и

Средней Азии. В регионе объем восполняемых водных ресурсов составляет в год в среднем 118–120 км³ и состоит из вод Амударьи, Сырдарьи и подземных водных запасов (14,7 км³). 55,4% общих водных ресурсов, впадающих в Аральское море, формируется на территории Таджикистана, 25,3% – в Кыргызстане, 7,6% – в Узбекистане, 3,9% – в Казахстане, 2,4% – в Туркменистане, остальные 5,4% – на территории Афганистана и части Китая и Пакистана¹.

В горных районах Кыргызстана и Таджикистана берут начало более 10 000 рек и формируется более 80% водных запасов [11, с. 69-72]. Кыргызстан и Таджикистан, находясь в верховьях рек, не имея других богатств, вынуждены обеспечивать деятельность народного хозяйства за счет гидроэнергетики, а Казахстан, Узбекистан и Туркменистан строят свою экономику на земледелии и промышленности. Поэтому если для стран низовья выгодно собирать воду зимой, а пользоваться ею летом, то странам верховья необходимо собирать воду летом и использовать ее зимой, что ведет к водным дисбалансам и перебоям с качеством поставок воды при ее экономическом использовании в качестве ключевого ресурса между странами в их глобализирующихся МЭО (международных экономических отношениях), в отстаивании национально ориентированных цепочек добавочной стоимости, все более подпадающих под пресс эгоистических устремлений транснациональных корпораций и сопутствующей росту наносимого вреда бесконтрольной эксплуатации всей инфраструктуры стран Средней и Центральной Азии глобальными институтами управления [12, с. 47-52].

До обретения независимости существовал централизованный водно-энергетический комплекс, который предоставлял странам возможность взаимодействовать в общих интересах. С развалом Советского Союза система не просто рухнула, но и повлекла за собой конфликт интересов, который не удается преодолеть и по сегодняшний день, сделала противоречия разноуровневыми – от национальных до региональных и глобальных, заставляющих элиты государств Азии заниматься постоянным торгом за удержание своих ключевых национальных компетенций и для поддержания требуемого баланса сил растущей конкурентоспособности в постковидном восстановлении мировой экономики.

Следует отметить, что государства предпринимали попытки урегулирования водного вопроса через международные организации. Первый шаг был сделан в октябре 1991 г. по итогам Ташкентской конференции, уже в феврале 1992 г. все пять республик подписали Соглашение об управлении, использовании и защите трансграничных водных ресурсов² [13, с. 381].

Сегодня сотрудничество в области водопользования находится в компетенции Межгосударственной комиссии по координации водных ресурсов – межправительственного органа, занимающегося вопросами распределения воды и охраны водных

¹ Рахимов Ш.Х., Хамраев Ш.П. Проблемы управления водными ресурсами в бассейне Аральского моря. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://www.cawater-info.net/library/rus/saniiri80_3.pdf.

² Как создавалась МКВК – Воспоминания основателей и ветеранов МКВК. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://www.cawater-info.net/library/rus/icwc_story_behind.pdf.

ресурсов, созданного под эгидой Международного фонда спасения Аральского моря, включающего все пять республик. Данная комиссия координирует распределение вод Сырдарьи и Амударьи [5]. При комиссии существует Научный и информационный центр, а также действует Организация управления водными ресурсами бассейнов Сырдарьи и Амударьи. Тем не менее работа указанных структур не дает ожидаемого результата, так как не решается ключевая проблема – оптимизация разносезонного спроса воды.

Развитие ирригации и гидроэнергетики является важной задачей водной политики Кыргызстана. Следует отметить, что вопрос о развитии водно-экономических отношений и рынка услуг в водном хозяйстве имеет большое значение как во внутренней, так и во внешней водной политике Кыргызстана, стремящегося обеспечить себе водное лидерство в регионе и ввести механизмы бесперебойного водоснабжения соседей. Сегодня позиция Кыргызстана в межгосударственных водных отношениях находится в невыгодном для нее положении, ущемляя национальные интересы страны. Ведь за год 22 км³ воды из кыргызстанских водохранилищ уходит в соседние Узбекистан и Казахстан. Это означает, что 80% накопленной воды уходит соседям³. На содержание этих водохранилищ ежегодно из госбюджета выделяются огромные средства. Следовательно, необходимо поставить вопрос перед соседними государствами об оплате расходов на содержание водохранилищ. Это может быть решено в рамках ЕАЭС, через применение системы классификатора продаваемой воды и/или поставляемой ее по заниженным или нулевым расценкам в рамках проектов совместного развития или укрепления единой евразийской инфраструктуры стран в процессах цифровизации и ИКТ-отраслевого делегирования общих полномочий друг другу [16, с. 46-48].

Построение «водных отношений» с Казахстаном формируется исходя из его заметной зависимости от стока рек из соседних стран, которые приносят в пределы страны 44% поверхностных водных ресурсов⁴ всего региона. Поэтому власти Казахстана заинтересованы в сохранении и улучшении своего существующего состояния, предпринимая ряд мероприятий политического и практического значения по разработке более выгодных для себя водных отношений, проявляя разумный эгоизм, но не учитывающий при этом интересы других игроков в Средней и Центральной Азии.

Таджикистан же, в свою очередь, придерживается разумной и законной позиции, согласно которой трансграничное водопользование должно строиться на основах международного сотрудничества, с учетом национальных интересов и на основании двухсторонних договоренностей между странами, учитывающих в таком подходе и ключевые уязвимости игроков, и их конкурентные преимущества, и «утечку мозгов», и инвестиционный климат. Так как водные ресурсы страны должны в первую очередь удовлетворять внутригосударственный водный спрос, то Таджики-

стан предпринимает и реализует ряд мероприятий и шагов для совершенствования водной политики, выставляя свое доброе отношение к партнерам по водным договоренностям набором услуг в диверсификации экономических механизмов на едином евразийском рынке, куда давно собирается попасть равноправным участником процесса идущей интеграции стран уже более девяти лет [17, с. 45-48].

Позиция Узбекистана как «регионального лидера» была predetermined в советское время в общесоюзных интересах. Существовала программа распределения стока региональных и местных рек между странами региона. Это позволило Узбекистану в несколько раз приумножить производство ценной сельскохозяйственной продукции. Между тем для создания безостановочного и гарантированного обеспечения поддержки водой всех отраслей своей экономики в стране эксплуатируется одна из сверхмощных в мире водохозяйственных систем, построенная на водных ресурсах Сырдарьи и Амударьи. На сегодняшний день между Кыргызстаном и Узбекистаном подписано соглашение о совместном управлении водными ресурсами Кемпир-Абадского водохранилища, на базе которого создадут совместное предприятие для управления (при этом кыргызская сторона обязуется не строить гидротехнические и иные сооружения, препятствующие естественному течению реки, и не допускать технического загрязнения воды)⁵ [18, с. 101-105].

Без сомнения, исторически известно, что Туркменистан испытывает существенный дефицит водных ресурсов⁶, поскольку все поверхностные водные ресурсы страны являются трансграничными. Поэтому для Туркменистана, не имеющего собственных поверхностных водных ресурсов, Амударья является ключевым источником воды, необходимой как для становления страны, так и для обеспечения потребностей растущего населения и расширяющегося рынка, который все более уходит в газовую тематику.

Сегодня ожидаемое совместное использование водных ресурсов остается одним из самых остроконфликтных вопросов между странами – не столько из-за нехватки воды, а сколько из-за ее неэффективного и нерационального использования, а также отсутствия конкретных норм и правил, которые давно пора обсудить и принять в качестве базового распределения дефицитного ресурса, дающего властям любого государства дополнительные и весомые козыри и в геополитике, и в собственном становлении [6, с.59-63].

Со времен обретения своей независимости от СССР, переставшего давать план каждой из бывших советских республик, страны Центрально-Азиатского региона – как вместе, так и по отдельности – старались решить водный вопрос, в том числе и с участием международных организаций, которые имели диспозитивный и реко-

³ Н.М.Муралиева. Водный потенциал Республики Кыргызстан. Проблемы и потенциалы экономического развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vodnyu-potentsial-respubliki-kyrgyzstan-problemy-i-potentsialy-ekonomicheskogo-razvitiya/viewer>.

⁴ В.Касымова, С.Аламанов и др. Позиции стран ЦА по вопросу использования трансграничных водных ресурсов. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1386175860>.

⁵ Жогорку Кенеш Кыргызстана в трех чтениях принял законопроект о ратификации Договора по делимитации отдельных участков кыргызско-узбекской границы и Соглашения о совместном с Узбекистаном управлении водными ресурсами Кемпир-Абадского водохранилища. URL: <https://www.currenttime.tv/a/kyrgyzstan/32135301.html>.

⁶ Вольмурадов Курбангельды Мередович. Водные ресурсы Туркменистана: Потенциал, использование, технология и экология. URL: [//chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://www.cawater-info.net/library/rus/almaty/volmuradov.pdf](http://chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://www.cawater-info.net/library/rus/almaty/volmuradov.pdf).

мендательный характер, не учитывая факторы совместной интеграции и участия разных государств в схемах развития через конвергенцию национальных отраслей с другими игроками региона, выстраивающими свои приоритеты в водном разделении. Странам Средней Азии требуется все более интенсивное орошение, так как сельское хозяйство является основой их экономического роста, дает дополнительные преимущества в национальном развитии и в международной кооперации [2, с. 56].

В силу отсутствия целостной политической воли у государств они вынуждены быть взаимозависимыми в водных вопросах, тогда как сложности возникают, когда отдельные государства делают акцент на своих национальных интересах ради развития своей экономики. К тому же инициативы одних участников по вопросам водопользования другие стороны могут рассматривать как попытки не всегда уместного или волонтаристского подхода, ведущего к проявлению враждебных тенденций или к оказанию давления по отношению к определенным гидроресурсам. Таким образом, для снижения напряженности и разрешения межнациональных конфликтов, а также для взаимного целесообразного использования трансграничных водных ресурсов и их защиты необходимо вести систематические переговоры и консультации на взаимовыгодной основе не только в контексте национальных интересов, но и с учетом интересов всех жителей региона. Необходим высокоэффективный и оптимальный подход в решении водной проблемы для устойчивого развития Центрально-Азиатского региона, а также во избежание региональных войн, для помощи в их растущей интеграции между собой и во все более усиливающейся кооперации с Россией и с Беларусью [3, с. 563–565].

По мнению авторов, результатами исследования могут считаться предлагаемые механизмы классификации водных ресурсов, их перестраивания в пользу единства интересов стран Центральной и Средней Азии при следовании им в рамках евразийского проекта [8, с. 98] и при соблюдении баланса интересов с другими странами, ведущими активную инвестиционную и технологическую политику / экспансию в регионе. Авторы предлагают создать единую «водную карту» интересов для стран ЕАЭС [9, с. 30-32], учесть интересы Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, выстроить взаимодействие с Китаем [19, с. 9-20] и со странами мусульманской ориентации, такими как Иран, Турция, Саудовская Аравия, Афганистан, Пакистан, Индия, ОАЭ, англосаксонским блоком государств [14, с. 35], пытающимся внести свою повестку альтернативного развития Центральной Азии [15, с. 45-48] с позиций гегемонизма и постколониального мироустройства.

Выводы

Сохранение собственных приоритетов развития стран в процессе их продолжающейся цифровизации и реиндустриализации, поиск единства подходов к евразийскому рынку через разработку и принятие водных «дорожных карт» для промышленности и сельского хозяйства, учитывая существующие технологические регламенты, должно стать приоритетами национальной безопасности государств региона. Кроме

того, управление гидроэнергетическими ресурсами Центрально-Азиатского региона должно рассматриваться через водно-энергетический консорциум с участием государств ЕАЭС, ШОС и т.д.

Работа на благо общих интересов и на поддержание процессов возникающей все более углубленной интеграции национальных отраслей региона должна вестись на основе водного консенсуса и формулирования точечных приоритетов каждого национального хозяйства, дающих шанс каждому актору улучшить качество жизни своего населения и войти в Индустрию 4.0 через свои региональные конкурентоспособные заделы, позволяющие иметь доступ к будущим благам все более технократизирующемуся человечеству, основа преобразований у которого всегда была, есть и будет вода и пар, водосодержащие жидкости и технические воды циклов индустриального развития и роста [19].

Список источников

1. Богатуров А.Д., Дундик А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: отложенный нейтралитет и международные отношения в 2000-х годах [Central Asia: deferred neutrality and international relations in the 2000s]. Очерки текущей политики. Вып. 4, 2010. 15 с.
2. Бокалетти Д. Вода. Биография, рассказанная человечеством [A biography told by humanity]. Москва: Бомбора, 2021. 56 с.
3. Макнил В. Г. Гонка Запада: История человеческого сообщества [Race of the West: The History of the Human Community]. Чикаго: Университетское издательство Чикаго.1963. С. 563-565.
4. Глазьев С.Ю., Митяев Д.А., Ткачук С.П. Научный доклад о развитии ЕАЭС. О возможностях экономического развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе [Scientific report on the development of the EAEU. On the possibilities of economic development of the EAEU in the long term]. Москва: РАН, 2023.
5. Данилов-Данельян В.И. Водные ресурсы мира и перспективы водохозяйственного комплекса России [Water resources of the world and prospects for the water management complex of Russia]. Москва: Институт устойчивого развития, 2009. 32 с.
6. Зегерер А., Розенкранц Е. Великая гибель насекомых [The Great Death of Insects]. Москва: Дискурс. 2022. С. 59-63.
7. Канаев Е.А. Регионы в современном мире: глобализация и Азия [Regions in the modern world: globalization and Asia]. Зарубежное регионоведение. Москва: Алетея. ВШЭ, 2020. 18 с.
8. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного [Revenge of Geography. What geographical maps can tell us about future conflicts and the battle against the inevitable?]. КоЛибри, Москва, 2016. 98 с.
9. Каплан Р. Муссон: Индийский океан и будущее американской политики [Musson: The Indian Ocean and the future of American Policy]. Москва: КоЛибри, 2015. С. 30-32.
10. Кац Е. Глобальный Юг - тотальный фейк [Global South - a total fake] // Компания. 2023. Октябрь, № 940. С. 64-67.
11. Косью А.Н. Большая энергетика. Что почем и как с этим жить? [Great energy. How much and how to live with it?] Москва: Дискурс. 2022. С. 69-72.
12. Любавский М.К. История русской цивилизации, или как возникла империя [The history of Russian civilization, or how the empire arose]. Москва: Вече. 2021. С. 47-52.
13. Маматканов Д.М. Водные и гидроэнергетические ресурсы Кыргызстана в условиях изменения климата [Water and hydropower resources of Kyrgyzstan in the context of climate change]. Бишкек, 2022. 381 с.
14. Нолл Э. Краткая история Земли [A Brief History of Earth: Four Billion Years in Eight Chapters]. Москва: Портал, 2022.
15. Уоллес-Уэллс Д. Необитаемая Земля. Жизнь после глобального потепления [Uninhabited Earth. Life after global warming]. Москва: Индивидуум принт, 2020. С. 45-48.
16. Харланов А.С., Максимцев И.А., Новиков М.М., А.А. Бобобшко. Китай - стратегический партнер и ценный сосед [China is a strategic partner and valued neighbor]. Цивилизационный выбор и современные тренды кооперации. Москва: Рус-сайнс, 2022. С. 46-48.

17. Черкасенко А.И. Атомная энергетика России в мировой системе энергообеспечения [Nuclear energy in Russia in the global energy supply system]. Москва: Научная книга. 2009. С. 45-48.
18. Яковенко А.В. Геополитический перелом и Россия [Geopolitical turning point and Russia]. Москва: Дипломатическая Академия МИД России, 2023. С. 101-105.
19. Wilson J. Eco-fascism is undergoing a revival in the Fetid culture of the extreme right. The Guardian, 2019, 19-th March, New-York.
20. Libert B., Orolbaev E., Steklov Y. Water and Energy Crisis in Central Asia. China and Eurasia Forum Quarterly. 2008, 6 (3).

Информация об авторах

ДОСКОЖАЕВА Айзат Кылычбековна. PhD. Докторант Дипломатической академии им. К.Дикамбаева при Министерстве иностранных дел Кыргызской Республики, <https://orcid.org/0009-0009-4944-2532>. Адрес: Республика Кыргызстан, 720040, г. Бишкек, бульвар Эркиндик, 36, aizatdoskozhaeva@gmail.com

ХАРЛАНОВ Алексей Сергеевич. Кандидат технических наук. Доктор экономических наук. Профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России, <https://orcid.org/0000-0002-6427-8808>. Адрес: Российская Федерация, 119021, г. Москва, Остоженка, 53/2, стр. 1, kharlanov2009@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23 октября 2023. Одобрена после рецензирования: 1 ноября 2023. Принята к публикации: 15 ноября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bogaturov A.D., Dundich A.S., Troitsky E.F. Central Asia: deferred neutrality and international relations in the 2000s. Essays on current politics. 2010. Issue 4:15 [In Russian].
2. Bocaletti D. Water. A biography told by humanity. Moscow: Bombora, 2021:56 [In Russian].
3. McNeil V. G. Race of the West: The History of the Human Community. Chicago: University Press of Chicago. 1963:563-565 [In Russian].
4. Glazyev S.Yu., Mityaev D.A., Tkachuk S.P. Scientific report on the development of the EAEU. On the possibilities of economic development of the EAEU in the long term. Moscow: RAS, 2023 [In Russian].
5. Danilov-Danelyan V.I. Water resources of the world and prospects for the water management complex of Russia. Moscow: Institute of Sustainable Development, 2009:32.
6. Zegerer A., Rosenkranz E. The Great Death of Insects. Moscow: Discourse. 2022:59-63 [In Russian].
7. Kanaev E.A. Regions in the modern world: globalization and Asia. Foreign Regional Studies. Moscow: Alethea. HSE, 2020:18 [In Russian].
8. Kaplan R. Revenge of Geography. What geographical maps can tell us about future conflicts and the battle against the inevitable? Moscow: CoLibri 2016:98 [In Russian].

9. Kaplan R. Musson: The Indian Ocean and the Future of American Policy. Moscow: CoLibri, 2015:30-32 [In Russian].
10. Katz E. Global South – a total fake. Company. 2023. October, № 940:64-67 [In Russian].
11. Kosko A.N. Great energy. How much and how to live with it? Moscow: Discourse. 2022: 69-72 [In Russian].
12. Lyubavsky M.K. The history of Russian civilization, or how the empire arose. Moscow: Veche. 2021:47-52 [In Russian].
13. Mamatkanov D. M. Water and hydropower resources of Kyrgyzstan in the context of climate change. Bishkek, 2022:381 [In Russian].
14. Knoll A. H. A Brief History of Earth: Four Billion Years in Eight Chapters. Moscow: Portal, 2022 [In Russian].
15. Wallace-Wells D. Uninhabited Earth. Life after global warming [Uninhabited Earth. Life after global warming]. Moscow, Individual print. 2020:45-48 [In Russian].
16. Kharlanov A.S., Maksimtsev I.A., Novikov M.M., A.A. Bobobshko. China is a strategic partner and valued neighbor. Civilizational choice and modern trends in cooperation. Moscow: Rus-science, 2022:46-48 [In Russian].
17. Cherkasenko A.I. Nuclear energy in Russia in the global energy supply system. Moscow: Scientific book. 2009:45-48 [In Russian].
18. Yakovenko A.V. Geopolitical turning point and Russia. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2023:101-105 [In Russian].
19. Wilson J. Eco-fascism is undergoing a revival in the Fetid culture of the extreme right. The Guardian, 2019, 19-th March, New-York [In English].
20. Libert B., Orolbaev E., Steklov Y. Water and Energy Crisis in Central Asia. China and Eurasia Forum Quarterly. 2008, 6(3) [In English].

About the authors

Aizat K. DOSKOZHAEVA. PhD doctoral student at the K. Dikambaev Diplomatic Academy under the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic, <https://orcid.org/0009-0009-4944-2532>. Address: 36, Erkindik boulevard, Bishkek city, 720040, Republic of Kyrgyzstan, aizatdoskozhaeva@gmail.com

Alexey S. KHARLANOV. Cand.Sc. (Technical), Doct. Sc. (Economy), Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6427-8808>. Address: building 1, Ostozhenka 53/2, Moscow, 119021, Russian Federation, kharlanov2009@mail.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: October 23, 2023. Approved after review: November 1, 2023. Accepted for publication: November 15, 2023. Published: December 15, 2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global and regional studies

Научная статья

УДК 327.88

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Политические науки

Взаимосвязанность Центральной Азии и Каспийского региона: актуальные вопросы

Камола Сайфиддиновна Жураева^{1a}, Сайфиддин Ахматович Жураев^{2b}

¹ Независимый исследователь, Ташкент, Узбекистан

² Ташкентский государственный университет востоковедения, Ташкент, Узбекистан

^a <https://orcid.org/0009-0008-4632-6280>

^b juraev_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2773-1722>

Аннотация. В статье представлены основные предпосылки и факторы взаимосвязанности Каспийского и Центрально-Азиатского региона; исследовано «окно возможностей» для развития регионального сотрудничества как между государствами данного региона, так и с сопредельными странами. Обращено внимание на основные факторы, определяющие стратегическую важность региона и его значение на международной арене, наличие значительного объема запасов углеводородного сырья, расположение региона; взаимосвязанность стран Центральной Азии и прикаспийских государств в современных условиях. В результате выявлены значение и перспективы взаимосвязанности между Центральной Азией и Каспийским регионом. В регионах отражается практически весь спектр характерных для мировой системы вызовов и угроз глобализации, таких как: развитие в условиях многополярности и экономического противостояния Запада и Востока, нарастание цивилизационных противоречий, истощение природных ресурсов, вероятность экологических и техногенных угроз планетарного масштаба.

Ключевые слова: Каспийский регион, Центрально-Азиатский регион, взаимосвязанность, интересы региональных государств, региональное сотрудничество

Для цитирования: Жураева К.С., Жураев С.А. Взаимосвязанность Центральной Азии и Каспийского региона: актуальные вопросы // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Political Sciences

The interconnectedness of Central Asia and the Caspian region: current issues

Kamola S. Zhuraeva^{1a}, Sayfiddin A. Zhuraev^{2b}

¹ Independent researcher, Tashkent, Uzbekistan

² Tashkent State University of Oriental Studies, Tashkent, Uzbekistan

^a <https://orcid.org/0009-0008-4632-6280>

^b juraev_s@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-2773-1722>

Abstract: The article presents the main prerequisites and factors for the interconnectedness of the Caspian and Central Asian regions; the “window of opportunity” for the development of regional cooperation both between the states of the region and with neighboring countries was explored. The main factors determining the strategic importance of the region in the international arena, the importance of the large volume of hydrocarbon reserves, and the geographical location of the region are shown; interconnectedness of the countries of Central Asia and the Caspian states. As a result, the significance and prospects of interconnectedness between Central Asia and the Caspian region were revealed. In these regions, almost all the challenges and threats of globalization characteristic of the world system are manifested: multipolarity and economic confrontation between the West and the East; growing civilizational contradictions; depletion of natural resources; the likelihood of environmental and man-made threats on a planetary scale.

Keywords: Caspian region, Central Asian region, interconnectedness, interests of regional states, regional cooperation.

For citation: Zhuraeva K.S., Zhuraev S.A. The interconnectedness of Central Asia and the Caspian region: current issues. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2023; 4(10): XX-XX

Введение

На современном этапе в ключевых регионах мира сохраняются геополитические неопределенности, негативно влияющие на состояние региональной безопасности и сотрудничества. Данный вопрос актуален для Каспийского региона, с государствами которых Узбекистан активно взаимодействует – как в двустороннем, так и в многостороннем формате по всем актуальным вопросам повестки дня.

Особенно актуальным является принцип взаимосвязанности, через который государства региона Центральной Азии со странами прикаспийских государств налаживают взаимовыгодное сотрудничество по всем актуальным вопросам повестки дня.

Развитие и необходимость сотрудничества двух регионов также связано с благоприятным политическим климатом в Центральной Азии, где с 2016 г. региональная кооперация по всем актуальным вопросам «общей судьбы региона» вышла на новый уровень, в котором позиция и подходы Узбекистана играют важнейшую роль.

После избрания президентом Узбекистана Ш.Мирзиёев начал проводить новую региональную политику, направленную, во-первых, на углубление добрососедства и миролюбивой внешней политики; во-вторых, на формирование эффективной, благоприятной политики – дипломатических условий в двусторонних и многосторонних отношениях; в-третьих, на укрепление региональной безопасности и стабильности с учетом новых вызовов и угроз в мире и регионе; в-четвертых, подчеркнута направленность всех усилий государств Центральной Азии в разработке нового подхода в решении афганской проблемы. Глава Узбекистана Ш.Мирзиёев с первых дней на посту президента главной предпосылкой для этого считает предложенную Узбекистаном формулу конструктивного решения существующих в регионе проблем самими странами Центральной Азии на основе добрососедства, взаимного учета интересов и разумных компромиссов. Эта инициатива была принята всеми государствами региона и позволила добиться прорыва в урегулировании ряда вопросов, которые в прошлом были источниками межгосударственной напряженности. Обозначились перспективы консолидации стран Центральной Азии, формирования независимой геополитической субъективности региона и укрепления его уникальной культурно-цивилизационной идентичности.

Начиная с 2017 г. региональное сотрудничество по обеспечению безопасности в Центральной Азии стало системообразующим фактором стабильности и устойчивого развития всего региона. Главным лейтмотивом этого стала организация регулярных консультативных встреч глав государств Центральной Азии [1], инициированных президентом Узбекистана Ш.Мирзиёевым в качестве эффективной площадки для доверительного и конструктивного обсуждения и согласованного решения общих проблем стран региона. Этот механизм играет важную роль в решении ключевых проблемных вопросов в Центральной Азии на основе принципов добрососедства, взаимного доверия, равноправия, уважения и учета интересов друг друга¹.

Усложнение международной обстановки, нарастание угрозы международного терроризма, в том числе из Афганистана, также подталкивают страны региона к более тесному сотрудничеству. В этой связи внешнеполитические приоритеты Узбекистана предполагают развитие сотрудничества не только со странами Центральной Азии, но и с Афганистаном. Как подчеркнул Ш.Мирзиёев в интервью казахстанскому агентству «Казинформ», «интенсификация контактов с соседями подразумевает

1 Мирзиёев Ш. Выступление Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева на международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания». Самарканд, 2017.

и Афганистан, переход которого на мирные рельсы во многом зависит от экономического развития, в котором могут и должны принять участие страны региона Центральной Азии»².

Однако сегодня государства Центральной Азии не имеют прямого выхода к морским перевозкам, из-за чего приоритетным направлением регионального сотрудничества является транспортно-коммуникационная сфера. В этой связи актуальным является активное использование транспортных коридоров, проходящих через регион Центральной Азии. Как подчеркивал глава Узбекистана Ш.Мирзиёев, развитие Транскаспийского мультимодального маршрута станет большим вкладом в дальнейшее углубление торгово-экономического сотрудничества Европы с Азией, выход стран Центральной Азии на внешние рынки по наиболее удобным транспортным коридорам³.

Актуальным вопросом также является расширение сотрудничества с прикаспийскими государствами в следующих сферах: торгово-экономической, продовольственной, энергетической и др. Однако на сегодняшний день большинство проектов реализуется в двустороннем формате, отдельные меры осуществляются в рамках СНГ, ОТГ и ШОС. Отсутствует единый подход к реализации комплексных мер в рамках формата и механизма «Центральная Азия + Каспийский регион».

Это актуализирует изучение современной ситуации в Каспийском регионе с учетом интересов государств Центральной Азии. В рамках изучения проблемы литература была разделена на четыре основные группы.

Первую группу составляют труды узбекистанских ученых, которые посвящены изучению проблем региональной безопасности в Центральной Азии, подходов стран региона к противодействию современным вызовам и угрозам, а также сотрудничеству с международными организациями и зарубежными государствами в сфере безопасности. [37].

Вторая группа исследований посвящена научным трудам ученых и экспертов стран СНГ. Среди ученых и исследователей стран СНГ по вопросам региональной безопасности в Центральной Азии можно отметить следующих: А.Грозина, И.Круговых, В.Кондратьева и др.⁴

Третья группа исследований представляет труды западных исследователей. Многие исследовательские и аналитические материалы по проблемам Каспийского и Центрально-Азиатского регионов опубликованы в журнале «Caspian Affairs» («Каспийские события») [49].

2 Мирзиёев Ш. Участникам первой международной конференции «Взаимосвязанность Европейского союза и Центральной Азии: глобальные ворота для устойчивого развития», 2022. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5714>

3 Там же.

4 Грозин А. Встреча на Каспии: как Узбекистан становится мотором Центральной Азии, 2021. <https://uz.sputniknews.ru/20210809/vstrecha-na-kaspii-kak-uzbekistan-stanovitsya-motorom-tsentralnoy-azii-20014034.html>; И.Круговых. Эксперт: «Каспийская тематика» напрямую касается Узбекистана. 28.09.2019. <https://nuz.uz/v-mire/43575-ekspert-kaspiyskaya-tematika-napryamuyu-kasaetsya-uzbekistana.html>. В.Кондратьев. Узбекистан наращивает сотрудничество со странами Каспийского региона. 22.03.2022. <http://casp-geo.ru/uzbekistan-narashhivaet-sotrudnichestvo-so-stranami-kaspijskogo-regiona/>

Анализ научной разработанности темы позволяет сделать вывод о том, что на уровне проблематики происходящего в Каспийском и Центрально-Азиатском регионах наблюдается усиленное развитие многосторонних механизмов взаимодействия. В свою очередь, это требует усиления изучения этих процессов.

Целью исследования стало раскрытие особенностей и взаимосвязанности Центрально-Азиатского и Каспийского регионов в контексте развития современных международных отношений.

Материалы и методы

В основе методики исследования лежат методы системного и ситуационного анализа. Метод ситуационного анализа использовался в рамках реализации научного проекта Ташкентского государственного университета «Взаимосвязанность Центральной и Южной Азии», в котором его участники также провели контент-анализ СМИ государств Каспийского и Центрально-Азиатского регионов. Авторы также провели экспертный опрос (30 экспертов) среди специалистов, занимающихся проблемами взаимосвязанности в современных условиях. В качестве материалов для исследования авторы использовали материалы международных конференций, круглых столов, проведенных в Ташкентском государственном университете востоковедения и в других аналитических и исследовательских структурах государств Центрального и Каспийского регионов. Отдельно были проанализированы официальные документы государств Центральной Азии и Каспийского региона, касающиеся взаимосвязанности Центрально-Азиатского и Каспийского регионов за последние 30 лет.

Результаты исследования

Некоторые аспекты изучения Каспийского региона

На современном этапе ситуация в Каспийском регионе во многом определяется географическим положением стран региона, наличием углеводородных ресурсов, развитием транспортных коридоров, геополитическими и геоэкономическими факторами, общей региональной обстановкой и различиями национальных интересов государств региона [1].

На современном этапе Каспийский регион из-за его природных ресурсов и месторождений нефти и газа называют геополитическим центром притяжения интересов крупных государств мира [7]. Учитывая взаимосвязанность Центральной Азии и Каспийского региона, многие исследователи считают, что государства двух регионов будут привлекать внимание глобальных акторов и судьба мира будет решаться в этих регионах [30].

В теории международных отношений исследованию теоретико-методологических основ Каспийского региона уделяется приоритетное значение по нескольким актуальным факторам. Прежде всего это связано с географическим расположением государств Каспийского региона; во-вторых, с влиянием происходящих процессов в регионе на другие сопредельные регионы мира; в-третьих, с тенденциями развития самого региона.

Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран и Россия образуют Каспийский регион, однако данное определение является формальным и не до конца выработанным [8]. В этой связи на практике и в трудах исследователей используются разные определения в отношении Каспийского региона. Например, некоторые российские исследователи на основе индикатора географического расположения государств определяют Каспийский регион как государства, расположенные в географической близости по отношению к Каспийскому морю. По данному индикатору, Каспийский регион состоит из Азербайджана, России, Казахстана, Туркменистана и Ирана [27].

Некоторые ученые рассматривают понятие Каспийский регион через геополитические процессы [11]. Некоторые исследователи рассматривают Каспий как составной элемент Кавказа и Центральной Азии [19]. Отдельные ученые рассматривают Каспийский регион сквозь призму теоретического понятия международного региона. Эксперт по теории регионов М.Лагутина отмечает, что глобальные регионы являются новыми элементами глобальной регионализации, основными характеристиками которых являются наличие общего пространства, природы и транснациональных сетей [16].

Группа ученых считает, что трансграничный регион является международным регионом [14]. Он также рассматривается как форма организации трансграничного сотрудничества [38]. Непрерывность территории, наличие региональных трансграничных организационно-правовых структур является элементом региона [13], а также наличие системной инфраструктуры (в случае с Каспийским регионом – транспортной и промышленной), тесные политические и социокультурные связи между ними. В иерархичной классификации регионов Каспийский регион следует отнести к международному макрорегиону [32]. По мнению З.Бжезинского, к Каспийскому региону относятся Азербайджан, Армения, Афганистан, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан [2]. Ряд российских ученых в Каспийский регион, помимо пяти прикаспийских государств, включают Закавказье, Центральную Азию и Турцию [9]. В свою очередь, в научных исследованиях активно используется понятие «Большой Каспийский регион» [35].

В целом анализ литературы показывает, что основными проблемами для исследования Каспийского региона являются: во-первых, геополитические аспекты и их значимость; во-вторых, вопросы правового статуса, в-третьих, взаимоотношения государств региона и международные отношения с внешним миром; в-четвертых, подходы и интересы международных акторов. Таким образом, анализ научной разработанности темы позволяет сделать вывод о том, что проблематика взаимосвязанности Каспийского и Центрально-Азиатского регионов находится в активной фазе

разработки и представляет для исследователей значительный интерес. Это дает возможность говорить об актуализации изучения данного вопроса.

Выводы

Каспийские государства – Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Иран – образуют «каспийскую ось», которая дополняется «каспийской дугой», состоящей из примыкающих или взаимосвязанных с регионом стран: Армении, Афганистана, Беларуси, Грузии, Ирака, Кыргызстана, Пакистана, Таджикистана, Турции, Узбекистана, Украины. При этом Евросоюз, Китай и США, несмотря на их удаленность от Каспия, оказывают на него существенное влияние согласно их национальным интересам [11]. Данная теория во многом созвучна с концепцией рассмотрения Каспийского региона через систему концентрических кругов-поясов, в которой «ядро» образовано прибрежными государствами, к которым тяготеют близлежащие или связанные с ними в историческом, экономическом, геополитическом и прочих отношениях страны, а также глобальные центры силы.

С точки зрения концепции этнокультурного разделения стран мира С.Хантингтона, изложенной в его книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка», Каспийский регион находится на границе гипотетического межцивилизационного столкновения между православной (Россия), мусульманской (Азербайджан, Иран, Казахстан и Туркменистан) и буддистской (Республика Калмыкия в составе России) формациями.

Достигнутый на прошедшем 12 августа 2018 г. в Актау (Казахстан) саммите «каспийской пятерки» исторический прорыв по решению проблем Каспийского моря создает предпосылки для серьезного изменения ситуации в целом ряде сфер экономики и геополитики региона Центральной Азии и Южного Кавказа. Узбекистан также сможет извлечь многочисленные дивиденды. В первую очередь – из роста покупательной способности прикаспийских стран, который откроет новые ниши для экспорта узбекской продукции, а также из увеличения транзитных грузопотоков по линии Китай–ЦА–Каспий–Южный Кавказ. Откроются ниши и для инвестирования со стороны узбекских компаний в совместные проекты по добыче нефти и природного газа.

Список источников

1. Алиев Ш.М., Магомедова А.И. Кавказско-каспийский регион: новая евразийская реальность [Caucasus-Caspian region: new Eurasian reality] // Известия Дагестанского гос. пед. ун-та. Естественные и точные науки. 2017. Т. 11. № 2. С. 50–57.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы [The Great Chessboard. American dominance and its geostrategic imperatives]. Москва: Международные отношения, 1998. 256 с.
3. Войтоловский Г.К., Косолапов Н.А. Особенности геополитической ситуации в Каспийском регионе [Features of the geopolitical situation in the Caspian region] // Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье – Черноморье – Каспий / Ред. совет: Журкин В.В. и др. Москва: Интердиалект+, 1999. С. 307–322.

4. Волыничук А.Б. Трансграничный регион: теоретические основы исследования [Transborder region: theoretical foundations of research] // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2009. №4. С. 49–56.
5. Голубов Б.Н. Аномальный подъём уровня Каспийского моря и катастрофическое обмеление Аральского моря как результат дренирования Арала под плато Устюрт и в Каспий вследствие техногенных возмущений недр [Anomalous rise in the level of the Caspian Sea and catastrophic shallowing of the Aral Sea as a result of drainage of the Aral under the Ustyurt plateau and into the Caspian Sea due to man-made disturbances of the subsoil] // Пространство и Время: электронное научное издание: 2018. Т. 16. Вып. 1–2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=35648049>
6. Дергачев В.А. Геоэкономический словарь-справочник [Geo-economics dictionary-reference book]. Одесса: ИПРЭИ НАНУ, 2004. 177 с.
7. Дмитриев А. В., Карабущенко П. Л., Усманов Р. Х. Геополитика Каспийского региона (Взгляд из России) [Geopolitics of the Caspian region (View from Russia)]. Астрахань: Астраханский университет, 2004.
8. Жильцов С.С. Каспийский регион как геополитическая проблема современных международных отношений (90-е годы XX века) [The Caspian region as a geopolitical problem of modern international relations (90s of the XX century)]: дисс. ... доктора полит. наук: 23.00.04: Москва, 2004 335 с.
9. Зеленина Л.Ю. Каспийский регион в системе внешнеэкономических связей Российской Федерации [Caspian region in the system of foreign economic relations of the Russian Federation]: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.14. Москва, 2006. 175 с.
10. Карабущенко П. Л. Элиты и этноконфликты в геополитическом пространстве «Великого каспийского региона» [Elites and ethnic conflicts in the geopolitical space of the “Great Caspian Region”] // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 3 (20). С. 17–22.
11. Карабущенко П.Л. Геополитические особенности Каспийского региона и современное состояние мировых политических «элит» [Geopolitical features of the Caspian region and the current state of the world political “elites”] // Каспий – Евразия. 2016. [Электронный ресурс] URL: <http://caspien-eurasia.com/2016/11/07/geopoliticheskie-osobennosti-kaspiyskogoregiona>
12. Ковалев В.В., Парада С.Г. Геологические аспекты современных изменений уровня Каспийского моря [Geological aspects of modern changes in the level of the Caspian Sea] // Вестник Южного научного центра. 2013. Т. 9. № 2. С. 38–46.
13. Корнеевец В.С. Международные, транснациональные- и трансграничные регионы: признаки, особенности; иерархия [International, transnational and transborder regions: signs, features; hierarchy] // Вестник РГУ им. И. Канта. 2010. №1. С. 27–34.
14. Косов Г.В., Литвишко О.М. Каспийский регион в системе международных регионов [Caspian region in the system of international regions] // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 4. История. 2015. № 6 (36). С. 111–117.
15. Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере Евразийского союза) [Global region as an element of the world political system of the 21st century (using the example of the Eurasian Union)]: дисс. ... доктора политических наук: 23.00.04. Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2016.
16. Лагутина М.Л. Мир регионов в мировой политической системе XXI века [The world of regions in the global political system of the 21st century]. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петерб. Политех. ун-та, 2016. 300 с.
17. Лобанов В.А., Наурузбаева Ж.К. Влияние изменения климата на ледовый режим Северного Каспия [Impact of climate change on the ice regime of the Northern Caspian Sea]. Монография. Санкт-Петербург: РГМУ, 2021. 139 с.
18. Магомедов А.К. Каспий – Кавказ – Причерноморье: пути нефти, пути торговли, пути войны (история и современность) [Caspian – Caucasus – Black Sea region: oil routes, trade routes, war routes (history and modernity)]. Ульяновск: УлГТУ, 2018. 250 с.
19. Малышева Д.Б. Россия и Каспийский регион: проблемы безопасного развития [Russia and the Caspian region: problems of safe development]. Москва: ИМЭМО РАН, 2002. С. 18–27.
20. Маркелов К. А. Концепт «Большого Каспия» в контексте геополитического измерения [The concept of the “Greater Caspian Sea” in the context of the geopolitical dimension. Modern science and innovation] // Современная наука и инновации. 2020; 2:114-123. <https://doi.org/10.33236/2307-910X-2020-2-30-105-113>
21. Маркелов К.А. Большой Каспий в геополитическом измерении [The Greater Caspian Sea in the geopolitical dimension]. Монография. Москва: Экон-Информ, 2020. 198с.
22. Махмудов Р. Каспийский эффект [Caspian effect]. 2019.

23. Мехдиев Э.Т. Сон М.Г. Меры доверия и безопасности в каспийском регионе [Confidence and security measures in the Caspian region] // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 124–128
24. Миллер Н.Н. Каспийская региональная система политических отношений и перспективы политики России [Caspian regional system of political relations and prospects for Russian politics]: дисс. канд. полит. наук: 23.00.02. Пенза, 2004. 204 с.
25. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие [A critical decade]. Алматы: Атамұра, 2003. 240 с.
26. Нушра А. Прикаспийский регион: стратегическое значение пространства и нефти [Caspian region: strategic importance of space and oil] // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 2(14). С.50–56.
27. Роман В.С. Геополитические факторы в тенденциях экономического развития Каспийского региона [Geopolitical factors in the trends of economic development of the Caspian region] // Единый Каспий: межгосударственное сотрудничество и проблемы социально-экономического развития региона. Материалы междунауч. конференции. 10–11 июня 2002 г. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. университета, 2002. С. 129.
28. Свиточ А.А. Большой Каспий: строение и история развития [Greater Caspian: structure and history of development]. Москва: Изд-во МГУ, 2014. 272 с.
29. Свиточ А.А. Регрессивные эпохи Большого Каспия [Regressive epochs of the Greater Caspian] // Водные ресурсы. 2016. Т.43. № 2. С. 134–148.
30. Симонов К.В. Энергетическая сверхдержава [Energy superpower]. Москва: Эксмо-Пресс, 2006. 272 с.
31. Усманов Р.Х. Геополитические процессы Каспийского региона в контексте национальной безопасности [Geopolitical processes of the Caspian region in the context of national security] // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2015. № 3. С. 58–64.
32. Федоров Г.М., Корнеев В.С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход [Cross-border regions in the hierarchical system of regions: a systematic approach] // Балтийский регион, том. 2, 2009. С. 32–41. doi:10.5922/2074-9848-2009-2-3.
33. Фишман И.Л. Геодинамические модели Арало-Каспийского региона [Geodynamic models of the Aral-Caspian region]. Алматы, 2016. 156 с.
34. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [Clash of Civilizations]. Москва: АСТ, 2003. С. 392–393.
35. Хлыщева К. Каспийский регион как пространство культурной безопасности [The Caspian region as a space of cultural security] // Caspium Securitatis. 2021. № 2. С. 81–93
36. Сергунин А.А., Тихонов В. Г. «Восточное партнерство» и «Большой Каспийский регион»: проблемы и перспективы [“Eastern Partnership” and “Greater Caspian Region”: problems and prospects] // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 3. С. 30–38.
37. Юлдашева Г. Геополитические процессы в современной Центральной Азии: Иран и США [Geopolitical processes in modern Central Asia: Iran and the USA]. Ташкент: Латвийский институт международных отношений, 2018.
38. Яровой Г.О., Белокурова Е.В. Европейский союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС [European Union for the regions: what Russian regions can and need to know about the EU]. Санкт-Петербург: Норма, 2012.
39. Brownback S. U.S. Senator (r-ks) Remarks Prepared For Delivery At the Heritage Foundation On U.U. Foreign Policy in Central Asia, Washington Transcript Service, 1997.
40. Hoagland R. E. «The greater Caspian region: competition and cooperation». Caspian Magazine affairs, 2009:10-22.
41. Collins J. F. The U.S. and the Caucasus States: working together toward constructive cooperative development. 1996: US Department of State Dispatch. Sam Brownback U.S. Senator (r-ks). Remarks Prepared for Delivery at the Heritage Foundation on U.U. Foreign Policy in Central Asia; Washington Transcript Service 07-21-1997.
42. Krivonogov S.. Changes of the Aral Sea level. In: The Aral Sea: The Devastation and Partial Rehabilitation of a Great lake. Micklin P., Aladin N. & Plotnikov I. (Eds). 2014, Heidelberg:77– 111.
43. Morningstar R. Special Adviser to the President and Holds News Conference on Policy for the Caspian Region. Washington Transcript Service, 1998.
44. Sestanovich S. At Large Holds On-The-Record Briefing On U.S.-NIS Relations. Washington Transcript Service, 1998.
45. Shaffer B. U.S. Policy toward the Caspian Region: Recommendations for the Bush Administration. Harvard University, 2001:1-9.
46. Talbott S. A farewell to Flashman: American policy in the Caucasus and Central Asia. (Lt. Harry Flashman, character in a European colonial-era historical novel by George M. Fraser). US Department of State Dispatch, 1997.

47. Talbott S. Deputy Secretary of State Delivers Remarks on U.S. FOREIGN Policy in Central Asia at the Paul A. Nitze School for Advanced International Studies. Washington Transcript Service, 1997.
48. The Caspian Basin Oil and Its Impact on Eurasian Power Games. London, 1998. P. 8.
49. U.S. Foreign Policy in the Caspian Region, 2018: Caspian Policy Center.

Информация об авторах

ЖУРАЕВА Камола Сайфиддиновна. Независимый соискатель в Ташкентском государственном университете востоковедения. <https://orcid.org/0009-0008-4632-6280>. Адрес: Республика Узбекистан, Ташкент, ул. Шахрисабз, 25, kamosha_2008@mail.ru

ЖУРАЕВ Сайфиддин Ахматович. Доктор политических наук. Профессор Ташкентского государственного университета востоковедения. Директор Центра аналитических исследований. <https://orcid.org/0000-0002-2773-1722>. Адрес: Республика Узбекистан, Ташкент, ул. Шахрисабз, 25, juraev_s@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 октября 2023. Одобрена после рецензирования: 2 ноября 2023. Принята к публикации: 15 ноября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Aliev Sh.M., Magomedova A.I. Caucasus-Caspian region: new Eurasian reality. News of the Dagestan State Pedagogical University. Natural and exact sciences. 2017. 11(2):50–57 [In Russian].
2. Brzezinski Z. The Great Chessboard. American dominance and its geostrategic imperatives. Moscow: International Relations, 1998:256 [In Russian].
3. Voitovsky G.K., Kosolapov N.A. Features of the geopolitical situation in the Caspian region. Europe and Russia: problems of the southern direction. Mediterranean – Black Sea – Caspian / Ed. advice: Zhurkin V.V. and others. Moscow: Interdialect+, 1999:307–322 [In Russian].
4. Volynchuk A.B. Transborder region: theoretical foundations of research. Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East, 2009; 4:49–56 [In Russian].
5. Golubov B.N. Anomalous rise in the level of the Caspian Sea and catastrophic shallowing of the Aral Sea as a result of drainage of the Aral under the Ustyurt plateau and into the Caspian Sea due to man-made disturbances of the subsoil. Space and Time: electronic scientific publication: 2018;16 (1–2). [Electronic resource]. Available from: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=35648049> [In Russian]
6. Dergachev V.A. Geo-economics dictionary-reference book. Odessa: IPREEI NANU, 2004:177 [In Russian].
7. Dmitriev A.V., Karabuschenko P.L., Usmanov R.H. Geopolitics of the Caspian region (View from Russia). Astrakhan: Astrakhan University, 2004 [In Russian].
8. Zhiltsov S.S. The Caspian region as a geopolitical problem of modern international relations (90s of the XX century): Dissertation... DSc (Polit). Moscow, 2004:335 [In Russian].
9. Zelenina L.Yu. Caspian region in the system of foreign economic relations of the Russian Federation: Dissertation... CandSc (Econjmy). Moscow, 2006:175 [In Russian].
10. Karabuschenko P. L. Elites and ethnic conflicts in the geopolitical space of the “Great Caspian Region”. Caspian region: politics, economics, culture. 2009; 3 (20):17–22 [In Russian].

11. Karabuschenko P.L. Geopolitical features of the Caspian region and the current state of the world political "elites". Caspian Sea - Eurasia. 2016. [Electronic resource]. Available from: <http://caspian-eurasia.com/2016/11/07/geopoliticheskie-osobennosti-kaspiyskogoregiona> [In Russian]
12. Kovalev V.V., Parada S.G. Geological aspects of modern changes in the level of the Caspian Sea. Bulletin of the Southern Scientific Center. 2013; V. 9 (2):38–46 [In Russian].
13. Korneevets B.C. International, transnational and transborder regions: signs, features; hierarchy. Bulletin of the Russian State University named after I. Kant. 2010; 1:27–34 [In Russian].
14. Kosov G.V., Litvishko O.M. Caspian region in the system of international regions. Vestn. Volgogr. State university. Series 4. History. 2015; 6 (36):111–117 [In Russian].
15. Lagutina M.L. Global region as an element of the world political system of the 21st century (using the example of the Eurasian Union): Dissertation... DSc (Polit). St. Petersburg State University, 2016 [In Russian].
16. Lagutina M.L. The world of regions in the global political system of the 21st century. St. Petersburg: Publishing house St. Petersburg. Polytech. Univ., 2016:300 [In Russian].
17. Lobanov V.A., Naurozbaeva Zh.K. Impact of climate change on the ice regime of the Northern Caspian Sea. Monograph. St. Petersburg: RGGMU, 2021:139 [In Russian].
18. Magomedov A.K. Caspian – Caucasus – Black Sea region: oil routes, trade routes, war routes (history and modernity). Ulyanovsk: UlSTU, 2018:250 [In Russian].
19. Malysheva D.B. Russia and the Caspian region: problems of safe development. Moscow: IMEMO RAS, 2002:18–27 [In Russian].
20. Markelov K. A. The concept of the "Greater Caspian Sea" in the context of the geopolitical dimension. Modern science and innovation. 2020; (2):114–123 [In Russian]. <https://doi.org/10.33236/2307-910X-2020-2-30-105-113>
21. Markelov K.A. The Greater Caspian Sea in the geopolitical dimension. Monograph. Moscow: Ekon-Inform, 2020:198 [In Russian].
22. Makhmudov R. Caspian effect. 2019 [In Russian].
23. Mehdiyev E.T. Son M.G. Confidence and security measures in the Caspian region. Rule of law: theory and practice. 2014; 3 (37):124–128 [In Russian].
24. Miller N.N. Caspian regional system of political relations and prospects for Russian politics: dissertation... Ph.D. Polit. Sciences. Pyatigorsk, 2004:204 [In Russian].
25. Nazarbayev N.A. A critical decade. Almaty: Atamura, 2003:240 [In Russian].
26. Nushra A. Caspian region: strategic importance of space and oil. Central Asia and the Caucasus. 2001;2(14):50–56 [In Russian].
27. Roman B.C. Geopolitical factors in the trends of economic development of the Caspian region. United Caspian: interstate cooperation and problems of socio-economic development of the region. International scientific conferences materials. June 10–11, 2002 Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University Publishing House, 2002:129 [In Russian].
28. Svitoch A.A. Greater Caspian: structure and history of development. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2014:272 [In Russian].
29. Svitoch A.A. Regressive epochs of the Greater Caspian. Water resources. 2016;43 (2): 134–148 [In Russian].
30. Simonov K.V. Energy superpower. Moscow: Eksmo-Press, 2006:272 [In Russian].
31. Usmanov R.Kh. Geopolitical processes of the Caspian region in the context of national security. State and municipal management. Scientific notes of SKAGS. 2015; 3:58–64 [In Russian]
32. Fedorov G.M., Korneevets V.S. Cross-border regions in the hierarchical system of regions: a systematic approach // Baltic region; 2009, 2:32–41 [In Russian]. doi:10.5922/2074-9848-2009-2-3.
33. Fishman I.L. Geodynamic models of the Aral-Caspian region. Almaty, 2016:156 [In Russian].
34. Huntington S. Clash of Civilizations. Moscow: AST, 2003:392–393 [In Russian].
35. Khlysheva K. The Caspian region as a space of cultural security. Caspium Securitatis. 2021; 2: 81–93 [In Russian]
36. Sergunin A.A., Tikhonov V.G. "Eastern Partnership" and "Greater Caspian Region": problems and prospects. Caspian region: politics, economics, culture. 2009; 3:30–38 [In Russian].
37. Yuldasheva G. Geopolitical processes in modern Central Asia: Iran and the USA. Tashkent: Latvian Institute of International Relations, 2018 [In Russian].
38. Yarovoy G.O., Belokurova E.V. European Union for the regions: what Russian regions can and need to know about the EU. St. Petersburg: Norma, 2012 [In Russian].
39. Brownback S. U.S. Senator (r-ks) Remarks Prepared for Delivery at the Heritage Foundation on U.U. Foreign Policy in Central Asia. Washington Transcript Service, 1997 [In English].
40. Hoagland R. E. The greater Caspian region: competition and cooperation. Caspian Magazine affairs, 2009:10–22 [In English].

41. Collins J. F. The U.S. and the Caucasus States: working together toward constructive cooperative development. 1996: US Department of State Dispatch. Sam Brownback U.S. Senator (r-ks). Remarks Prepared for Delivery at the Heritage Foundation on U.U. Foreign Policy in Central Asia. Washington Transcript Service 07-21-1997 [In English].
42. Krivonogov S. Changes of the Aral Sea level. In: The Aral Sea: The Devastation and Partial Rehabilitation of a Great lake. Micklin P., Aladin N. & Plotnikov I. (Eds). 2014, Heidelberg:77–111 [In English].
43. Morningstar R. Special Adviser to the President and Holds News Conference on Policy for the Caspian Region. Washington Transcript Service, 1998 [In English].
44. Sestanovich S. At Large Holds On-The-Record Briefing On U.S.-NIS Relations. Washington Transcript Service, 1998 [In English].
45. Shaffer B. U.S. Policy toward the Caspian Region: Recommendations for the Bush Administration. Harvard University, 2001:1–9 [In English].
46. Talbott S. A farewell to Flashman: American policy in the Caucasus and Central Asia. (Lt. Harry Flashman, character in a European colonial-era historical novel by George M. Fraser). US Department of State Dispatch, 1997 [In English].
47. Talbott S. Deputy Secretary of State Delivers Remarks on U.S. FOREIGN Policy in Central Asia at the Paul A. Nitze School for Advanced International Studies. Washington Transcript Service, 1997 [In English].
48. The Caspian Basin Oil and Its Impact on Eurasian Power Games. London, 1998. P. 8 [In English].
49. U.S. Foreign Policy in the Caspian Region, 2018: Caspian Policy Center [In English].

About the authors

Kamola S. Zhuraeva. Independent applicant, Tashkent State University of Oriental Studies. <https://orcid.org/0009-0008-4632-6280>. Address: 25, Shakhrisabz str., Tashkent, Republic of Uzbekistan, kamosha_2008@mail.ru

Sayfiddin A. ZHURAEV. Doctor of Political Sciences. Professor, Tashkent State University of Oriental Studies. Director of the Analytical Research Center. <https://orcid.org/0000-0002-2773-1722>. Address: 25, Shakhrisabz str., Tashkent, Republic of Uzbekistan, juraev_s@mail.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: October 15, 2023. Approved after review: November 2, 2023. Accepted for publication: November 15, 2023. Published: December 15, 2023.

The authors has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global and regional studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Политические науки

Университеты как субъекты международных отношений: потенциал Кыргызстана

Валентина Вячеславовна Комлева^{1a}, Жанара
Таалайбек кызы^{2b}

¹Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций, Москва, Россия

²Дипломатическая академия МИД Кыргызской Республики им. Казы
Дикамбаева, Бишкек, Кыргызстан

^a komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>.ru

^b janarkhin@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-4393-4524>

Аннотация. На фоне обострения международной конкуренции и международных конфликтов глобальных игроков небольшие и небогатые страны вынуждены искать механизмы обеспечения своего суверенитета и стабильности, в том числе и путем наращивания научного и образовательного суверенитета. С этой целью актуализируется вопрос: при каких условиях университеты могут стать эффективными субъектами международных отношений и помогать своим государствам наращивать конкурентоспособность? Статус университетов как субъектов международных отношений определяется степенью их международной субъектности. Международная субъектность определяется как способность университетов самостоятельно, независимо от требований внешних зарубежных акторов, определять векторы и политику международного сотрудничества на основании норм, принципов, целей и ценностей национальных образовательных систем.

Авторы статьи описывают условия и индикаторы такой субъектности. Рассматриваются механизмы встраивания университетов в международные отношения, а именно: интернационализация академической среды, участие в международных ассоциациях; международное рейтингование. Выявляются положительные стороны, возможности,

риски и противоречия внедрения этих механизмов в национальные образовательные системы. На примере опыта российских университетов показывается, как в критических условиях вышеуказанные механизмы становятся инструментами политического давления. На основе широкого спектра статистики, анализа государственных решений и практики университетов Кыргызстана анализируется их потенциал как субъектов международных отношений. Аргументируется позиция, согласно которой в настоящее время и в ближайшей перспективе кыргызстанские университеты будут находиться на периферии мирового образовательного пространства, но имеют большой потенциал регионального лидерства. На развитии этого потенциала Кыргызстану целесообразно сосредоточиться в ближайшее время.

Ключевые слова: Кыргызстан, международное сотрудничество, субъект международных отношений, университет, образование, академическая мобильность, интернационализация

Для цитирования: Комлева В.В., Таалайбек кызы Ж. Университеты как субъекты международных отношений: потенциал Кыргызстана // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Political Sciences

Universities as subjects of international relations: the potential of Kyrgyzstan

Valentina V. Komleva^{1a}, Zhanara Taalaibek kyzy^{2b}

¹National Research Institute for the Communications Development, Moscow, Russia

²Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kazy Dikambayev Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

^a komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>.ru

^b janarkhin@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-4393-4524>

Abstract. Against the backdrop of intensifying international competition between global players and international conflicts, small and poor countries are forced to look for mechanisms to ensure sovereignty and stability, including through the development of scientific and educational sovereignty. Therefore, the question becomes relevant: under what conditions can universities become effective subjects of international relations and help their states increase competitiveness? The status of universities as subjects of international relations is determined by the degree of their international subjectivity. International subjectivity is defined as the ability of universities to independently, regardless of the requirements of external foreign actors, determine the vectors and policies of international cooperation based on the norms, principles, goals and values of national educational systems.

The authors of the article describe the conditions and indicators of such subjectivity. The mechanisms for integrating universities into international relations are considered:

internationalization of the academic environment, participation in international associations; international rating. The positive aspects, opportunities, risks and contradictions of introducing these mechanisms into national educational systems are identified. Using the experience of Russian universities as an example, it is shown how, under critical conditions, these mechanisms become instruments of political pressure. Based on statistics, analysis of government decisions and the practice of universities in Kyrgyzstan, their potential as subjects of international relations are analyzed. It has been proven that now and in the near future, Kyrgyz universities will be located on the periphery of the global educational space, but have great potential for regional leadership. Kyrgyzstan needs to focus on developing this potential in the near future.

Key words: Kyrgyzstan, international cooperation, subject of international relations, university, education, academic mobility, internationalization

For citation: Komleva V.V., Taalalibek kzy Zh. Universities as subjects of international relations: the potential of Kyrgyzstan. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 4(10): XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Введение

Современные международные реалии, характеризующиеся интенсивной динамикой роли и значения акторов международных отношений, создают условия для повышения международной субъектности университетов. Успешная интеграция вузов в международное образовательное пространство обеспечивает выход на зарубежные рынки образовательных услуг, в том числе посредством открытия филиалов российский вузов за рубежом, привлечения инвестиций в виде материальных и технических ресурсов, привлечения иностранных студентов и др. Ключевым фактором становится посредническая роль университетов в международных коммуникациях. Университеты становятся экспертными, диалоговыми площадками, аналитическими центрами, разрабатывают рекомендации для политических решений, оказывают существенное влияние на развитие международного сотрудничества в научной и образовательной сферах.

Статус университетов как участников международных отношений проявляется в степени их международной субъектности. Под «международной субъектностью» мы понимаем способность университетов самостоятельно, независимо от требований внешних зарубежных акторов, выстраивать векторы и политику международного сотрудничества на основании признания норм, принципов, целей и ценностей развития национальных образовательных систем. Международная субъектность университетов подтверждается тем, что они могут самостоятельно заключать соглашения с зарубежными партнерами, входить в различные международные ассоциации, самостоятельно организовывать проекты и программы международного научного, образовательного, культурного сотрудничества. Университеты имеют возможность участвовать в правоотношениях, регулируемых международными правовыми нормами.

Все государства Центральной Азии, в том числе и Кыргызстан, ориентированы на повышение международной субъектности своих университетов. Это выражается в национальных стратегиях развития стран и государственных концепциях развития

образования¹, направленных на повышение международной конкурентоспособности национальных образовательных систем. Определяющую роль в этих процессах играют университеты, поэтому они являются предметом особого внимания как национальных правительств, так и зарубежных стран. Национальные правительства хотят усилить международную субъектность своих университетов, вписаться в глобальное образовательное пространство, сохранив свои ценности и идентичность, а зарубежные страны, претендующие на роль глобальных лидеров, хотят влиять на эту субъектность. Существует ряд механизмов наращивания международной субъектности, призванных повышать роль и значение университетов на международном уровне. Однако эти механизмы имеют противоречивые последствия, которые в ряде случаев ведут не к повышению, а к снижению субъектности.

Данная статья содержит анализ некоторых из таких механизмов и оценку потенциала кыргызстанских университетов как субъектов международных отношений.

Материалы и методы

Университеты как субъекты международных отношений изучаются, как правило, в концепциях публичной дипломатии (считается, что это понятие впервые ввел в 1965 г. декан Флетчеровской Школы права и дипломатии при Университете Тафта Эдмунд Галлион) и в концепции «мягкой силы» (считается, что это понятие впервые сформулировано Дж.Наем). Оба концепта активно применяются учеными разных стран для анализа, интерпретации, прогнозирования и моделирования международных отношений. Университеты рассматриваются в них как инструменты реализации целей и задач публичной дипломатии и «мягкой силы». Опираясь на концепцию публичной дипломатии, некоторые российские исследователи считают, что

университеты находятся вне жестких идеологических ориентаций. Если, например, межпартийные международные структуры, международные НПО ограничены определенным идеологическим вектором, то университеты такого идеологического ограничителя не имеют [25].

Эта позиция, на наш взгляд, не достаточная, так как университеты встроены в государственные идеологические конструкты, они формируют не только определенный тип профессионала, но и определенный тип личности, заданный целями и ценностями общественно-политической системы. Государства заинтересованы фор-

¹ Концепция развития образования в Кыргызской Республике на 2021–2023 гг. URL: <https://edu.gov.kg/media/files/118d4b79-d6ea-4648-9c1c-56280444e7fd.pdf>.

Национальная стратегия развития Кыргызской республики на 2018–2040 годы. URL: <https://nisi.kg/uploads/strateg/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D0%9A%D0%A02018-2040.pdf>.

мировать тип личности, способный воспроизводить соответствующий культурный, социальный и политический порядок, а внешние влияния нередко провоцируют нарушения в этом процессе. Поэтому исследование университетов лишь в рамках публичной дипломатии и «мягкой силы» ограничивает понимание роли и значения университетов как субъектов международных отношений. События, развивающиеся вокруг России, наглядно показывают необходимость исследования международной роли университетов еще и с позиций теории политического реализма и теории интересов.

В процессе исследования авторами были проанализированы позиции кыргызских и российских ученых относительно включенности университетов Кыргызстана в международное образовательное пространство и их международной субъектности [2, 3, 4, 5, 7, 8, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 29].

Эмпирическую базу исследования составили: статистические и аналитические материалы, в частности, Национального статистического комитета Кыргызской Республики; государственные документы Кыргызстана, касающиеся стратегий и программ развития национальной системы образования, обзоры системы высшего образования, подготовленные Национальным офисом Эразмус+ в Кыргызстане², материалы мониторинга коммуникационных режимов стран, проведенного Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций [13].

Результаты исследования

Механизмы встраивания университетов в международные отношения

Наиболее распространенными механизмами встраивания университетов в международные отношения являются: внедрение концепции интернационализации в академическую среду, в научный и образовательный процесс; вовлечение в международные ассоциации; международное рейтингование.

Концепция интернационализации высшего образования предлагается западными странами – лидерами глобального рынка образования как концепция, практическая реализация которой позволяет избежать потерь в случае наступления неблагоприятных последствий: демографических проблем, снижения человеческого и интеллектуального потенциала, неспособности национальных образовательных и научных систем к самостоятельному продуцированию инноваций, периферийного положения в мировом научном и образовательном пространстве и др. Такие исследователи международного образования, как У.Бранденбург и Н.деВит отмечают, что основное направление развития высшего образования в мире изменило «вектор

от периферийного явления до ключевого интереса высших учебных заведений» [1]. Инструментами интернационализации являются стипендиальные программы для иностранных студентов, международные проекты сотрудничества, брендинг университетов как международных, международные образовательные программы, внутренняя интернационализация вузов, международные рейтинги, дистанционные форматы обучения, информационная дипломатия университетов и студенческих сообществ, культурная гомогенизация, франшизы, программы двойных дипломов и др. Согласно позиции ЮНЕСКО, интернационализация – одна из форм взаимодействия вызовов глобализации и современного высшего образования. Однако концепт интернационализации, имеющий, по сути, конечную цель создания глобального образования, создает не только шансы, но и риски национальным системам высшего образования. Ранее нами уже отмечались противоречия интернационализации и риски ее внедрения для национальных образовательных систем [9, 10, 11, 12]. Особенно явно эти противоречия проявляются тогда, когда сталкиваются интересы глобальных лидеров и претендентов на это лидерство, желающих определять стратегии и правила развития мирового пространства. В таких условиях университеты демонстрируют поведенческие модели, схожие с другими субъектами международных отношений (государств, институтов безопасности, международных организаций и др.).

Принимая стратегию интернационализации, большая часть национальных образовательных систем на первых этапах получает определенные выгоды. Как правило, они связаны с возможностью повысить квалификацию преподавательского состава, стандарты обучения, новые методики и образовательные технологии, повышается качество исследований, они интегрируются в международное научное и образовательное пространство. Но вместе с методологическими и технологическими новациями приходят новые цели и ценности обучения, происходит унификация подходов под интересы авторов интернационализации – глобальных игроков образования, среди которых лидируют американские и британские университеты.

Страны, имеющие небольшой опыт развития своих национальных образовательных систем, рассматривают интернационализацию как возможность повышения своей конкурентоспособности. Они встраивают в международные унифицированные стандарты свою идентичность, национальную политику формирования личности гражданина, свою культурную политику и свои ценности. По сути, они отдают на внешний «аутсорсинг» образование и воспитание своей молодежи.

Еще одним механизмом вывода университетов на международный уровень является их международное рейтингование. Для включения в рейтинг университеты должны соответствовать определенным стандартам. Соответственно, эти стандарты устанавливаются инициаторами и организаторами рейтингования, что позволяет им проникать, регулировать, а иногда и контролировать системы высшего образования других стран. Стремясь войти в рейтинги ведущих мировых университетов, национальные образовательные системы унифицируют под требования инициаторов рейтингования. Для отстающих систем образования на первом этапе это может стать

² Обзор системы высшего образования. Бишкек, 2023. 64 с. URL: https://erasmusplus.kg/wp-content/uploads/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80_%D0%92%D0%9F%D0%9E_2023_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81.pdf.

стимулом для развития повышения качества. Затем стремление соответствовать всем рейтинговым требованиям может затормозить развитие уникальных свойств национального образования и сделать его зависимым от внешних факторов. Кроме того, события последних лет показали политизированность ряда международных рейтингов вузов.

Третий механизм – международные ассоциации. Вхождение в эти ассоциации также имеет две стороны. С одной стороны, национальные университеты получают доступ к лучшим образовательным практикам, имеют возможность развития международных коммуникаций. С другой стороны, вхождение в международные ассоциации способствует глобальной унификации образовательных систем, росту их зависимости от требований ассоциаций и, кроме того, сопровождается финансовыми затратами, связанными с расходами на членские взносы и разного рода международные аккредитации университетов. Некоторая часть таких ассоциаций является, по сути своей, коммерческими структурами. Последние годы показывают большую эффективность ассоциаций регионального масштаба, чем глобального.

Опыт российского участия в международных ассоциациях университетов, международных рейтингах показал политическую ангажированность некоторых рейтингов и некоторых ассоциаций. Несмотря на то, что российские участники соответствовали требованиям и стандартам, были приняты в международные ассоциации и являлись их активными участниками, в 2022 г. они были исключены из них, так как после СВО не поддержали политическую позицию и политические интересы западных стран. Вместе со стандартами и академическими требованиями через международные ассоциации университеты встраиваются в ту политическую рамку, которая задана лидерами этих ассоциаций.

О рисках использования механизмов интернационализации, ассоциаций и рейтингования весьма точно пишут М.А.Эскиндаров и В.В.Перская. Позволим себе обширную цитату, так как считаем ее весьма содержательной:

Распространение практики оценки вузов международными рейтингами, составленными на основе унифицированных и западно-ориентированных наукометрических баз данных, способствовало появлению таких определений, как “университеты мирового уровня”... Это стало определять уровень финансового обеспечения организаций высшего образования и ускоренное распространение в их деятельности системы платных образовательных услуг. Одновременно процесс содействовал постепенной утрате национальными образовательными учреждениями своих национально-исторических, социальных и социокультурных специфик, которые являлись неотъемлемой частью познания идентичности социумов, что особенно остро проявилось не в англоязычных странах. С течением времени и развитием всепоглощающей глобализации в образовательном секторе стали доминировать унифицированные подходы межкультурного обучения, процессов социализации, привнесения в этносы разных стран мира европейских ценностей и базовых основ англосаксонской культуры [29].

Иными словами, интернационализация образования приводит к распространению американского и британского образования в качестве глобального стандарта. Европейские системы, конкурируя с американскими университетами, создают свои механизмы влияния, которые можно проанализировать, изучив информацию на сайте Ассоциации европейских университетов (EUA³). Из наиболее известных отметим программы Erasmus+, Horizon и др.

Опыт России показывает, что при определенных обстоятельствах механизмы международного научного и образовательного сотрудничества становятся инструментами давления. Например, Болонская группа приняла решение прекратить представительство России и Республики Беларусь во всех структурах Болонского процесса⁴. Компания Clarivate Analytics (владеющая базой научных публикаций) закрыла доступ к базе для российских пользователей, остановлено сотрудничество международных исследовательских организаций с российскими учеными, остановлено финансирование совместных проектов. Остановлено участие России в «мегасайенс»-проектах. Европейская организация ядерных исследований (European Organization for Nuclear Research, CERN / ЦЕРН) запретила сотрудничество с Россией и лишила страну статуса наблюдателя. В проектах ЦЕРН были задействованы около тысячи российских специалистов, российские ученые участвовали в полутора десятках экспериментов ЦЕРН⁵. Большой вклад внесли ученые Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», институты Российской академии наук, ведущие вузы (МГУ в лице Научно-исследовательского института ядерной физики им. Скобельцына, НИЯУ «МИФИ», Новосибирский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет). Несмотря на вклад российских ученых в разработку научной темы, зарубежные коллеги вынуждены исключать их из соавторов, опасаясь, что результаты научных исследований не будут опубликованы.

Европейская ассоциация университетов решила приостановить членство в Ассоциации ряда российских вузов, в числе которых крупнейшие российские университеты, способные составить международную конкуренцию европейским, британским, американским университетам как по качеству обучения, так и по темпам роста привлекательности для иностранных студентов. Британская рейтинговая компания Quacquarelli Symonds (QS) приостановила работу в России и Белоруссии и приняла решение отредактировать рейтинги, в которых были российские и белорусские университеты⁶. Напомним, что в топ-100 рейтинга QS 78-е место занимал МГУ им. М.В.Ломоносова.

³ Ассоциация европейских университетов. URL: <https://eua.eu/resources/news/966-have-your-say-on-erasmus-eua-is-consulting-higher-education-institutions.html>.

⁴ Минобрнауки сообщило об исключении российских вузов из Болонской системы. <https://www.rbc.ru/politics/06/06/2022/629dec299a7947a0e3d5426f?ysclid=lf9bhgvy9b859350767>.

⁵ Европейская организация ядерных исследований (ЦЕРН). <https://ria.ru/20190929/1559197190.html?ysclid=lf9br39hp3241307175>.

⁶ Рейтинговая компания QS останавливает сотрудничество с университетами РФ и Белоруссии. <https://www.kommersant.ru/doc/5249752?ysclid=lf9eu31rge640550262>.

Эти и другие примеры наглядно показывают искусственное втягивание неполитических субъектов в политические и геополитические процессы. Опыт России, прошедшей в научно-образовательном сотрудничестве с Западом путь от восторга к скепсису, будет полезным для осмысления в других странах, которые находятся в стадии реформирования своих национальных образовательных систем, в том числе и Кыргызстану, выбирающему векторы и «эталон» для своих университетов. Входя в европейские и американские консорциумы, университеты других стран могут превращаться из субъектов в объекты политик основателей этих консорциумов. И если в отношении российских университетов, обладающих колоссальным научным и образовательным потенциалом, собственной базой, историей управления и формирования стратегий подготовки кадров, эти меры зарубежных политических сил малоэффективны, то в странах с меньшим потенциалом они могут привести к полной зависимости системы образования и воспитания молодежи от внешних акторов. В новых условиях Россия пересматривает свои подходы к международному сотрудничеству и вносит корректировки в стратегии и векторы развития национальной системы высшего образования.

Потенциал кыргызстанских университетов как субъектов международных отношений

Среди наиболее значимых условий повышения международной субъектности университетов отметим следующие:

- материально-техническая база вузов, соответствующая современным требованиям (например, цифровизации, интерактивности, инновационности и др.)
- образовательные продукты, тиражируемые и востребованные за рубежом, технологии обучения;
- качество кадрового состава;
- вузовская среда, способная принимать и адаптировать иностранных студентов и коллег, а также способность продуцировать международные инициативы;
- качество выпускников, конкурентоспособных на международном рынке труда;
- качество и востребованность (внедрение) исследований международного уровня;
- проекты международного уровня, инициированные национальными университетами и имеющими преимущественно национальное финансирование.

Это наиболее значимые условия, при которых университеты становятся влиятельными субъектами международных отношений, продвигают национальные системы образования и образовательные продукты на международном уровне, обучают кадры для зарубежных стран, знакомят зарубежную общественность с культурой и особенностями своей страны и в итоге влияют на общественные, политические, экономические, культурные процессы.

Эти условия позволяют университетам стать субъектами международных отношений. Но степень их субъектности зависит от того, кто создает вышеуказанные условия и, в первую очередь, кто финансирует университеты и готовит кадровый состав университетов.

Количественными индикаторами университетов как субъектов международных отношений могут служить как минимум следующие:

- институциональная основа развития вузов;
- структура вузов и объемы финансирования;
- качество кадрового обеспечения;
- язык обучения;
- число иностранных студентов, обучающихся в стране.

Эти данные достаточно объективны, так как представлены статистическими службами стран. Рассмотрим с этих позиций Кыргызстан.

Институциональная основа развития вузов Кыргызстана

Институциональную основу составляют стратегии, концепции и нормативно-правовые документы страны. Закон Кыргызской Республики «Об образовании» является правовой и организационной основой в области образования. 4 мая 2021 г. постановлением Правительства Кыргызстана утверждены Программа развития образования в Кыргызской Республике на 2021–2040 гг., План действий на 2021–2023 гг. по реализации и сформированы задачи и меры реализации стратегии в сфере высшего образования. В рамках программы разработан нормативно-правовой акт по реализации программ PhD. Одна из главных целей Программы – войти в топ-200 университетов мира к 2040 г. Однако детальные инструменты и способы достижения поставленных целей в Программе не предложены.

Для улучшения качества образования и проверки соответствия государственному стандарту проводятся государственные и частные аккредитации. Приказом Министерства образования и науки Кыргызской Республики «Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования» Кыргызской Республики № 1578/1 от 21 сентября 2021 г. утверждены государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования, подтверждаемого присвоением выпускнику квалификации «бакалавр», «магистр», «специалист».

В рамках стратегии цифровой трансформации страны принята Концепция по развитию образовательной системы Кыргызстана с элементами МИГ (медийно-информационная грамотность). В мире технологических инноваций Кыргызстану важно повысить медийно-информационную и цифровую грамотность населения, и прежде всего молодежи, а для этого требуется улучшение образовательных стандартов. В целях реализации Концепции цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023», одобренной решением Совета безопасности Кыргызской Республики от 14 декабря 2018 г. № 2, распоряжением Правительства Кыргызской

Республики от 15 февраля 2019 г. № 20-р, утверждена «Дорожная карта» по реализации Концепции цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023». В пункте 79 данного документа перед Министерством образования и науки Кыргызской Республики поставлена задача – «совершенствование учебных образовательных стандартов в системе школьного и высшего образования Кыргызской Республики»⁷. Вместе с тем в ходе анализа документов и практики их реализации было выявлено, что для комплексного улучшения высшего образования недостаточно программ и инструментов, разработанных именно для университетов. Значительно лучше они разработаны для школьного и дошкольного образования.

На данный момент Кыргызстан отстает в стратегическом, программном и проектном развитии высшего образования. Например, не выработаны эффективные программы для достижения целей по реализации поставленных целей и задач. Если в России есть такие государственные программы, как «Приоритет 2030»⁸ по поддержке университетов, «Экспорт образования Российской Федерации», то в Кыргызстане такие программы пока не разработаны. Есть ряд институциональных причин недостаточной развитости системы образования страны: коррупция в образовательной системе; управленческая нестабильность (частая смена министров образования); неэффективные образовательные стандарты; экономические причины (недостаточное финансирование в развитии образования); отсутствие финансовых инструментов развития в университетах; устаревшие методы преподавания и нередко встречающийся плагиат как научных исследований, так и образовательных продуктов; медленная скорость внедрения новых технологий и отставание в тенденциях. Тем не менее принят ряд мер, направленных на повышение качества образования. В 2022 г. была учреждена международная стипендия Президента Кыргызской Республики «Эл умуту», которая позволит гражданам Кыргызстана обучаться в зарубежных вузах топ-100 мировых рейтингов. Первые стипендиаты поступили в магистратуру в Колумбийский и Стэнфордский университеты, Университет Джона Хопкинса, а также в вузы Лондона, Копенгагена, Пенсильвании, Техаса. Университеты Кыргызстана продолжают развивать программы академической мобильности с Европейским союзом (программа «Эразмус+» и двусторонние межвузовские программы), Японией (Японское агентство международного сотрудничества – JICA), Германией (Германское общество по международному сотрудничеству – GIZ и Германская служба академических обменов – DAAD), Китаем (программы Института Конфуция). Реализуются совместные образовательные программы в рамках межправительственных и межведомственных соглашений с университетами России, Казахстана и др. Международное сотрудничество реализуется в сетевых форматах с университетами стран СНГ и ШОС. С учетом роста влияния стран БРИКС целесообразно рассмотреть углубление образовательного

7 Методическое руководство по внедрению цифрового образования в образовательную систему Кыргызской Республики / Под общей редакцией Министерства образования и науки КР, Кыргызской академии образования, ОФ «Центр поддержки СМИ». Бишкек, 2020.

8 Приоритет 2030. URL: <https://priority2030.ru/>.

научного сотрудничества Кыргызстана именно в этом объединении. Перспективность образовательных систем стран БРИКС не раз отмечали как российские, так и западные исследователи [6, 15].

Объемы финансирования и структура вузов

С 2001 г. отмечается ежегодный рост финансирования высшего образования⁹. В 2022 г. государственное финансирование составило 9 635,3 млн сом. Для сравнения: в 2019 г. – 5 695,8 млн сом, в 2020 г. – 5 745,1 млн сом, в 2021 г. – 7 354,7 млн сом.

Одновременно растет и число вузов. В сопоставлении числа вузов, числа обучающихся студентов и объемов финансирования становится ясным, что существенного улучшения материально-хозяйственного обеспечения государственных вузов не происходит.

Если в 1991 г. было 6 вузов, в 2001 г. – 48 вузов, то в 2022 г. в Кыргызстане действует 61 вуз (227 582 студента)¹⁰, из них 33 вуза являются частными. В них обучается 14% от общего числа студентов в Кыргызстане. Анализ распределения студентов на бюджетной основе показывает, что обучение в Кыргызстане практически платное – 89% (201 858 человек) от общего числа студентов обучаются на платной основе. Особо подчеркнем эти данные, так как в информационном поле чаще передается информация о числе обучающихся в государственных вузах, а не о системе оплаты этого обучения. Как пример приведем информацию с сайта государственного органа, что «большинство студентов из ближнего зарубежья учатся в государственных вузах, а студенты дальнего зарубежья – в негосударственных»¹¹.

Распределение частных вузов неравномерное: 10 находятся в Бишкеке, 5 – в Чуйской области, 3 – в Джалал-Абадской области. 34 государственных вуза из 43 находятся в Бишкеке, 4 – в Оше и по 1 вузу во всех других областях Кыргызстана. В Чуйской области государственных университетов нет. Такой дисбаланс объясняется сосредоточением наиболее квалифицированных преподавательских кадров именно в Бишкеке¹².

С целью повышения качества образования в 2022 г. был принят Указ Президента Кыргызской Республики «О мерах по повышению потенциала и конкурентоспособности образовательных организаций высшего профессионального образования Кыргызской Республики»¹³ и принято постановление Кабинета министров «О

9 Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.stat.kg%2Fru%2Fstatistics%2Fdownload%2Fdynamic%2F1279%2F8wdOrigin=BROWSELINK>.

10 Число образовательных организаций по видам. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.stat.kg%2Fru%2Fstatistics%2Fdownload%2Fdynamic%2F703%2F8wdOrigin=BROWSELINK>.

11 В Кыргызстане 84% студентов учатся в государственных вузах. URL: <https://edu.gov.kg/organizations/5/posts/411/>.

12 Образование и наука в Кыргызской Республике, 2018–2022: Стат. сбор. Бишкек, 2023. С. 126.

13 Указ Президента КР № 243 от 18 июля 2022 г. «О мерах по повышению потенциала и конкурентоспособности образовательных организаций высшего профессионального образова-

некоторых вопросах реорганизации высших учебных заведений Кыргызской Республики»¹⁴. Согласно этому постановлению, Кыргызский государственный университет строительства, транспорта и архитектуры им. Н.Исанова (КГУСТА) и Кыргызский государственный университет геологии, горного дела и освоения природных ресурсов им. У.Асаналиева (КГГУ) были реорганизованы путем вхождения в состав Кыргызского государственного технического университета им. И.Раззакова (КГТУ). Также, согласно Указу Президента Кыргызской Республики, Кыргызский экономический университет им. М.Рыскулбекова получил статус научно-исследовательского университета. К нему присоединилась путем реорганизации Академия бизнеса и социального развития и Бишкекский финансово-экономический техникум им. А.Токтоналиева. Постановлением Кабинета министров Кыргызской Республики от 21 ноября 2022 г. № 654 «О внесении изменений в некоторые решения Правительства Кыргызской Республики по приданию особого статуса государственным высшим учебным заведениям» и другими документами ряду вузов Кыргызстана предоставлен особый статус (организационная, финансовая и академическая автономия). Такой статус имеют Кыргызский национальный университет им. Ж.Бала-сагына, Кыргызский государственный технический университет им. И.Раззакова, Кыргызский национальный аграрный университет им. К.И.Скрябина, Кыргызская государственная медицинская академия им. И.К.Ахунбаева, Ошский государственный университет. Планируется, что эти вузы создадут университетскую экосистему нового формата с исследовательскими и творческими проектами, будут развиваться по модели вуз 4.0 и должны будут войти в топ-500 QS Asia.

Таким образом, институциональная база системы высшего образования Кыргызстана развивается в сторону интернационализации системы образования Кыргызстана, участия в международных рейтингах и консорциумах.

Кадровое обеспечение кыргызстанских университетов

В государственных образовательных организациях высшего профессионального образования на одного преподавателя приходится 19 студентов, а в частных – 17 студентов. В 2022 г. из общей численности профессорско-преподавательского состава (12 039 человек) ученую степень кандидата наук имели только 28% преподавателей, доктора наук – 7%, ученое звание доцента – 18% и профессора – 5%¹⁵. В ближайшей перспективе существенного роста научного потенциала вузов Кыргызстана не ожидается. Численность аспирантов за пять лет уменьшилась на 10% и в 2022 г. составила 2,2 тыс. человек. Из 614 аспирантов, выпущенных в 2022 г., лишь 16 человек (2,6%) защитили диссертации.

ния Кыргызской Республики». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35978545.

¹⁴ Постановление Кабинета министров Кыргызской Республики № 414 от 29 июля 2022 г. «О некоторых вопросах реорганизации высших учебных заведений Кыргызской Республики». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30306285.

¹⁵ Образование и наука в Кыргызской Республике, 2018–2022: Стат. сбор. Бишкек, 2023. С. 123.

За последние пять лет численность докторантов увеличилась в 1,6 раза и в 2022 г. составила 236 человек. Из 12 докторантов, выпущенных в 2022 г., защитили диссертации 3 человека. В целом включенность университетов в научные исследования невысока. Из 69 организаций, выполняющих научные исследования и разработки, 23 находятся в секторе высшего образования (21 – в предпринимательском секторе, 25 – в государственном секторе). Численность научно-педагогических работников, выполнявших научные исследования и разработки наряду с педагогической деятельностью – 1 924 человека. В общем объеме научных исследований и разработок, выполненных в 2022 г., наибольшая доля (около 69%) пришлось не на университетский, а на государственный сектор деятельности. Расходы государственного бюджета на научные исследования и опытно-конструкторские разработки в 2022 г. составили 790,8 сом – это 0,1% ВВП и 0,3% к общим расходам государственного бюджета¹⁶.

Таким образом, кадровый состав кыргызстанских университетов нуждается в повышении квалификации. Требуется целевая государственная программа повышения квалификации или переподготовки преподавателей и научных кадров. Государственное финансирование этой программы позволит избежать зависимости от иностранных инвесторов, продвигающих в рамках своих программ цели и ценности, не всегда совпадающие с целями государственных стратегий. Основной диссонанс возникает в области ценностей социализации и воспитания кыргызской молодежи в зарубежных вузах. В частности, речь идет о достижении таких целей Концепции развития образования в Кыргызстане, как: «Первое, сохранение и дальнейшее развитие в условиях глобализации национальной идентичности, национальных ценностей, культурной самобытности разнообразия. Второе, интеграция в мировую образовательную систему с учётом сопряжения закономерностей глобализации и национальной самобытности. В данном процессе должны превалировать вопросы воспитания подрастающего поколения на основе национальных ценностей, определения того уровня знаний, которых должны достичь учащиеся в разных концентраторах образования»¹⁷.

Язык обучения

Высокий потенциал сохраняется для формирования общего образовательного пространства с Россией. Этому способствует подготовка выпускников школ с русским языком и число совместных образовательных проектов России и Кыргызстана (таблица 1).

¹⁶ Там же. С. 142.

¹⁷ Концепция развития образования в Кыргызской Республике на 2021–2023 гг. URL: <https://edu.gov.kg/media/files/118d4b79-d6ea-4648-9c1c-56280444e7fd.pdf>.

Таблица 1. Распределение дневных общеобразовательных организаций по языкам обучения (количество в ед.)**Table 1.** Distribution of full-time general education organizations by language of instruction (number in units)

Наименование показателей	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Общеобразовательные организации с одним языком обучения	1718	1714	1698	1692	1685	1689	1663	1672	1653	1677	1666
В том числе:											
кыргызским	1437	1443	1434	1439	1423	1427	1395	1389	1376	1399	1369
русским	202	203	203	198	216	226	234	251	248	247	264 ¹⁸
узбекским	76	65	58	52	43	33	31	29	26	28	25
таджикским	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
английским											5
Общеобразовательные организации с двумя и более языками обучения	483	493	507	526	551	573	602	611	643	656	684
В том числе:											
кыргызско-русским	348	346	360	369	397	409	445	453	484	499	520 ¹⁹
кыргызско-узбекским	56	60	54	54	49	52	49	45	48	49	43
кыргызско-таджикским	1	2	2	3	2	2	2	2	2	3	2
русско-английским											4
узбекско-русским	45	46	49	52	48	54	52	50	56	49	51
узбекско-таджикским	-	-	-	1	1	1	-	1	-	-	-
русско-таджикским	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
кыргызско-узбекско-русским	29	35	38	43	50	51	50	56	50	53	59
русско-узбекско-таджикским	4	4	4	3	3	3	3	2	2	2	2
кыргызско-русско-английским											2
кыргызско-русско-узбекско-таджикским	-	-	-	1	1	1	1	1	1	1	1

Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики²⁰Source: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic²¹

Анализ численности студентов образовательных организаций высшего профессионального образования по языкам обучения (на начало 2022/2023 учебного

18 В 2022 г. в этих школах обучалось 175 471 человек.

19 В 2022 г. в этих школах обучалось 565 655 человек.

20 Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.stat.kg%2Fru%2Fstatistics%2Fdownload%2Fdynamic%2F1221%2F8wdOrigin=BROWSELINK>.21 Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.stat.kg%2Fru%2Fstatistics%2Fdownload%2Fdynamic%2F1221%2F8wdOrigin=BROWSELINK>.

года) показывает, что число студентов, обучающихся на русском, достаточно велико (118 864 студента обучаются на русском, 79 385 студентов – на кыргызском, 26 430 – на английском, 2 846 – на турецком). Однако данные, приведенные в процентном отношении к общему числу студентов, показывают снижение доли студентов, обучающихся на русском языке (таблица 2).

Таблица 2. Доля студентов, обучающихся на разных языках (в % от общего числа студентов)**Table 2.** Percentage of students studying in different languages (in % of the total number of students)

	2018/2019	2019/2020	2020/2021	2021/2022	2022/2023
На кыргызском	24,7	27,6	31,8	31,7	34,9
На русском	65,7	60,8	57,1	56,1	52,2
На английском	7,8	9,4	9,6	10,9	11,6
На турецком	1,4	1,6	1,4	1,3	1,3

Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики²²Source: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic²³

Анализ практики реализации образовательных программ показывает, что большая часть иностранных студентов (не стран СНГ) обучается на английском языке в международных университетах, работающих по зарубежным стандартам.

Число иностранных студентов, обучающихся в стране

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о росте численности иностранных студентов в Кыргызстане (таблицы 3, 4).

Наибольшее число иностранных студентов приезжает в Кыргызстан из Индии и Пакистана. Но больше всего студентов учатся из стран СНГ (таблица 4).

Динамика численности иностранных студентов за 10 лет показывает стабильное число или рост числа студентов из стран Азии (преимущественно не богатых стран) и уменьшение доли студентов из других регионов. Статистические данные показывают, что с 2029 г. растет доля студентов из Пакистана и снижается доля студентов из Индии²⁴.

Динамика численности и географии иностранных студентов Кыргызстана позволяет предположить тенденцию к регионализации системы высшего образования Кыргызстана, усиление встроенности вузов страны в систему региональных связей.

22 Образование и наука в Кыргызской Республике, 2018–2022: Стат. сбор. Бишкек, 2023. С. 119.

23 Там же.

24 Образование и наука в Кыргызской Республике, 2018–2022: Стат. сбор. Бишкек, 2023. С. 120.

Таблица 3. Численность студентов из стран вне СНГ (на начало учебного года, человек)**Table 3.** Number of students from non-CIS countries (at the beginning of the academic year, people)

Наименование показателя	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	3 286	3 467	4 257	5 627	6 520	8 881	10 862	15 547	19 529	23 598	25 321
В том числе:											
Афганистан	54	66	107	123	148	169	161	141	49	274	347
Китай	385	255	267	187	269	273	220	204	99	216	399
Индия	1 137	1 709	2 377	3 917	4 745	6 828	8 662	10 749	12 272	14 377	15 306
Иран	25	2	7	7	2	1	3	9	7	3	10
Монголия	2	1	8	8	6	9	13	19	26	26	20
Непал	21	45	23	17	15	24	11	7	3	1	4
Сирия	43	7	15	16	14	16	20	24	21	10	23
Пакистан	778	628	559	413	390	579	830	3 533	6 003	7 498	8 407
Турция	772	679	696	695	655	624	510	532	509	499	467
Грузия	3	1	2	1	-	-	1	2	1	1	-
Другие страны	66	74	196	243	276	358	431	327	539	693	338

Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики²⁵Source: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic²⁶

Выводы

Укрепление статуса университетов как субъектов международных отношений предполагает усиление их роли в международных отношениях, то есть в реализации внешнеполитических, внешнеэкономических и гуманитарных стратегий стран. Анализ опыта внедрения механизмов повышения международной субъектности университетов показывает противоречивость и амбивалентное влияние этих механизмов на национальные образовательные системы. Следует помнить, что университеты встроены в государственные идеологические конструкты, они формируют не только определенный тип профессионала, но и определенный тип личности, заданный целями и ценностями общественно-политической системы. Поэтому критически важно, кто и как влияет на национальные системы образования, в каких идеологических, социокультурных системах проходит профессиональная подготовка и социализация молодежи.

²⁵ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.stat.kg%2Fru%2Fstatistics%2Fdownload%2Fdynamic%2F1226%2F8wdOrigin=BROWSELINK>.

²⁶ Там же.

Таблица 4. Численность студентов из стран СНГ (на начало учебного года, человек)**Table 4.** Number of students from CIS countries (at the beginning of the academic year, people)

Наименование показателя	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	7 977	8 195	8 466	8 908	8 194	7 653	8 764	21 049	43 889	57 103	46 353
В том числе:											
Азербайджан	41	132	57	56	153	33	132	21	11	21	15
Армения	1	-	-	-	-	-	2	-	-	1	-
Белоруссия	8	-	-	-	-	-	-	-	42	1	4
Казахстан	4 357	4 338	4 828	5 184	4 655	3 294	2 479	2 083	2 178	1 985	3 179
Молдавия	152	3	23	3	-	-	-	-	-	-	-
Россия	927	1 225	1 377	1 186	910	1 535	1 622	1 844	2 005	1 672	1 916
Таджикистан	885	1 130	1 423	1 840	1 864	1 856	2 365	2 439	1 932	1 595	876
Туркменистан	369	240	129	111	60	51	100	121	146	219	64
Украина	18	33	9	9	12	2	1	3	4	4	17
Узбекистан	1 219	1 094	620	519	540	882	2 063	14 538	37 571	51 605	40 282

Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики²⁷Source: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic²⁸

Несомненные выгоды от международного сотрудничества заключаются в обмене знаниями и технологиями, развитии сравнительных моделей и подходов, развитии взаимопонимания как следствия межкультурного общения, в улучшении знания иностранных языков и возможности получать информацию из иноязычных баз данных и каналов коммуникации, в знакомстве с культурой и особенностями других стран, возможности распространять свои идеи в других странах и других преимуществах, которые дает усиление международного сотрудничества.

Вместе с тем следует крайне внимательно относиться к тем требованиям, которые выдвигают национальным системам образования зарубежные партнеры, предлагая форматы сотрудничества. Вместе с преимуществами, полученными от интернационализации, национальные образовательные системы вынуждены унифицировать свои подходы, цели и ценности образования. Не следует игнорировать и последствия распределения финансирования университетов в зависимости от успехов интернационализации и соответствия международным стандартам. Логично, что часть университетов не может достигнуть этих показателей и при условии уменьшения финансирования только укрепит свое периферийное положение. В ито-

²⁷ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.stat.kg%2Fru%2Fstatistics%2Fdownload%2Fdynamic%2F1222%2F8wdOrigin=BROWSELINK>.

²⁸ Там же.

ге это снизит качество обучения и, как следствие, доступность качественного образования для людей с низкими доходами, не имеющими возможности жить и учиться в других городах, где находятся рейтинговые вузы.

Специфика современных кыргызстанских университетов в том, что, переводя обучение и общение на национальный язык, университеты сужают круг зарубежных партнеров и интересантов. Поэтому усиление международной субъектности кыргызстанских университетов тесно связано с развитием программ не только на кыргызском, но и на языках международного общения (русском, английском и др.).

С учетом преимущественного языка обучения, структуры иностранных студентов в национальных государственных вузах (не международных, частных университетов, а именно национальных государственных вузов), кыргызстанские университеты способны сохранить международную субъектность и стать полноценными субъектами международных отношений при сохранении образовательного сотрудничества в СНГ и русского языка как языка образовательной и научной деятельности. Студенты из стран СНГ (их большинство) предпочитают обучение на русском языке, а государства-участники СНГ продолжают развивать сотрудничество в сфере образования. Кыргызстан в этой системе координат имеет значительные преимущества и перспективы, в отличие от своего периферийного положения в глобальном образовательном пространстве. В частности, Кыргызстан на сегодняшний день сотрудничает с десятками университетов из стран региона Центральной Азии и более чем со ста университетами России. Отказ от этого направления приведет к потере международной субъектности и зависимости системы высшего образования Кыргызстана от внешних интересантов.

В ближайшей перспективе университеты Кыргызстана не смогут стать самостоятельными глобальными игроками, принимая во внимание недостаточность обеспечения высокопрофессиональными кадрами, отсутствие большой востребованности образовательных продуктов и научных разработок кыргызстанских вузов, мизерную долю студентов из других регионов мира (Европы, Америки, Латинской Америки, Африки и др.). Учитывая, что иностранные студенты из Индии, Пакистана, Афганистана и др. обучаются преимущественно в международных, частных университетах на английском языке, отметим целесообразность внедрения программ обучения на английском языке в государственных вузах. Иначе иностранные инвестиции будут уходить в частный сектор и мало способствовать развитию именно национальной, государственной системы высшего образования.

На фоне международных событий последних лет, начиная с пандемии, наметились тенденции регионализации образовательного сотрудничества и укрепления приграничных форматов взаимодействия, основанных на экономических и культурных связях. Для повышения статуса кыргызстанских университетов как субъектов международных отношений целесообразно сосредоточиться на региональном лидерстве. Разработать национальные образовательные продукты в областях с наибольшей долей защитившихся аспирантов и докторантов, расширить образовательные программы на русском для студентов из стран с русским языком, начать формирование образовательных программ на английском языке для англоязычных стран

региона. Целесообразно проявить инициативу и разработать образовательные программы повышения квалификации и подготовки кадров для работы в проектах СНГ, ШОС и БРИКС.

Список источников

1. Абакирова Г. Б. Реформирование высшего образования Кыргызстана и международная интеграция [Reforms of higher education in Kyrgyzstan and international integration] // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 4. С. 495-500. DOI 10.34755/IROK.2021.51.41.100. EDN VLURSR.
2. Алымбеков К. А. Проблемы высшего образования для системы обеспечения качества в Кыргызстане [Problems of higher education for the quality assurance system in Kyrgyzstan] // Современные проблемы науки и образования : материалы между. научных конференций, проведенных Академией Естествознания (продолжающееся издание), Франция (Париж)-Амстердам (Нидерланды)-Израиль (Тель-Авив)-Россия (Москва)-ОАЭ (Дубай)-Италия (Рим-Флоренция-Неаполь)-Чехия (Прага), 19 декабря 2017 года – 16 2018 года. Том I. Франция (Париж)-Амстердам (Нидерланды)-Израиль (Тель-Авив)-Россия (Москва)-ОАЭ (Дубай)-Италия (Рим-Флоренция-Неаполь)-Чехия (Прага): Издательский Дом Академии Естествознания, 2018. С. 21-23. EDN XPZBRR.
3. Беделбаева А. З. Вопросы интеграции высшего профессионального образования Кыргызстана в мировое образовательное пространство [Issues of integration of higher professional education of Kyrgyzstan into the global educational space] // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2020. № 8. С. 154-159. DOI 10.26104/NNTIK.2019.45.557. – EDN TPRVPA.
4. Будущее высшего образования и академической профессии: страны БРИКС и США [The future of higher education and the academic profession: BRICS countries and the USA]. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 247 с.
5. Кадыралиева Н. Ш. Проблемы высшего исторического образования в Кыргызстане 1991-2021 годов [Problems of higher historical education in Kyrgyzstan 1991-2021] // Историческая наука и образование в XXI веке: Сборник материалов II Межд. научно-практической конф. с элементами научной школы. Памяти доктора ист. наук, профессора Н. Н. Родигиной, Новосибирск, 22-25 марта 2023 года / Под редакцией В.А. Зверева. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2023. С. 206-215. EDN TVTJXM.
6. Кадыров А. А. Илим жана билим тууралуу идеялар жана Кыргызстанда жогорку билим берүүнүн абалы [Ideas about science and education and the state of higher education in Kyrgyzstan] // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2021. No. 5. P. 153-156. DOI 10.26104/NNTIK.2019.45.557. EDN DOFIGY.
7. Комлева В.В. Интернационализация высшего образования как провоцирующий фактор обострения конкуренции национальных образовательных систем [Internationalization of higher education as a provoking factor in the intensification of competition between national educational systems] // Россия и мир: диалоги. Материалы научно-практической конференции (Москва, 24 апреля 2017 г.). М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2017. 622 с.
8. Комлева В.В. Противоречия интернационализации высшего образования [Contradictions of the internationalization of higher education. Socio-economic phenomena and processes] // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12, № 6. С. 469-477. EDN YNXGNW. doi: 10.20310/1819-8813-2017-12-6-469-477
9. Комлева В.В. Развитие экспорта российского высшего образования: основные противоречия [Development of export of Russian higher education: main contradictions] // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 6(58). С. 1899-1907. DOI 10.35775/PSI.2020.58.6.025. EDN ENTGKR.
10. Комлева В.В. Россия в контексте новых мировых тенденций интернационализации высшего образования [Russia in the context of new global trends in the internationalization of higher education] // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 6. С. 13-34
11. Коммуникационные режимы соседних стран. Рейтинг дружелюбности – 2022. Доклад по результатам ежегодного мониторинга [Communication modes of neighboring countries. Friendliness rating – 2022] / Под научной редакцией В.В. Комлевой. М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2023. 104 с. ISSN 978-5-7151-0597-4 URL: <https://nicrus.ru/publishing/>
12. Маметова М. Р. Государственная образовательная политика в сфере высшего образования

- независимого Кыргызстана в условиях глобализации [State educational policy in the field of higher education of independent Kyrgyzstan in the context of globalization] // Global Science and Innovations: Central Asia (см. в книгах). 2021. № 16(12). –С. 39-44. EDN KSKZCI.
13. Массовое высшее образование. Триумф БРИКС? [Mass higher education. BRICS triumph?] М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 528 с.
 14. Мехамедиева К. А. Формирование образовательного потенциала в условиях интернационализации системы высшего образования в Кыргызстане [Formation of educational potential in the conditions of internationalization of the higher education system in Kyrgyzstan] // Экономика. Управление. Образование. 2018. № 3(6). С. 150-154. EDN LYSEHW.
 15. Мурзалиев, М. А. Кыргызстандагы жогорку билим берүү системасын эл аралык билим берүү системасына интеграциялоо боюнча саясий механизмдер жана шарттар [The higher education system of Kyrgyzstan is a political mechanism and a condition for the integration of the international education system] // Вестник Омского государственного университета. 2021. Vol. 2, No. 3. – P. 78-86. DOI 10.52754/16947452_2021_2_3_78. EDN KEGWTK.
 16. Мусаев, А. И. Кыргызско-российские отношения в сфере высшего образования: состояние и перспективы [Kyrgyz-Russian relations in the field of higher education: state and prospects] // Alatau Academic Studies. 2020. № 4. С. 112-121. DOI 10.17015/aas.2020.204.14. EDN NLIRVS.
 17. Омуралиев, У. К. Интернационализация высшего образования Кыргызстана: от академической мобильности до совместных образовательных программ // Экономика. Управление. Образование. 2019. № 1(8). С. 130-135. EDN MLXLQK.
 18. Проблемные задачи цифровизации системы высшего образования Кыргызстана [Internationalization of higher education in Kyrgyzstan: from academic mobility to joint educational programs] / Б. И. Бийбосунов, Ж. Т. Бексултанов, К. М. Юсупов, Ж. Жумалиева // Colloquium-Journal. 2020. № 6-1(58). С. 5-8. DOI 10.24411/2520-6990-2020-11440. EDN QQRKJZ.
 19. Самаров А. Кыргызстан жана Япониядагы азыркы жогорку билим берүү (салыштырма анализи) [Modern higher education in Kyrgyzstan and Japan (comparative analysis)] // Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университетинин Жарчысы. 2022. No. 2(110). P. 158-170. EDN FKWMJF.
 20. Самаров А. Кыргызстан менен Япониянын жогорку билим берүү системасын салыштырма талдоонун методологиялык мамилелери [Methodological relations between Kyrgyzstan and the Japanese higher education system] // Кыргызстандын Жарчысы. 2023. No. 1-1. P. 82-88. DOI 10.33514/BK-1694-7711-2023-1(1)-82-88. EDN KOWODB.
 21. Самаров А. Сравнительный анализ систем высшего образования Кыргызстана и Японии [Methodological relations between Kyrgyzstan and the Japanese higher education system] // Педагогические науки. 2022. № 4(116). С. 25-27. EDN UGDLGT.
 22. Саякова С. Ш. Развитие экспорта образовательных услуг Кыргызстана в условиях глобализации и евразийской интеграции [Development of export of educational services in Kyrgyzstan in the context of globalization and Eurasian integration] // Alatau Academic Studies. 2020. № 4. С. 167-175. DOI 10.17015/aas.2020.204.20. EDN QLKKN.
 23. Столетов И. А. Чихарев О.В. Университеты как субъекты публичной дипломатии [Universities as subjects of public diplomacy] // Геополитический журнал. 2013. № 2. С. 65-78. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22611972_51865823.pdf
 24. Субанов, Т. Т. Текущие проблемы системы высшего образования Кыргызстана в условиях экономического кризиса Current problems of the higher education system of Kyrgyzstan in the conditions of the economic crisis // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник, Москва, 06-07 октября 2021 года. Выпуск 5. Часть 1. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. С. 1084-1086. EDN MXMTNK.
 25. Таалайбекова, А. Т. Взаимодействие Кыргызстана и России в сферах высшего образования и науки [Interaction between Kyrgyzstan and Russia in the spheres of higher education and science] // Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева. 2021. № 16. С. 169-174. EDN OZPPOO.
 26. Шеров, Ш. Б. Высшее образование в Кыргызстане и его подготовка к требованиям глобальной интеграции [Higher education in Kyrgyzstan and its preparation for the requirements of global integration] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-2(65). С. 71-74. DOI 10.24412/2500-1000-2022-2-2-71-74. EDN OFZVMU.
 27. Эскиндаров М.А., Перская В.В. Интернационализация образования как фактор роста качества трудовых ресурсов мирового уровня [Internationalization of education as a factor in increasing the quality of world-class labor resources] // Социально-трудовые исследования. 2021. № 3(44). С. 84-98. DOI 10.34022/2658-3712-2021-44-3-84-98. EDN JSFHT.
 28. Knight J., Wit H. de. Internationalization of higher education: past and future // International higher education. 2018; 95:2-4.

29. Murzaliev M. A. Prerequisites and conditions for the development of integration processes in the field of higher education in Kyrgyzstan // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021; 7(58):56-60. DOI 10.24412/2500-1000-2021-7-56-60. EDN WLFMRV.

Информация об авторах

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

ТААЛАЙБЕК КЫЗЫ Жанара. PhD, докторант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева по направлению «Международные отношения». <https://orcid.org/0009-0003-4393-4524>. Адрес: Republic of Kyrgyzstan, 720040, г. Бишкек, бульвар Эркиндик, 36. janarkhin@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 30 октября 2023. Одобрена после рецензирования: 5 ноября 2023. Принята к публикации: 15 ноября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abakirova G. B. Reforms of higher education in Kyrgyzstan and international integration. Issues of sustainable development of society. 2021; 4:495-500. DOI 10.34755/IROK.2021.51.41.100. EDN VLURSR. [In Russian]
2. Alymbekov K. A. Problems of higher education for the quality assurance system in Kyrgyzstan // Modern problems of science and education: materials of international scientific conferences held by the Academy of Natural Sciences (ongoing edition), France (Paris) - Amsterdam (Netherlands) - Israel (Tel -Aviv)-Russia (Moscow)-UAE (Dubai)-Italy (Rome-Florence-Naples)-Czech Republic (Prague), December 19, 2017 – December 16, 2018. Volume I. France (Paris)-Amsterdam (Netherlands)-Israel (Tel Aviv)-Russia (Moscow)-UAE (Dubai)-Italy (Rome-Florence-Naples)-Czech Republic (Prague): Publishing House of the Academy of Natural Sciences, 2018:21-23. EDN XPZBR. [In Russian]
3. Bedelbaeva A. Z. Issues of integration of higher professional education of Kyrgyzstan into the global educational space // Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. 2020; 8:154-159. DOI 10.26104/NNTIK.2019.45.557 EDN TPRVPA.
4. The future of higher education and the academic profession: BRICS countries and the USA. Moscow: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2014:247. [In Russian]
5. Kadyralieva N. Sh. Problems of higher historical education in Kyrgyzstan 1991-2021. Historical science and education in the 21st century: Collection of materials from the II International Scientific and Practical Conference with elements of a scientific school. In memory of Doct. Sc (Hist.), Professor N.N. Rodigina, Novosibirsk, March 22–25, 2023 / Ed. by V.A. Zvereva. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2023:206-215. EDN TVTJXM. [In Russian]

6. Kadyrov A. A. Ideas about science and education and the state of higher education in Kyrgyzstan. Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. 2021; 5: 153-156. DOI 10.26104/NNTIK.2019.45.557. EDN DOFIGY. [In Kyrgyz]
7. Komleva V.V. Internationalization of higher education as a provoking factor in the intensification of competition between national educational systems. Russia and the world: dialogues. Materials of the scientific and practical conference (Moscow, April 24, 2017). Moscow: Publishing House "Scientific Library", 2017:622. [In Russian]
8. Komleva V.V. Contradictions of the internationalization of higher education. Socio-economic phenomena and processes. 2017; 12 (6):469-477. EDN YNXGNW. doi: 10.20310/1819-8813-2017-12-6-469-477 [In Russian]
9. Komleva V.V. Development of export of Russian higher education: main contradictions. Questions of Political Science. 2020; Vol. 10, 6(58):1899-1907. DOI 10.35775/PSI.2020.58.6.025. EDN ENTKGR. [In Russian]
10. Komleva V.V. Russia in the context of new global trends in the internationalization of higher education. Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2017; 12 (6):13-34. [In Russian]
11. Communication modes of neighboring countries. Friendliness rating – 2022. Report on the results of annual monitoring/ Scientifically edited by V.V. Komleva. Moscow: National Research Institute for the Communications Development, 2023:104. ISSN 978-5-7151-0597-4 Available from: <https://nicrus.ru/publishing/> [In Russian]
12. Mаметова М. R. State educational policy in the field of higher education of independent Kyrgyzstan in the context of globalization. In: Global Science and Innovations: Central Asia. 2021; 16(12):39-44. EDN KSKZCI. [In Russian]
13. Mass higher education. BRICS triumph? Moscow: Publishing house "House of the Higher School of Economics", 2014:528. [In Russian]
14. Mekhamedieva K. A. Formation of educational potential in the conditions of internationalization of the higher education system in Kyrgyzstan. Economics. Control. Education. 2018; 3(6):150-154. EDN LYSEHW. [In Russian]
15. Murzaliev M.A. The higher education system of Kyrgyzstan is a political mechanism and a condition for the integration of the international education system. Bulletin of Osh State University. 2021; 2 (3):78-86. DOI 10.52754/16947452_2021_2_3_78. EDN KEGWTK. [In Kyrgyz]
16. Musaev A. I. Kyrgyz-Russian relations in the field of higher education: state and prospects. Alatau Academic Studies. 2020; 4:112-121. DOI 10.17015/aas.2020.204.14. EDN NLIRVS. [In Russian]
17. Omuraliev U. K. Internationalization of higher education in Kyrgyzstan: from academic mobility to joint educational programs. Economics. Control. Education. 2019; 1(8):130-135. EDN MLXLQK. [In Russian]
18. Problematic tasks of digitalization of the higher education system of Kyrgyzstan / B. I. Biybosunov, Zh. T. Beksultanov, K. M. Yusupov, Zh. Zhumaliev. Colloquium-Journal. 2020; 6-1(58):5-8. DOI 10.24411/2520-6990-2020-11440. EDN QORKJZ. [In Russian]
19. Samarov A. Modern higher education in Kyrgyzstan and Japan (comparative analysis). Zhusup Balasagyn atyndagy Kyrgyz uluttuk universitinin Zharchysy. 2022; 2(110):158-170. EDN FKWMJF. [In Kyrgyz]
20. Samarov A. Methodological relations between Kyrgyzstan and the Japanese higher education system // Kyrgyzstandin Zharchysy. 2023; 1-1:82-88. DOI 10.33514/BK-1694-7711-2023-1(1)-82-88. EDN KOWODB. [In Kyrgyz]
21. Samarov A. Comparative analysis of higher education systems in Kyrgyzstan and Japan. Pedagogical Sciences. 2022; 4(116): 25-27. EDN UGDLGT. [In Russian]
22. Sayakova S. Sh. Development of export of educational services in Kyrgyzstan in the context of globalization and Eurasian integration. Alatau Academic Studies. 2020; 4:167-175. DOI 10.17015/aas.2020.204.20. EDN QLKKYN. [In Russian]
23. Stoleto I. A. Chikharev O.V. Universities as subjects of public diplomacy. Geopolitical Journal. 2013; 2. 65-78. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22611972_51865823.pdf [In Russian]
24. Subanov T. T. Current problems of the higher education system of Kyrgyzstan in the conditions of the economic crisis. Greater Eurasia: Development, security, cooperation: A yearbook. Moscow, October 06–07, 2021; 5 (1). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2022: 1084-1086. EDN MXMTNK. [In Russian]
25. Taalalibekova A. T. Interaction between Kyrgyzstan and Russia in the spheres of higher education and science. Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after Kazy Dikambaev. 2021; 16: 169-174. EDN OZPPOO. [In Russian]
26. Sherov Sh. B. Higher education in Kyrgyzstan and its preparation for the requirements of global integration. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022; 2-2(65):71-74. DOI 10.24412/2500-1000-2022-2-2-71-74. EDN OFZVMU. [In Russian]

27. Eskindarov M.A., Perskaya V.V. Internationalization of education as a factor in increasing the quality of world-class labor resources. Social and Labor Research. 2021; 3(44):84-98. DOI 10.34022/2658-3712-2021-44-3-84-98. EDN JSFEHT.
28. Knight J., Wit H. de. Internationalization of higher education: past and future // International higher education. 2018; 95:2-4. [In English]
29. Murzaliev M. A. Prerequisites and conditions for the development of integration processes in the field of higher education in Kyrgyzstan // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021; 7(58): 56-60. DOI 10.24412/2500-1000-2021-7-56-60. EDN WLFRMV. [In English]

About the authors

Valentina V. KOMLEVA. Doct. Sc.(Sociol.). Professor. Deputy Director for Scientific Work, National Research Institute for the Communications Development. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation, komleva@nicrus.ru Zhanara TAALALIBEK KYZY. PhD doctoral student of the Kazy Dikambaev Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic in the "International Relations" Specialization. <https://orcid.org/0009-0003-4393-4524>. Address: 36 Erkindik Boulevard, Bishkek, 720040, Republic of Kyrgyzstan, janarkhin@gmail.com

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: October 30, 2023. Approved after review: November 5, 2023. Accepted for publication: November 15, 2023. Published: December 15, 2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global and regional studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Политические науки

«Водные войны» как источник и инструмент международных конфликтов

Владимир Викторович Кочетков^{1a}, Алексей
Анатольевич Медведков^{2b}, Елена Алексеевна
Кузьменко^{3c}, Омар Мохаммад Нессар^{4d}

¹ МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

² МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия; Институт географии РАН,
Москва, Россия

³ Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Москва, Россия

⁴ Институт востоковедения Российской академии наук, Москва,
Россия

^a vkochetkov58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7867-3473>

^b a-medvedkov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7242-7172>

^c ea.kuzmenko@igsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>

^d nessar@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>

Аннотация. Дефицит водных ресурсов является одной из глобальных проблем современности. В статье приведены результаты исследований международных конфликтов из-за нехватки пресной воды, проанализированы возможные последствия нарастающего кризиса, которые могут повлиять на мировую политическую систему. Рассмотрены предпосылки возникновения водных конфликтов на политической карте мира и наиболее информативные индикаторы, позволяющие судить о конфликтном потенциале между странами (доля транзитного стока рек, уровень использования водных ресурсов и степень аридности климата). Проанализированы существующие

и прогнозные геоэкологические последствия, вызванные деградацией водных объектов и ухудшением водно-ресурсной ситуации в условиях ослабления научно-исследовательского сотрудничества между соседними государствами. Рассмотрены успешные примеры решения проблем в сфере водопользования на основе бассейнового подхода – как между субъектами одного государства, так и между отдельными странами.

Ключевые слова: дефицит водных ресурсов, международные конфликты, глобальные проблемы современности, изменение климата, нехватка пресной воды, перенаселение земли, трансграничные территории, международные реки, проблемы водопользования, водные конфликты, водная политика, Центральная и Средняя Азия, зарубежная Азия

Для цитирования: Кочетков В.В., Медведков А.А., Кузьменко Е.А., Нессар О.М. «Водные войны» как источник и инструмент международных конфликтов // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Sociological Sciences

“Water wars” as a source and instrument of international conflicts

Vladimir V. Kochetkov^{1a}, Alexey A. Medvedkov^{2b}, Elena A.
Kuzmenko^{3c}, Omar M. Nessar^{4d}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Institute of Geography of
the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

⁴ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^a vkochetkov58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7867-3473>

^b a-medvedkov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7242-7172>

^c ea.kuzmenko@igsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>

^d nessar@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>

Abstract. Water resource shortage is one of the global problems of our time. The article presents the results of studies of international conflicts due to the lack of fresh water, and analyzes the possible consequences of the growing crisis that may affect the world political system. The prerequisites for the emergence of water conflicts on the political map of the world and the most informative indicators that make it possible to judge the conflict potential between countries (the share of transit river flow, the level of use of water resources and the degree of climate aridity) are considered. The existing and predicted geo-ecological consequences caused by the degradation of water bodies and the deterioration of the water resource situation in the context of weakening research cooperation between neighboring states are analyzed. Successful examples of solving problems in the field of water use based on the basin approach, both between entities of the same state and between individual countries, are considered.

Keywords: water resource shortage, international conflicts, global modern problems, climate change, fresh water shortage, overpopulation of the earth, transboundary territories, international rivers, water use problems, water conflicts, water policy, Central and Central Asia, Foreign Asia.

For citation: Kochetkov V.V., Medvedkov A.A., Kuzmenko E.A., Nessar O.M. "Water wars" as a source and instrument of international conflicts. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2023; 4(10): XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Введение (Е.А.Кузьменко)

Борьба за запасы пресной воды стала важной составляющей многих международных конфликтов за последнюю сотню лет. За столь короткий исторический промежуток конкуренция за водные ресурсы стала опережать по своей остроте даже конкуренцию за энергоносители. В той или иной мере водную основу имеют противоречия между Иорданией, Израилем и Сирией; Турцией и Сирией; Казахстаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Таджикистаном и Кыргызстаном. Проблема дефицита воды уже на протяжении нескольких десятилетий изучается такими организациями, как Лондонский международный институт стратегических исследований и Тихоокеанский институт по изучению вопросов развития, окружающей среды и безопасности.

Несмотря на сравнительную обеспеченность России водными ресурсами, ее партнеры по СНГ и другим интеграционным объединениям ощущают проблему дефицита воды достаточно остро, что сказывается на конфигурации международных отношений. Ограниченность водных ресурсов провоцирует не только внешние, но и внутренние политические конфликты в странах среди элит, лавирующих между национальными интересами, внешнеполитической конъюнктурой и потребностями разных отраслей национальной экономики. Поэтому дефицит водных ресурсов в регионе Центральной Азии имеет прямое отношение к позициям России в данном регионе, обеспечению ее безопасности.

Тем не менее в российском академическом сообществе тема «водных войн» изучается фрагментарно, системных междисциплинарных исследований этой актуальной тематики практически нет. Так, научная дискуссия, проведенная Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций в партнерстве с Российским военно-историческим обществом в сентябре 2023 г., был нацелен на то, чтобы актуализировать обсуждение таких вопросов, как: природно-географические предпосылки водных конфликтов в Центральной Азии и на Южном Кавказе; проблемы управления трансграничными водными бассейнами; технологии на службе сохранения водных ресурсов; односторонняя политика стран в отношении водных ресурсов; эффективность международных организаций в вопросах предотвращения «водных войн». Избранные доклады данного круглого стола представлены в статье.

Материалы и методы (Е.А.Кузьменко)

Многоаспектность проблематики «водных войн» потребовала привлечения разных типов источников и обусловила выбор нескольких методологических подходов и уровней для их интерпретации. С позиций политического реализма, в фокусе которого находятся баланс сил и борьба за власть и ресурсы со стороны крупных акторов (государств или блоков государств), рассматривает крупные межгосударственные столкновения за водные ресурсы Владимир Викторович Кочетков, который привлекает в качестве источников отчеты международных исследовательских институтов по отслеживанию динамики водных конфликтов, научные работы по отдельным региональным водным конфликтам, методологические статьи. В докладе В.В.Кочеткова прослеживается также влияние теории баланса угроз, в которой под угрозой безопасности (в данном случае – водной безопасности) понимается агрессивность намерений по отстаиванию собственных интересов в сочетании с военным, экономическим и географическим доминированием [6, с. 79].

В парадигме системного и геосистемного анализа [2, с. 72] строится политико-географическое исследование А.А.Медведкова, который выводит природно-географический фактор в качестве ключевой составляющей международных отношений. Для анализа экологических конфликтов в широком смысле слова автор привлекает эмпирический материал как из естественно-научной, так и из общественно-гуманитарной областей географического знания. Вероятностный метод используется при анализе потенциала водного сотрудничества между регионами.

О.М.Нессар представил анализ водной политики Афганистана с позиции case-study с элементами современного политического регионоведения. Доклад имеет прикладную значимость не только на уровне стран Центральной Азии, но и на уровне крупных региональных интеграций. О.М.Нессар предлагает включить решение водного вопроса в повестку заседаний ШОС и СНГ, так как с помощью метода среднесрочного прогнозирования в докладе формулируется вывод о неизбежности международного конфликта между Афганистаном и другими странами региона, причем водный вопрос будет ключевым в данном конфликте.

Результаты исследования

Дефицит водных ресурсов как глобальная проблема современности (В.В. Кочетков)

Вода (а не нефть) является наиболее ценным видом жидкости в нашей жизни. Вода – это вещество, из которого зародилась сама жизнь на Земле и от которого она продолжает зависеть. Если у нас закончится нефть или другие виды ископаемого топлива, мы можем использовать альтернативные источники энергии. Если у нас не будет чистой питьевой воды, то наши дни сочтены. Без нефти всего лишь изменится

наш привычный образ жизни, а без воды мы умрем через несколько дней [11, с. 40]. Поэтому вода может превратиться в грозную силу.

Основная проблема человечества по отношению к водным ресурсам заключается в серьезной и всемирной нехватке пресной воды. На данный момент вода занимает $\frac{3}{4}$ поверхности Земли. Вся ирония заключается в том, что, несмотря на это, воду, пригодную для использования, не всегда можно найти в тех местах, где в ней есть необходимость, особенно в нужных объемах. Большая часть водных ресурсов – 97,5% – находится в океанах. Такая вода непригодна для питья и слишком соленая для ирригации. Еще 2% пресной воды находится в форме льда и снега в Гренландии и Антарктике либо содержится в месторождениях подземных вод. И менее чем 1% (а именно – 0,01% всей воды на Земле) считается пригодным для человеческих нужд [10, с. 35].

В первой четверти XXI в. около миллиарда людей на планете не имеет доступа к безопасной питьевой воде. Около 2,4 млрд людей – 40% мирового населения – испытывают недостаток воды для надлежащей гигиены, а 3,4 млн людей умирает ежегодно от заболеваний, связанных с нехваткой воды¹.

Постоянное чувство жажды стало неотъемлемой частью образа жизни не только обитателей Сахары и Ближнего Востока, но теперь и жителей Кореи и Ботсваны. Сегодня население Австралии как никогда прежде испытывает нехватку воды. Жители северных штатов США с тревогой наблюдают, как обезвоживаются зеленые лужайки к концу засушливого лета, а уровень воды в водохранилищах опускается все ниже и ниже.

Можно выделить три основных фактора, которые угрожают международным водным бассейнам: 1) «интернационализация» водных бассейнов в связи с появлением новых независимых государств; 2) принимаемые в одностороннем порядке планы развития (прежде всего, проекты строительства плотин без предварительных двусторонних юридических соглашений); 3) общая напряженность в отношениях между странами, не связанная с «водными» проблемами.

Первый фактор говорит о появлении новых независимых государств, плохо обеспеченных водой, таких как Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Казахстан, Туркменистан. Среди примеров конфликтов можно отметить конфликты, возникшие в связи с использованием и потреблением вод рек (Амударья, Сырдарья, Иордана, Нила), а также бассейна Аральского моря и др.

Второй фактор заключается в том, что в определенный период развития, а именно – когда спрос на воду по показателям приближается вплотную к уровню обеспеченности водными ресурсами, одно из государств, разделяющих трансграничный водный бассейн (как правило, региональная держава), принимает решение о реализации проекта, который серьезно ущемляет интересы хотя бы одного из приграничных государств. Региональная держава может пойти на такой шаг, рассчитывая продолжать обеспечивать свои существующие потребности в воде, столкнувшись со стремительно сокращающейся доступностью водных ресурсов. Среди примеров –

¹ Официальный сайт Тихоокеанского института по изучению вопросов развития, окружающей среды и безопасности. URL: www.pacinst.org.

планы Египта построить высокую дамбу на реке Нил, поворот реки Ганг властями Индии с целью защиты порта Калькутты.

По третьему фактору в качестве примера можно привести Государство Палестина и Израиль. Между палестинцами и израильтянами и так существует достаточно большая напряженность в отношениях, в которую также входит и религиозная составляющая. Конфликты из-за водных ресурсов между этими странами только накаляют общую политическую обстановку.

Проблема дефицита пресной воды имеет давние корни и тенденцию постоянно нарастать на протяжении истории. Первые международные конфликты по поводу воды были отмечены еще до нашей эры, большое распространение они получили в XX в., перенесены причины вооруженных конфликтов с борьбы за землю на борьбу за воду. По мере развития человечества, борьба за водные ресурсы приобретает все более угрожающие формы. Она все чаще приводит к межгосударственным конфликтам. Настоящие причины войны иногда маскируются под религиозными составляющими, но несложно заметить по действиям, предпринимаемым сторонами, истинную основу конфликта. К примеру, в случае с конфликтами между арабами и израильтянами можно увидеть, что оккупация палестинских территорий была вызвана стремлением Израиля контролировать подземные воды.

Ситуация будет только обостряться, потому что вода стоит в числе первостепенных по важности ресурсов. Конкуренция за все более скудные ресурсы будет порождать конфликты внутри стран и «водные войны» между странами. Конфликты из-за воды в будущем будут так же возникать по причине глобального потепления. В грядущие десятилетия повышается вероятность насилия и политических конфликтов из-за того, что климатические изменения превращают землю в пустыню, растапливают ледовые поля и отравляют водные ресурсы. Климатические изменения в мире повлекут за собой наводнения, опустынивание, таяние вечной мерзлоты, за чем, в свою очередь, последует разрушение экономической инфраструктуры, потеря сельскохозяйственных угодий, отравление запасов воды.

Проблема дефицита водных ресурсов не найдет своего решения даже в том случае, если бы человечество нашло новые запасы водных ресурсов, и они бы помогли ослабить давление на реки и озера, временно стать манной небесной для миллионов людей². В любом случае, если человеческое сообщество снова начнет вести дела привычным для себя образом, эта находка только отсрочит день «приговора» для людей и всех других живых существ. Человечество долго заблуждалось по поводу того, что недостаток воды всего лишь отражает временные проблемы ее распределения. И развитые, и развивающиеся страны, наконец, должны осознать, что мировые запасы чистой воды являются исчерпаемыми и уязвимыми ресурсами, являясь в то же время незаменимым сырьем, которое необходимо уважать и относиться должным образом.

² Вопрос выживания. Отчет Глобальной группы высокого уровня по вопросам воды и мира. URL: https://www.genevawaterhub.org/sites/default/files/atoms/files/report_of_the_ghlpwr_ru_finallow.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

Трансграничные речные бассейны – районы действующих и потенциальных конфликтов за водные ресурсы

(А.А. Медведков)

Предпосылки для конфликтов за водные ресурсы: масштаб проблемы. Трансграничные речные бассейны разделены границами двух и более государств. По данным ЮНЕП (2016), 60% мирового речного стока и более 40% населения мира концентрируются в трансграничных областях. Это районы как уже существующих, так и потенциальных конфликтов за водные ресурсы, которые сегодня являются значимыми вызовами для безопасности стран и территорий. В этой связи важно осознавать, что значительная часть государств в мире (более 150) имеют трансграничные речные бассейны (286 рек) и водоносные горизонты, их около 600 (IGRAC / UNESCO IHP, 2015). И только лишь 24 государства (из 153 стран) известны внедрением на своей территории практик трансграничного сотрудничества.

К числу трансграничных, в бассейнах которых фиксируются конфликты водопользования, относятся такие известные реки, как Колорадо, Рио-Гранде, Нил, Иордан, Тигр и Евфрат, Амударья и Сырдарья, Иртыш, Инд, Ганг, Брахмапутра, Меконг и др. Бассейн Амазонки также является трансграничным, но еще пока здесь не отмечаются условия для возникновения конфликтов водопользования, но в будущем они могут появиться из-за гидротехнического строительства на притоках Амазонки и последствий масштабного сведения влажных тропических лесов, учитывая их существенную роль в регулировании водного стока.

Индикаторы водных конфликтов. Следует уточнить, используя разработанную классификацию водных конфликтов [9], что основная часть противоречий приходится на те ситуации, которые связаны с водопользованием и водопотреблением. Поэтому о противоречиях данного типа мы и будем говорить, учитывая их наиболее проблемный характер и более широкую степень распространения. Существуют показатели, имеющие количественное выражение, позволяющие оценить степень остроты водо-ресурсной ситуации в странах, имеющих трансграничные речные бассейны. Доля транзитного стока – один из ключевых показателей индикационного типа, показывающий долю речного стока, образующуюся за пределами территории искомой страны. Наиболее высокие значения данного показателя у следующих стран (из числа наиболее крупных по площади): Бангладеш – 91%, Бразилия – 34%, Венесуэла – 41%, ДРК (Конго) – 30%, Египет – 97%, Индия – 34%, Пакистан – 76%, Узбекистан – 77% и др. [7]. Чем выше этот показатель, тем страна оказывается более зависимой от водохозяйственных действий государств, располагающихся выше по течению. Государства, характеризующиеся высокой долей транзитного стока, особенно остро реагируют на действия своих соседей выше по течению, если эта деятельность связана с гидротехническим строительством, что позволяет стране / странам верхнего течения контролировать речной сток. Зачастую данная ситуация и создает конфликты и разногласия между странами. Так, турецкий проект «Юго-Восточная Анатолия» как вызывал, так и вызывает недовольство Сирии и Ирака в связи со снижением объема стока вод

в их частях речного бассейна. В этой связи понятно и то беспокойство, которое в странах Средней Азии вызывают разговоры о развитии гидроэнергетики в Киргизии и Таджикистане. Для Казахстана, Узбекистана и Туркмении это означает ухудшение ситуации в их агропромышленном секторе в связи с иссушением сельскохозяйственных земель и ирригационных систем на их территориях.

Уровень использования водных ресурсов также является весьма информативным показателем, который раскрывает соотношение имеющихся на территории страны ресурсов речного стока (именно по этому компоненту оцениваются водно-ресурсная ситуация, учитывая относительно быстрый характер возобновления речного стока) и уровня их хозяйственного потребления. В этой связи из стран со значительной долей транзитного стока наиболее сложная ситуация характерна для Пакистана, Индии, Бангладеш, Египта, Узбекистана и др. [7].

Аридность (засушливость) климата – фактор, влияющий не только на облик ландшафтов, но и на объемы водопотребления. Степень засушливости можно оценивать, используя, например, такой показатель, как коэффициент увлажнения, определяемый по соотношению между количеством всех атмосферных осадков, выпавших на данной территории, и величиной испаряемости в ее пределах. Очевидно, что в странах с засушливым климатом будет более критичное отношение к контролю речного стока как явлению, которое реализуется государствами, расположенными выше по течению.

Проблемы водопользования на российском приграничье. Рассматривая проблемы, связанные с Россией, нельзя не остановиться на следующих примерах. В Закавказье это, по существу, конфликтная ситуация с р. Самур, в бассейне озера Байкал – потенциально острая проблема, обусловленная планированием строительства гидротехнических сооружений на р. Селенге, и весьма непростая ситуация с р. Иртыш, верховья которой располагаются на засушливой территории Китая [13]. Самурская и Обь-Иртышская проблемы рассматриваются далее подробнее.

Так, Азербайджан, на границе с которым протекает р. Самур, интенсивно использует водные ресурсы реки, тем самым ставя под угрозу существования уникальный самурский лес, что беспокоит население российского Дагестана [13]. Известно, что речной бассейн охватывает и часть подземного пространства в пределах зоны активного водообмена, связанной с речным стоком из этого бассейна [3]. Поэтому неудивительно, что в данных условиях истощаются также и запасы подземных вод, чему также способствует и их добыча, в результате чего отмечается снижение уровня воды в реке и внедрение морских вод в ее русло, а также в подземные водоносные горизонты, что в итоге влияет и на состояние растительности [13]. К тому же Дагестан – это регион, испытывающий проблемы с подземными водами из-за их качества, что обусловлено природной спецификой геологической среды Восточного Кавказа [1]. Приведенные примеры предписывают рассматривать проблемы трансграничного водопользования более широко, т.е. не ограничиваться анализом ситуации только с поверхностными водными объектами в границах их водосборов, но и принимать во внимание состояние питающих их подземных водоносных горизонтов. В данном отношении уместно

вспомнить о наличии в международном праве таких понятий, как «трансграничный водоносный горизонт» и/или «система трансграничных водоносных горизонтов», части которых находятся в разных государствах, и обратить внимание на еще большую сложность регулирования подземного стока в трансграничных условиях.

Обь-Иртышский бассейн также попадает в список потенциально конфликтных, т.к. Синьцзян-Уйгурский район (а следом – и Казахстан) увеличивает забор воды на орошение. Вследствие этого для водообеспечения ряда российских областей, особенно для Омской области, существуют потенциальные угрозы, связанные с водообеспечением в ближайшие годы. В случае с Омской областью данная ситуация обусловлена тем, что ее территория характеризуется крайне низкой обеспеченностью ресурсами местного речного стока (16%), а остальная его часть приходит извне. Важно отметить, что Омская область дефицитна не только по запасам поверхностных вод, эта особенность присуща и кондиционным ресурсам её подземных вод [1]. Применительно к лесоболотной зоне Западной Сибири снижение стока р. Иртыш может вызвать дренаж заболоченных территорий и минерализацию торфяников (как следствие), что скажется на увеличении роста пожаров в западносибирской тайге и потребует значительных ресурсов на борьбу с ними [13].

Водно-экологические проблемы в бассейне Аральского моря. Бассейн Аральского моря охватывает почти что всю Среднюю Азию, что свидетельствует о его особой роли в регионе. С середины 70-х гг. Арал является источником пыльных соляных бурь, возникающих на высохшем морском дне, где накоплены смытые с полей ядохимикаты и минеральные удобрения. Продолжающееся после 1990 г. осушение, в ходе которого восточная часть Большого Арала практически полностью перестала существовать как постоянный водоем, увеличило площадь новой пустыни, которую называют Аралкумом. Аралкум – источник легкой и опасной пыли, которая разносится ветром на значительные расстояния, зона наиболее заметного влияния простирается на 700–800 км, достигая территории России (Оренбургской и Челябинской областей), но наиболее сложная ситуация сложилась в самом Приаралье. Пыльные бури вызывают рост заболеваемости у местного населения, гибель фруктовых садов, а также задерживают развитие растительности, в т.ч. и сельскохозяйственных культур [12].

Модельные расчеты, выполненные для разных высот [20, 14], а также фактические данные, собранные в экспедиции [14], свидетельствуют о влиянии Аралкума на гораздо большую территорию, в эту зону попадает значительная часть Западной и Центральной Сибири. Но, насколько это значимо для экосистем и населения регионов Сибири, это открытый вопрос и тема для дальнейших исследований. Важно, что в условиях современного изменения климата отмечается усиление меридионального переноса, этот фактор и способствует усилению влияния Аралкума на территорию России [14]. Наиболее значительное по охвату влияние на территорию России проявляется в зимнее время, но наиболее заметное для населения Южного Урала – в летнее время.

Такое состояние Арала – прежде всего результат нерационального водопользования (строительства примитивных оросительных систем без необходимой обли-

цовки и укрепления грунта; значительных потерь воды на испарение с поверхности многочисленных водохранилищ, построенных в бассейнах Амударьи и Сырдарьи и в результате ее просачивания в грунт; засоления земель, обусловленного сформировавшимся высоким уровнем грунтовых вод вблизи оросительных каналов и в областях избыточного орошения, что в последующем требовало промывки засоленных земель и др.), а не простое следствие закрепления за этим регионом водоемкой специализации. Нерациональное водопользование способствовало увеличению безвозвратного изъятия речных вод Амударьи и Сырдарьи, что и нарушило водный баланс Аральского моря. Его деградация происходила на фоне увеличения площади орошаемых земель во второй половине XX в. И сегодня развитию сельскохозяйственных земель в Приаралье присущ экстенсивный характер, т.е. увеличение урожайности хлопчатника достигается за счет все большего расширения ирригационной сети при общем низком качестве их проектирования и строительства, т.е. продолжают тенденции нерационального водопользования. По этой же схеме, с учетом принципов нерационального водопользования, правительством талибов строится ирригационный канал «Куш-Тепа» на севере Афганистана, берега и русло которого не бетонируются и даже не утрамбовываются. В случае завершения строительства будет происходить забор воды из бассейна Амударьи, что, конечно же, уже вызывает беспокойство в странах Средней Азии; это серьезный вызов для вододефицитного региона.

Таким образом, Аральское море и его бассейн – это область экологических интересов разных государств (в т.ч. и России). Атмосферно-экологическое влияние новообразованной пустыни расширило зону ее влияния, для управления которой требуется реализация лесомелиоративных мероприятий на научной основе. Заметный эффект от осуществления этих мероприятий может быть достигнут только при значительном увеличении площади лесопосадок, что возможно при учете геолого-географических условий, для чего требуются актуальные гидрогеологические, почвенные и ландшафтные карты, которые сегодня не имеются в наличии. Создание подобного научного продукта требует участия России (имея в виду ее научные школы по аридным территориям) и как минимум ее активной исследовательской включенности в процессы, происходящие в регионе.

Потенциал для сотрудничества. Наряду с очевидными условиями для возникновения конфликтов трансграничные бассейны рек представляют собой и вероятные объекты для международного сотрудничества и обмена информацией, что может быть использовано для смягчения конфликтного потенциала в трансграничных областях. В этом отношении, несмотря на заметную разницу в управлении экологическими конфликтами между странами Запада и государствами Азии и Африки [4], полезным для анализа является европейский (Конвенция о режиме судоходства по Дунаю, 1948; Бухарестская декларация о защите Дуная, 1985; Международная комиссия по защите Рейна, 1950; Программа действий по Рейну, 1987; Рейнская конвенция, основанная на комплексном управлении водными ресурсами и водным хозяйством, 1999 и др.) и канадско-американский (Договор между США и Канадой о пограничных водах, 1909) опыт управления бассейнами рек и озер. Известен и относительно

успешный опыт на постсоветском пространстве, например, на определенном этапе это проявилось в развитии российско-украинского сотрудничества в бассейне Северского Донца [8]. Конечно, успешные примеры сотрудничества проще реализуются внутри стран, например, между штатами в бассейне р. Теннесси. Основой для такого конструктивного взаимодействия явилось создание бассейновых комиссий для комплексного и согласованного управления водными ресурсами на водосборных территориях. Бассейновый опыт регулирования водохозяйственных конфликтов в бассейнах рек позднее получил распространение и в Западной Европе, но лишь спустя 30–40 лет после его внедрения в США [15]. Говоря о проблемах трансграничного водопользования, представляется, что реализация планов по адаптации к изменению климата на таких территориях может быть весьма эффективна при условии наличия взаимопонимания между заинтересованными сторонами и системного подхода к управлению речным бассейном, что будет способствовать экономии ресурсов, задействованных в реализации водохозяйственных мероприятий. Осознание климатических рисков и повышение готовности к их проявлению требуют создания институциональной основы для сотрудничества между странами бассейна.

Афганистан и водная проблема (О.М. Нессар)

С точки зрения формирования водных ресурсов региона Центральной Азии можно выделить две группы: страны, находящиеся выше по течению рек, – страны верховья (Афганистан, Таджикистан и Кыргызстан) – и страны, находящиеся ниже по течению рек, – страны низовья (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Иран и Пакистан). Афганистан также находится выше по течению в сравнении с Ираном и Пакистаном.

Афганистан – страна со сложными природно-географическими особенностями, большая часть территории которой занята высокогорьями и предгорными районами. Только незначительная часть территории Афганистана расположена ниже 300 м над уровнем моря.

Таблица 1. Доля высокогорных районов Афганистана
Table 1. Share of high-altitude areas of Afghanistan

Доля территории (%)	Высота над уровнем моря (м)
9	300–600
46	600–1800
33	1800–3000
10	> 3000

Источник: Составлено автором на основе изученных материалов (Ежов, 1990; Окимбеков, 2016)
Source: Compiled by the author on the basis of the studied materials (Yezhov, 1990; Okimbekov, 2016)

Водные ресурсы Афганистана формируются в основном в пяти водных бассейнах: Амударья, Герируд-Мургаб, Гильменд, Кабул и Северный речной бассейн.

Четыре из перечисленных выше водных бассейнов соединяются с помощью пяти трансграничных рек с соседними странами.

Исток реки Амударья находится в горных районах Афганистана и Таджикистана (в горах Памир); она является самой крупной рекой в Центральной Азии. В общей сложности водными ресурсами бассейна Амударьи пользуются около 43 млн жителей в шести странах. Более 80% вод бассейна приходится на долю Афганистана и Таджикистана и малая часть – на две другие республики (Узбекистан и Туркменистан).

Исток реки Мургаб находится в афганской провинции Гор, она течет из Афганистана в Туркменистан.

Исток реки Герируд расположен в провинции Гор. Герируд протекает в приграничные районы, сначала между Афганистаном и Ираном, а затем проходит по границе между Ираном и Туркменистаном.

Исток реки Гильменд находится в центральной части Афганистана, протекает в 40 км на запад от Кабула и проходит через южные провинции страны, затем заходит в иранскую провинцию Систан.

Самой крупной трансграничной рекой между Афганистаном и Пакистаном считается река Кабул.

Современный этап. После избрания А.Гани в качестве президента Афганистана в 2014 г. водный вопрос стал приоритетным направлением его политики, оказавшей влияние в том числе и на отношения с соседями³. При Гани было ускорено строительство гидротехнического сооружения Камал-Хан на трансграничной реке Гильменд, а на церемонии ввода в эксплуатацию этой плотины он заявил, что Афганистан больше не будет отдавать никому воду безвозмездно⁴.

То, что спустя пять месяцев после этого громкого заявления правительство Гани рухнуло и к власти пришли талибы, стало поводом рассматривать в качестве основной причины смены режима «водную политику» Гани. Однако при талибах ситуация усугубилась, и теперь «водная политика» Кабула вызывает опасения не только в Иране. Одним из первых крупных экономических проектов новых властей Афганистана стало строительство канала Куш-Тепа на севере страны, являющегося фактически «дублером» Амударьи. Он начинается в приграничном с Узбекистаном и Таджикистаном уезде Калдар провинции Балх и проходит через приграничные с Туркменистаном провинции Джаузджан и Фарьяб. Водозаборная способность канала оценивается в 9 млрд кубических метров воды в год. Учитывая тот факт, что большую часть воды из Амударьи забирают Узбекистан и Туркменистан, можно прогнозировать в первую очередь рост напряженности в отношениях между властями Афганистана и указанными государствами.

³ А.Гани: наши водные ресурсы требуют более эффективного управления // Bakhtarnews.af, 24.03.2021. URL: <https://bakhtarnews.af/dr/%D9%85%D8%AD%D9%85%D8%AF-%D8%A7%D8%B4%D8%B1%D9%81-%D8%BA%D9%86%DB%8C-%D8%B1%DB%8C%DB%8C%D8%B3-%D8%AC%D9%85%D9%87%D9%88%D8%B1%DB%8C-%D8%A2%D8%A8-%D9%85%D8%A7-%D8%A8%D8%A7%DB%8C%D8%AF-%D8%A8%D9%87/>.

⁴ <https://pajhwok.com/2021/03/24/afghanistan-no-longer-relinquish-free-water-ghani/>.

Выводы (Е.А.Кузьменко)

Пока нестабильность, отсутствие безопасности, внешний контроль и другие факторы не позволяли Афганистану пользоваться водными ресурсами, соседние страны развивали свою экономику. В итоге сложилась ситуация, когда даже забор той части воды, которая по праву принадлежит Афганистану, может привести к плохим экологическим и экономическим последствиям в соседних странах.

Систематическое ухудшение социально-экономической ситуации в провинции Систан-Белуджистан Ирана, которая снабжается трансграничной рекой Гильменд, дает основание рассматривать водный вопрос как фактор дестабилизации внутривосточной ситуации. В свою очередь, это обстоятельство повышает интерес внешних акторов к водным ресурсам, которые могут рассматриваться как инструмент политической дестабилизации.

В среднесрочной перспективе можно прогнозировать обострение ситуации вокруг водного вопроса в регионе. Для стран Центральной Азии и Среднего Востока водная проблема отличается особой остротой, вызванной рядом факторов, среди которых: быстрый рост численности и плотности населения; природно-географические особенности региона; нерациональное водопользование; существование противоречий. Вопрос совместного использования вод трансграничных рек является самым актуальным, и его решение требует особого внимания и подхода. На наш взгляд, уже наступило время включить решение этого вопроса в повестку дня региональных организаций (например, ШОС, СНГ).

Список источников

1. Арустамов Э.А., Медведков А.А., Пястолов О.А. Подземные воды РФ: ресурсный потенциал и проблемы его рационального использования [Groundwater of the Russian Federation: resource potential and problems of its rational use] // Географическая среда и живые системы. 2020. № 4. С. 17-27.
2. Гладкий Ю.Н. Системный и геосистемный методы в географии: вопросы эффективности использования [Systemic and geosystemic methods in geography: issues of efficiency of use]. Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2019. №4 (53). С. 72-79.
3. Горшков С.П. Организованность биосферы и устойчивое развитие [Organization of the biosphere and sustainable development] // Жизнь Земли. 2015. Т. 37. С. 62-84.
4. Демчук А.Л. Экологические конфликты в современной политике [Environmental conflicts in modern politics]. Москва: МГУ. 2020. 287 с.
5. Ежов Г.П. Экономическая география Афганистана [Economic geography of Afghanistan]. Москва: Изд-во МГУ, 1990. 190 с.
6. Игнаткин О.Б. Идеи политического реализма в современных международных отношениях [Ideas of political realism in modern international relations]. Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. №21 (122). С. 74-82.
7. Ключев Н.Н. Полиструктуры природопользования [Polystructures of environmental management] // География мирового развития. Под ред. Л.М. Синцерова. Москва: КМК, 2010. С. 390-406.
8. Ключев Н.Н. Экологические угрозы развитию регионов российской приграничья [Polystructures of environmental management] // Российское приграничье: вызовы соседства. Под ред. В.А. Колосова. Москва, 2018. С. 305-321.
9. Корытный Л.М., Жерелина И.В. Международные речные и озерные бассейны Азии: конфликты, пути сотрудничества [International river and lake basins of Asia: conflicts, ways of cooperation] // География и природные ресурсы. 2010. № 2. С. 11-19.

10. Кочетков В.В. «Водные войны»: дефицит водных ресурсов как причина международных конфликтов ["Water Wars": shortage of water resources as a cause of international conflicts. Water drama in the context of global transformations] // Водная драма в условиях глобальных трансформаций. Трехсторонний диалог по инновационной водной дипломатии и эффективному управлению водными ресурсами XXI века. Межд/ ассоциация озерных регионов (МАОР), Женевский Водный Центр (Geneva Water Hub). Москва – Женева, 2021. С. 34 -36.
11. Кочетков В.В., Пак Е.В. «Водные войны»: дефицит водных ресурсов как причина и инструмент международных конфликтов ["Water wars": shortage of water resources as a cause and instrument of international conflicts] // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011 № 5. С. 35 – 47.
12. Медведков А.А. Геоэкологические катастрофы аральского типа [Geocological disasters of the Aral type] // География. Первое сентября. 2010. № 8. https://geo.1sept.ru/view_article.php?id=201000811
13. Медведков А.А. Экологические проблемы России [Environmental problems of Russia] // География и экология в школе XXI века. 2019. № 9. С. 3-11.
14. Медведков А.А., Высоцкая А.А., Гинзбург А.П., Козлов С.М. Итоговый отчет по проекту Российского научного фонда № 21-77-00048 «Эколого-географические последствия и риски климатических изменений для жизнеобеспечения кетского этноса – таёжных рыболовов и собирателей» [Final report on the Russian Science Foundation project No. 21-77-00048 "Ecological and geographical consequences and risks of climate change for the livelihoods of the Ket ethnic group - taiga fishermen and gatherers."]. 2023. 31 с.
15. Мирзаев Н.Н. Обзор развития бассейновых советов в мире и перспективы для Центральной Азии [Review of the development of basin councils in the world and prospects for Central Asia]. Ташкент. 2019. 44 с.
16. Окимбеков У.В. Экономика Афганистана (производственная инфраструктура) [Economy of Afghanistan (production infrastructure)]. Москва: Институт востоковедения РАН, 2016. 446 с.
17. Сафронова Е.И. «Водная проблема» в Центральной Азии и ее влияние на имидж России и Китая в регионе ["Water problem" in Central Asia and its impact on the image of Russia and China in the region] // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIV: ежег.издание. Москва: ИДВ РАН, 2009. С. 94-114.
18. IGRAC (International Groundwater Resources Assessment Centre) UNESCO-IHP (UNESCO International Hydrological Programme). 2015. Transboundary Aquifers of the World [map]. Delft, Netherlands: IGRAC. 2015. <https://www.un-igrac.org/resource/transboundary-aquifers-world-map-2015>
19. UNEP (United Nations Environment Programme). 2016. Transboundary River Basins: Status and Trends. New York: UNEP. <http://www.geftwap.org/publications/river-basins-spm>
20. Yongxiao Ge, Jilili Abuduwaili, Long Ma, Dongwei Liu. Temporal Variability and Potential Diffusion Characteristics of Dust Aerosol Originating from the Aral Sea Basin, Central Asia // Water, Air, and Soil Pollution. 2016. № 227.

Информация об авторах

КОЧЕТКОВ Владимир Викторович. Доктор социологических наук. Профессор. Профессор, заместитель заведующего кафедрой геополитики факультета глобальных процессов МГУ им. М.В.Ломоносова, IStina Researcher ID (IRID): 1357217, Researcher ID: AAR-8894-2020. <https://orcid.org/0000-0001-7867-3473>. Адрес: Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, vkochetkov58@mail.ru

МЕДВЕДКОВ Алексей Анатольевич. Кандидат географических наук. Доцент. Доцент кафедры физической географии мира и геоэкологии географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, старший научный сотрудник отдела физической географии и проблем природопользования Института географии РАН, <https://orcid.org/0000-0002-7242-7172>. Адрес: Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1, географический факультет; 119017, Москва, Старомонетный переулок, д. 29, стр. 4., Институт географии РАН; a-medvedkov@bk.ru

КУЗЬМЕНКО Елена Алексеевна. Кандидат исторических наук. Доцент. Доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, SPIN-код: 3078-1553, Author ID: 773498. <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>. Адрес: Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, ea.kuzmenko@igsu.ru

НЕССАР Омар Мохаммад. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>. Адрес: Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12; nessar@ya.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 октября 2023. Одобрена после рецензирования: 2 ноября 2023. Принята к публикации: 15 ноября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Arustamov E.A., Medvedkov A.A., Pyastolov O.A. Groundwater of the Russian Federation: resource potential and problems of its rational use. *Geographical environment and living systems*. 2020; 4:17-27 [In Russian].
- Gladky Yu.N. Systemic and geosystemic methods in geography: issues of efficiency of use. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*. 2019; 4(53):72-79 [In Russian].
- Gorshkov S.P. Organization of the biosphere and sustainable development. *Life of the Earth*. 2015; 37: 62-84 [In Russian].
- Demchuk A.L. Environmental conflicts in modern politics. Moscow: MSU. 2020:287 [In Russian].
- Ezhov G.P. Economic geography of Afghanistan. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1990:190 [In Russian].
- Ignatkin O.B. Ideas of political realism in modern international relations. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science. Story. International relationships*. 2013; 21(122):74-82 [In Russian].
- Klyuev N.N. Polystructures of environmental management. *Geography of world development*. Ed. L.M. Sintserova. Moscow: KMK, 2010:390-406 [In Russian].
- Klyuev N.N. Environmental threats to the development of Russian border regions. *Russian borderland: challenges of the neighborhood*. Ed. V.A. Kolosova. Moscow, 2018: 305-321 [In Russian].
- Korytny L.M., Zherelina I.V. International river and lake basins of Asia: conflicts, ways of cooperation. *Geography and natural resources*. 2010; 2:11-19 [In Russian].
- Kochetkov V.V. "Water Wars": shortage of water resources as a cause of international conflicts. *Water drama in the context of global transformations. Tripartite dialogue on innovative water diplomacy and effective management of water resources in the 21st century*. International Association of Lake Regions (IALR), Geneva Water Hub. Moscow – Geneva, 2021:34-36 [In Russian].
- Kochetkov V.V., Pak E.V. "Water wars": shortage of water resources as a cause and instrument of international conflicts. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*. 2011; 5:35-47 [In Russian].
- Medvedkov A.A. Geocological disasters of the Aral type. *Geography*. First of September. 2010; 8. Available from: https://geo.1sept.ru/view_article.php?id=201000811 [In Russian]
- Medvedkov A.A. Environmental problems of Russia. *Geography and ecology in the school of the XXI century*. 2019; 9:3-11 [In Russian].
- Medvedkov A.A., Vysotskaya A.A., Ginzburg A.P., Kozlov S.M. Final report on the Russian Science Foundation project No. 21-77-00048 "Ecological and geographical consequences and risks of climate change for the livelihoods of the Ket ethnic group - taiga fishermen and gatherers." 2023:31 [In Russian].

- Mirzaev N.N. Review of the development of basin councils in the world and prospects for Central Asia. *Tashkent*. 2019:44 [In Russian].
- Okimbekov U.V. Economy of Afghanistan (production infrastructure). Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2016:446 [In Russian].
- Safronova E.I. "Water problem" in Central Asia and its impact on the image of Russia and China in the region. *China in world and regional politics. History and modernity*. Vol. XIV: annual publication. Moscow: IFES RAS, 2009: 94-114 [In Russian].
- IGRAC (International Groundwater Resources Assessment Centre) UNESCO-IHP (UNESCO International Hydrological Programme). 2015. *Transboundary Aquifers of the World [map]*. Delft, Netherlands: IGRAC. 2015. Available from: <https://www.un-igrac.org/resource/transboundary-aquifers-world-map-2015> [In English]
- UNEP (United Nations Environment Programme). 2016. *Transboundary River Basins: Status and Trends*. New York: UNEP. Available from: <http://www.geftwap.org/publications/river-basins-spm> [In English]
- Yongxiao Ge, Jilili Abuduwaili, Long Ma, Dongwei Liu. Temporal Variability and Potential Diffusion Characteristics of Dust Aerosol Originating from the Aral Sea Basin, Central Asia. *Water, Air, and Soil Pollution*. 2016; 227 [In English].

About the authors

Vladimir V. KOCHETKOV. DoctSc (Sociol.). Professor. Professor, Deputy Head of the Department of Geopolitics, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, [IstinaResearcherID \(IRID\): 1357217, ResearcherID: AAR-8894-2020. https://orcid.org/0000-0001-7867-3473](https://orcid.org/0000-0001-7867-3473). Address: 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation, vkochetkov58@mail.ru

Alexey A. MEDVEDKOV CandSc (Geograph.). Docent. Associate Professor of the Department of Physical Geography of the World and Geoecology of the Geographical Faculty of Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher at the Department of Physical Geography and Environmental Management of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-7242-7172>. Address: 1, Leninskie Gory, Faculty of Geography, Moscow, 119991, Russian Federation; building 4, 29, Staromonetny Lane, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 119017, Russian Federation, a-medvedkov@bk.ru

Elena A. KUZMENKO. CandSc (Hist). Docent of the Department of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of the Institute of Civil Service and Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Author ID: 773498. <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>. Address: building 1, 82, Vernadsky Av., Moscow, 119571, Russian Federation, ea.kuzmenko@igsu.ru

Omar M. NESSAR. CandSc (Hist.). Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>. Address: 12, Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation, nessar@ya.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: October 15, 2023. Approved after review: November 2, 2023. Accepted for publication: November 15, 2023. Published: December 15, 2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы

Политическая социология

Как официальные ресурсы, так и СМИ Республики Узбекистан определенно транслируют дружественную, позитивную коммуникацию по отношению к России, русским, русскому языку и русской идентичности, даже в условиях политической турбулентности последних лет. Узбекистан был и остается надежным партнером и союзником нашей страны и важно не упустить эту положительную линию наших отношений и выстраивать их на взаимоуважении, партнерстве и общей исторической памяти двух народов.

Василенко А.В.

Россия и Узбекистан: русская идентичность и отношение к русским

Анализ совокупности полученных данных позволил сделать вывод, что политика переселения, миграция разных этносоциальных групп населения повлияли на межкультурные коммуникации. Они сопровождались усложнением взаимодействия и механизмов межкультурной адаптации представителей разных этнических общностей и групп, комплексное изучение которых представляется дальнейшей актуальной задачей.

Жумалиева С.Ч.

К вопросу об этнодемографических изменениях в Кыргызстане в 1920-1930-е годы

Карьерные возможности выпускников таких программ в повседневной работе (как научной, так и внеучебной) определены интересами бизнеса и задачами внешней политики ФРГ; и бизнес, и внешняя политика имеют конкретные проекты, стратегии или целевые программы. Таким образом, автономность и независимость учебного процесса и дальнейшей научной и практической деятельности выпускников и молодых ученых оказываются эфемерными.

Кузьменко Е.А.

Центральная Азия как макрорегион в свете образовательных программ ФРГ: региональные доминанты изучения

Анализ информационно-идеологической безопасности в Узбекистане показывает, что отсутствует комплексная система организации духовно-воспитательных процессов, проводится недостаточная организационно-практическая и научно-исследовательская работа по защите национальных интересов и базовых ценностей населения (и в первую очередь молодежи) от информационно-идеологических и политических угроз, наблюдается отсутствие координации государственных организаций, институтов гражданского общества и общественности, социальное сотрудничество СМИ и частного сектора не налажено на должном уровне.

Умаров Х.П.

Вопросы обеспечения информационно-идеологической безопасности: зарубежный опыт

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК: 32.019.52

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Россия и Узбекистан: русская идентичность и отношение к русским

Антон Владимирович Василенко✉

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

anton.vasilenko25@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-7575-8382>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования коммуникационного режима Республики Узбекистан по отношению к Российской Федерации в контексте современных изменений в мировом порядке. Автор выявляет, что, несмотря на мировые вызовы, Республика Узбекистан укрепляет свои тесные и дружественные отношения с Российской Федерацией. Достигнутый Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве подчеркивает важность укрепления сотрудничества между двумя странами. Анализ коммуникационного режима охватывает как официальные ресурсы, так и СМИ, подчеркивая положительную тенденцию в коммуникациях с Россией. Кроме того, в статье рассматривается степень позитивности коммуникации по отношению к русскому языку и русской идентичности в Узбекистане. Русский язык продолжает развиваться и охраняться, а русская идентичность поощряется и поддерживается. Исследование заключает, что Республика Узбекистан поддерживает дружественные и позитивные коммуникации по отношению к России, русским, русскому языку и русской идентичности даже в условиях мировых изменений. Узбекистан продолжает укреплять отношения с Россией на основе взаимного уважения, партнерства и общей исторической памяти, что остается важным аспектом в современной геополитической реальности.

Ключевые слова: коммуникации, политические коммуникации, коммуникационный режим, Узбекистан, дружелюбность, контент-анализ

Для цитирования: Василенко А.В. Россия и Узбекистан: русская идентичность и отношение к русским // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Russian Federation and Uzbekistan: Russian Identity and Attitude to Russians

Anton V. Vasilenko✉

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

anton.vasilenko25@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-7575-8382>

Abstract. The article presents the results of a study of the communication regime of the Republic of Uzbekistan in relation to the Russian Federation, in the context of modern changes in the world order. Despite the global challenges, the Republic of Uzbekistan is strengthening its close and friendly relations with the Russian Federation. The Comprehensive Strategic Partnership Treaty underlines the importance of strengthening cooperation between the two countries. The analysis of the communication regime covers both official resources and the media, while revealing a positive trend in communications with Russia. Russian identity and the degree of positivity of communication in relation to the Russian language and Russian identity in Uzbekistan are considered in the article. The Russian language is preserved, and the Russian identity is encouraged and supported. The Republic supports friendly and positive communication with respect to Russia, Russians, Russian language and Russian identity, even in the face of global changes. Uzbekistan continues to strengthen relations with Russia on the basis of mutual respect, partnership and common historical memory, which remains important in the modern geopolitical reality.

Keywords: communications, political communications, communication regime, Uzbekistan, friendliness, content analysis

For citation: Vasilenko A.V. Russian Federation and Uzbekistan: Russian Identity and Attitude to Russians. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2023;4(10):XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Введение

Вот уже больше года мы наблюдаем трансформацию мирового порядка, как обостряются и переходят в горячую фазу прошлые международные конфликты и разгораются новые. Несомненно, ядром этих преобразований для нашей страны и наших внешнеполитических партнеров стали политические события на Украине,

которые, можно сказать, перевернули устройство мира, и мировое сообщество с трудом может дать оценку тому, что нас ждет в дальнейшем. В этих условиях внешнеполитические связи России с ближайшими партнерами тоже проходят «проверку на прочность»: мировое сообщество требует от стран занять чью-то сторону и выразить свою позицию, что чаще всего является предметом политических манипуляций с целью наложения санкций или прочих «карательных» мер со стороны Запада или, как сейчас принято говорить, «недружественных стран». Но не стоит забывать и о дружественности, ведь многие наши партнеры, несмотря на такую турбулентность, остаются надежными союзниками и даже укрепляют уже существующие связи, ведь глобальные политические потрясения когда-нибудь закончатся, а выстраивать заново уважительные, доверительные взаимоотношения – это труд не одного поколения.

Понятие дружественности включает в себя множество аспектов взаимоотношений государств, начиная от официальных дипломатических жестов и вплоть до отношений самого населения к жителям другой страны. Важным вопросом в политологии и международных отношениях было изучение этой темы. Известные ученые, такие как Альфред Вольферс (Alfred Wolfers), автор «Discord and Collaboration: Essays on International Politics» [9], который обсуждает концепции сотрудничества и конфликта в контексте мировой политики, а также Йозеф Най (Joseph Nye), изучавший «мягкую силу» [8], и Роберт Киган (Robert Keohane), исследовавший теорию кооперации и конфликта [7], внесли значительный вклад в наше понимание дружественных отношений между государствами. Несомненно, коммуникация является основой для выстраивания любых связей на всех уровнях, и в данной статье предлагается рассмотреть дружественность через призму коммуникаций.

Подобные вопросы уже поднимаются в научной среде, однако полноценные исследования начали появляться всего лишь несколько лет назад, как, например, понятие коммуникационного режима в работе В.И.Гасумянова, В.В.Комлевой «Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы» [1], где дается определение коммуникационного режима как контролируемой (с разной степенью контролируемости) системы формальных и неформальных норм, правил, традиций, акторов и инструментов, обеспечивающих коммуникацию в определенном пространстве. Коммуникационные режимы типологизируются в том числе по степени их дружественности, а также исследуются коммуникационные режимы Центральной Азии [2]. Авторами концепции на базе Национального исследовательского института развития коммуникаций проводятся ежегодные мониторинги дружественности стран на постсоветском пространстве, в том числе Республики Узбекистан [3].

Республика Узбекистан – исторически один из ключевых партнеров Российской Федерации в Центральной Азии, который сейчас, как и в прошлом, выстраивает тесные, теплые и взаимовыгодные отношения с нашей страной. Создаются новые форматы взаимодействия, подписываются новые соглашения и проводятся встречи на всех уровнях. Не так давно между нашими странами был подписан Договор

о всеобъемлющем сотрудничестве¹ и проведен крупномасштабный саммит ШОС² в Самарканде, по итогам которого подписано большое количество документов. Эти события заложили прочную основу для дальнейших взаимодействий в области экономики, культуры, социального сотрудничества и в военной сфере.

Целью исследования является анализ уровня дружественности коммуникационного режима Республики Узбекистан: исследуется отношение к России, русским, русскому языку и русской идентичности, позиция государственных органов и тональность материалов в популярных СМИ Узбекистана. Данное исследование поможет лучше понять особенности позиций по отношению к России и позволит выстроить грамотные коммуникационные стратегии для взаимодействия с одним из ключевых партнеров на постсоветском пространстве – Республикой Узбекистан, а также внесет вклад в развитие научной области коммуникационных режимов.

Материалы и методы

Контент-анализ – метод исследования, разработанный для анализа текстовых, графических и аудиовизуальных данных с целью выявления паттернов и тенденций в информации. В этой области внесли вклад следующие ученые: Бернард Берельсон, специализирующийся на анализе массовой коммуникации и воздействия СМИ на общественное мнение [5]; Харольд Лассвелл, пионер в политической коммуникации, исследовавший речи политических лидеров [4]; Герберт Блумер, один из основателей символического взаимодействия, изучавший символы в обществе [6].

В данной работе контент-анализ используется для анализа материалов государственных сайтов Республики Узбекистан – официальные сайты президента³, правительства⁴ и Олий Мажлиса⁵. Также рассмотрены публикации в электронных новостных изданиях Республики Узбекистан. Для наглядности позиций в условиях текущих политических событий рассматриваются материалы за период с января 2022 года по сегодняшний день.

Проанализировано более 1 500 материалов государственных сайтов, из них отобрано 200 материалов, в которых напрямую упоминается Россия, россияне, этнические русские, русский язык и идентичность, а также косвенно – межгосударственные объединения с участием России: СНГ, ШОС, БРИКС. С помощью разработанной

1 Декларация о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // Официальные сетевые ресурсы Президента России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5839>.

2 15–16 сентября Узбекистан в Самарканде принимает саммит Шанхайской организации сотрудничества // Саммит ШОС 15–16 сентября 2022: сайт. URL: <https://sco-summit2022.uz/ru/newsDetail/251>.

3 Президент Республики Узбекистан // Сайт президента Республики Узбекистан: сайт. URL: <https://president.uz/>.

4 Правительственный портал Республики Узбекистан // сайт. URL: <https://www.gov.uz/>.

5 Законодательная палата Олий Мажлиса Республики Узбекистан // сайт. URL: <https://parliament.gov.uz/>.

автором кодировки проведен контент-анализ этих материалов на предмет дружелюбности по отношению к России.

Проанализированы Узбекские СМИ по ключевым словам: Россия, Российская Федерация, русские, русский язык, россияне. Для более объективной картины рассмотрены прогосударственные СМИ «uzdaily.uz» и «gazeta.uz», явно оппозиционные⁶ издания «uzmetronom.agency» и «Fergana.media», проведен контент-анализ с помощью аналогичной кодировки.

Результаты исследования

Для проведения контент-анализа материалов официальных государственных сайтов и электронных изданий Республики Узбекистан была разработана кодировочная система, которая предполагает анализ по трем группам: отношение к России, отношение к русским и отношение к русскому языку и русской идентичности. Внутри каждой группы были определены материалы негативного и позитивного характера, а также нейтральные комментарии, которые содержат упоминания России, русских и русского языка, но не окрашены положительно или отрицательно (Таблица 1).

Таблица 1. Разработанная автором кодировочная система для оценки материалов
Table 1. Developed by the author the coding system for the evaluation of materials

	Позитивное	Нейтральное	Негативное
Отношение к России	Положительные материалы, говорящие о сотрудничестве, партнерстве, развитии, дружбе и совместных договоренностях	Материалы без четкой положительной или отрицательной позиции по отношению к Российской Федерации, просто упоминания	Отрицательно окрашенные заявления, ставящие под вопрос партнерство, дружбу и сотрудничество с Российской Федерацией
Отношение к русским	Положительные оценки россиян и проживающих на территории Республики Узбекистан этнических русских, дружба, партнерство и т.д.	Нейтральные упоминания русских и россиян, без конкретной окраски	Плохое отношение к россиянам, этническим русским, критика, осуждение
Отношение к русской идентичности и языку	Поддержка и продвижение русского языка и идентичности, награждения этнических русских, положительные оценки	Упоминания и прочие нейтрально окрашенные материалы	Запреты, санкции и прочие репрессивные действия в отношении русского языка и идентичности

Источник: Разработанная автором кодировка материалов
Source: Developed by the author Coding of materials

⁶ Оппозиционные сайты разблокированы в Узбекистане // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20131027/972929347.html>.

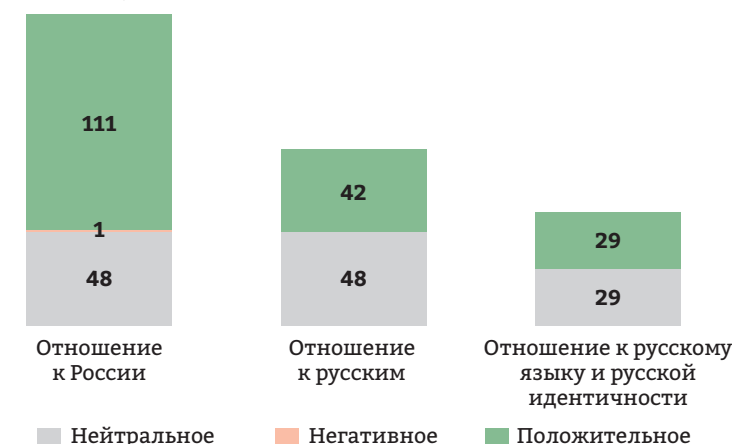
Анализ официальных государственных ресурсов

На основе разработанной кодировки были проанализированы официальные ресурсы президента Республики Узбекистан, правительства и Олий Мажлиса. Характер транслируемой коммуникации однозначно положительный – более 90% упоминаний России, русских, русского языка и идентичности носит позитивную окраску. В контексте отношения к Российской Федерации и русским чаще упоминаются слова и словосочетания «дружба», «сотрудничество», «развитие», «партнерство», «совместные проекты». Применимо к русскому языку и идентичности звучат слова благодарности, вручаются награды этническим русским и продвигающим русский язык специалистам, в том числе учителям.

Был замечен всего один негативный материал – на сайте президента Республики Узбекистан размещено выступление президента «Шавкат Мирзиёев: добиться независимости было непросто»⁷, приуроченное к 31-й годовщине обретения независимости Узбекистана, где приведена цитата из речи Шавката Мирзиёева, произнесенная на аллее «Шахидлар хотираси»:

Мы не зря каждый раз приходим сюда и почитаем их память. Добиться независимости было непросто. Хотя независимость и была обретена 31 год назад, наши деды пытались сделать это более 100 лет назад. 100 тысяч наших соотечественников были репрессированы, 13 тысяч беспощадно расстреляны. Почему? Потому что они были

Диаграмма 1. Контент-анализ официальных ресурсов Республики Узбекистан
Figure 1. Content analysis of official resources of the Republic of Uzbekistan

Источник: Составлено автором на основе собранных данных
Source: Compiled by the author, based on the collected data

⁷ Шавкат Мирзиёев: Добиться независимости было непросто // Сайт президента Республики Узбекистан: сайт. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5478>.

нашими величайшими героями, достоянием нации. Знали по 2–3 языка. У режима было понимание, что они способны освободить нашу Родину, привести ее к процветанию. В этом месте кажется, будто слышны их голоса.

Данное выступление вызвало резонанс в российских СМИ⁸ и Государственной Думе Российской Федерации⁹ и было интерпретировано как обвинение советского режима в репрессиях этнических узбеков. Однако незамедлительно со стороны официальных лиц Республики Узбекистан последовали разъяснения и комментарии о том, что слова президента были восприняты российской стороной некорректно. Негативных материалов в адрес русских, русского языка и русской идентичности не встречается вовсе (Диаграмма 1).

Анализ СМИ

Исследование было проведено на основе четырех популярных электронных ресурсов Республики Узбекистан: «uzdaily.uz», «gazeta.uz», «uzmetronom.agency», «Fergana.media». Отобрано 204 материала по ключевым словам: «Россия», «Российская Федерация», «русские», «русский язык». Как видно на Диаграмме 2, негативно окрашенные материалы составляют малую часть – 14%, тогда как больше половины (57%) имеют положительную оценку России, русских, русского языка и русской идентичности. Отрицательно окрашенные материалы чаще всего относятся к России, нежели к русским, и вообще не встречаются по отношению к русскому языку и идентичности. Стоит заметить, что большая часть негативных оценок транслируется СМИ государственной направленности, тогда как оппозиционные ресурсы чаще оценивают Россию, русских, русский язык и идентичность положительно (Диаграмма 2).

Примечательно, что сайт «gazeta.uz», обладатель наибольшего количества отрицательных оценок, в начале проведения СВО на Украине публиковал больше негативных публикаций, таких как «Россия начала вторжение в Украину»¹⁰, «Итоги первого дня войны России с Украиной. Главное»¹¹, «Я всегда говорил, что никуда не хочу уезжать. Граждане России – о релокации в Узбекистан»¹², но на данный момент первые две публикации удалены с сайта, а интервью с релокантами носят теперь позитивных характер, и им посвящен отдельный новостной блок¹³. Оппозиционные

8 Президент Узбекистана обвинил СССР в уничтожении «достояния нации» // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/08/2022/630f598f9a79475dbf57d55d>.

9 В России ответили на слова Мирзиёева об уничтожении цвета узбекской нации в СССР // Lenta.ru: сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2022/08/31/zatulin/>.

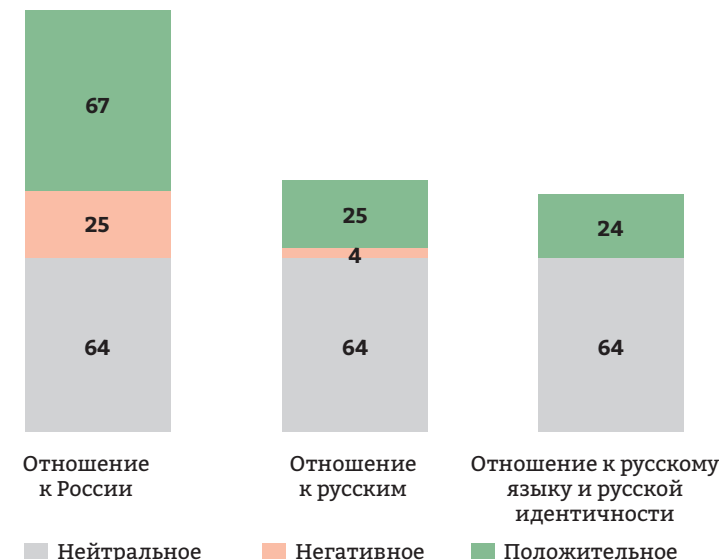
10 Россия начала вторжение в Украину // Gazeta.uz: сайт. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/02/24/war-ukraine/>.

11 Итоги первого дня войны России с Украиной. Главное // Gazeta.uz: сайт. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/02/25/war-first-day/>.

12 Я всегда говорил, что никуда не хочу уезжать. Граждане России – о релокации в Узбекистан // Gazeta.uz: сайт. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/03/12/relocation/>.

13 «Здесь все называют меня братом». Релоканты – о первом месяце в Узбекистане // Газета.uz: сайт. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/04/25/relocants-3/>.

Диаграмма 2. Контент-анализ электронных СМИ Республики Узбекистан
Figure 2. Content analysis of electronic media of the Republic of Uzbekistan

Источник: Составлено автором на основе собранных данных
Source: Compiled by the author, based on the collected data

издания «uzmetronom.agency» и «Fergana.media» больше критикуют Республику Узбекистан и чаще поддерживают Российскую Федерацию, в том числе по вопросам проведения специальной военной операции на Украине.

Выводы

Несомненно, была проанализирована лишь некоторая часть материалов, отражающих характер коммуникации Республики Узбекистан по отношению к России, русским, русскому языку и идентичности, не были рассмотрены публикации на узбекском и других языках, кроме русского. Однако эти данные позволяют сделать вывод об общем характере коммуникационного режима – однозначно положительные материалы преобладают как в СМИ, так и в официальных ресурсах Республики Узбекистан. Чаще встречаются негативные оценки России, реже – русских, и не обнаружены вовсе отрицательные оценки русского языка и русской идентичности.

Публикации на сайтах правительства, президента и парламента по сравнению с материалами СМИ более сдержанные, что присуще официальным ресурсам, чаще говорят о сотрудничестве, партнерстве, дружбе и совместных проектах, а подписанная в 2022 г. Декларация о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между

Российской Федерацией и Республикой Узбекистан¹⁴ только подтверждает дружественный характер взаимоотношений и коммуникаций Узбекистана. Транслируется позитивное отношение и к межгосударственным интеграционным объединениям ШОС, БРИКС, СНГ и ЕАЭС, также звучат слова о дружбе, сотрудничестве и партнерстве. Россия была и остается одним из ключевых партнеров Республики Узбекистан, и потенциал этой взаимовыгодной дружбы еще предстоит реализовать. В официальных ресурсах россияне упоминаются в контексте дружбы и партнерства, отмечаются реализованные проекты в сфере частного бизнеса и культуры, создаются новые площадки межкультурного обмена и коммуникаций. Все подобные мероприятия сопровождаются положительными комментариями о дружбе и общей исторической памяти.

Русский язык является языком межкультурного общения, всячески развивается и охраняется: издаются новые учебники, вручаются награды учителям русского языка, проводятся конкурсы и реализуются совместные проекты по развитию русского языка с учебными заведениями Российской Федерации. Этнические русские не подвергаются никаким притеснениям, коммуникация официальных лиц пропитана духом дружбы народов и общего прошлого. Русская идентичность не запрещается, а, наоборот, поощряется. Так, выпущен указ о создании Школы спортивного мастерства Оксаны Чусовитиной¹⁵, этнически русской спортсменки, выступающей за Узбекистан, и отмечаются достижения узбекских спортсменов – этнических русских¹⁶. Республика Узбекистан активно поддерживает диалог двух культур и всячески способствует развитию духа дружбы народов в Узбекистане.

Узбекские СМИ, особенно прогосударственные, чаще размещают критические по отношению к России публикации. В большей степени они связаны с критикой СВО на Украине и стремлением двух стран к тесному сотрудничеству в интеграционных объединениях, таких как объявленный недавно проект тройственного газового союза¹⁷. Прогосударственные СМИ усматривают в этом «имперские амбиции» России и посягательства на независимость Узбекистана. Однако доля таких критических оценок не велика, в основном освещаются успешные совместные договоренности и проекты. СМИ, считающиеся оппозиционными, и вовсе не транслируют коммуникацию негативного характера, приглашают российских экспертов для интервью и публикуют комментарии российских деятелей науки.

Отрицательно окрашенные материалы также связаны с оценками СВО на Украине и последствиями для мировой экономики, где Узбекистану приходится прини-

14 Декларация о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // Официальные сетевые ресурсы Президента России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5839>.

15 О мерах по созданию Школы спортивного мастерства по гимнастике Оксаны Чусовитиной // Ózbekstan mámlaketlik Dene tárbiyası hám sport universiteti Nókis filiali: сайт. URL: <https://uzdjtsunf.uz/en/6604/>.

16 Бирмингем-2022: сегодня будем болеть за Фетисову и Латышеву // Национальный Олимпийский Комитет Узбекистана: сайт. URL: <https://www.olympic.uz/ru/news/2999>.

17 Россия, Казахстан и Узбекистан ускорят следующий этап исследования инфраструктуры для поставок газа // neftegaz.ru: сайт. URL: <https://neftegaz.ru/news/partnership/769778-rossiya-kazakhstan-i-uzbekistan-uskoryat-sleduyushchiy-etap-issledovaniya-infrastruktury-dlya-postav>.

мать новую реальность без возможности влиять на глобальные процессы. В целом же материалы, посвященные русским и россиянам, в большей степени имеют позитивный окрас – публикуются статьи о дружбе народов, релокантах и их адаптации в новой стране, культурных проектах двух стран по поддержанию диалога дружбы и общей исторической памяти.

Русский язык и идентичность сопровождаются исключительно положительными комментариями и оценками, освещаются события, связанные с развитием русского языка, достижениями этнических русских и диалогом двух культур, которые сосуществуют в Республике Узбекистан и по сей день. Материалы СМИ рассказывают о русских учебниках и совместных образовательных проектах с российскими вузами.

Как официальные ресурсы, так и СМИ Республики Узбекистан определенно транслируют дружественную, позитивную коммуникацию по отношению к России, русским, русскому языку и русской идентичности, даже в условиях политической турбулентности последних лет. Узбекистан был и остается надежным партнером и союзником нашей страны и важно не упустить эту положительную линию наших отношений и выстраивать их на взаимоуважении, партнерстве и общей исторической памяти двух народов.

Проведенное исследование может лечь в основу более детальных исследований коммуникационного режима как Республики Узбекистан, так и других стран на постсоветском пространстве. Зачастую коммуникационные процессы, проходящие там, имеют схожую специфику вследствие исторически сложившихся особенностей. На практике данное исследование может помочь разработать и реализовать более эффективные коммуникационные стратегии взаимодействия Российской Федерации со странами ближнего зарубежья в целом и Республикой Узбекистан в частности. С другой стороны, подобные научные работы отражают позицию российских исследователей, трансляция которой для наших партнеров тоже является частью коммуникации, исходящей от Российской Федерации.

Список источников

1. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы [Communication modes as a factor of inter-country interactions: problem statement] // Международная жизнь. 2020. № 10. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2409>.
2. Комлева В.В. Секьюритизация национальной идентичности в коммуникационных режимах стран Центральной Азии [Securitization of national identity in the communication regimes of Central Asian countries]. Материалы XII Международной ялтинской конференции «Особенности современных интеграционных процессов на постсоветском пространстве» // Международная жизнь. 2021. № 12. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2594>.
3. Комлева В.В., Шевелева Ю.Р. Рейтинг дружественности страновых коммуникационных режимов – 2021 [Rating of friendliness of country communication modes – 2021] // Россия и мир: научный диалог. 2022. No 1. С. 216–223. URL: <https://www.russia-world.ru/jour/article/view/54>.
4. Lasswell H.D. The Analysis of Political Behaviour. Taylor & Francis, 2013.
5. Berelson B. Content Analysis in Communication Research. Glencoe: Free Press, 1952.
6. Blumer H. Symbolic interactionism; perspective and method. Prentice-Hall, 1969.
7. Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. – Princeton University Press, 1984.

8. Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs, 2009.
9. Wolfers A. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Johns Hopkins Press, 1962.

Информация об авторе

ВАСИЛЕНКО Антон Владимирович. Аспирант 3-го курса направления «Политическая культура и идеология» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, <https://orcid.org/0009-0004-7575-8382>. Адрес: Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, anton.vasilenko25@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 октября 2023. Одобрена после рецензирования: 8 ноября 2023. Принята к публикации: 15 ноября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Gasumyanov V.I., Komleva V.V. Communication modes as a factor of inter-country interactions: problem statement. *International life*. 2020, 10. Available from: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2409> [In Russian].
2. Komleva V.V. Securitization of national identity in the communication regimes of Central Asian countries. *Materials of the XII International Yalta Conference "Features of modern integration processes in the post-Soviet space"*. *InternationalLife*. 2021, 12. Available from: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2594> [In Russian].
3. Komleva V.V., Sheveleva Yu.R. Rating of friendliness of country communication modes – 2021 (Rating of friendliness of country communication modes – 2021). *Russia and the world: scientific dialogue*. 2022, 1: 216-223. Available from: <https://www.russia-world.ru/jour/article/view/54> [In Russian].
4. Lasswell H.D. *The Analysis of Political Behaviour*. Taylor & Francis, 2013 [In English].
5. Berelson B. *Content Analysis in Communication Research*. Glencoe: Free Press, 1952 [In English].
6. Blumer H. *Symbolic interactionism; perspective and method*. Prentice-Hall, 1969 [In English].
7. Keohane R.O. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press, 1984 [In English].
8. Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs, 2009 [In English].
9. Wolfers A. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Johns Hopkins Press, 1962 [In English].

About the author

Anton V. VASILENKO. 3rd-year postgraduate student on “Political Culture and Ideology” of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0004-7575-8382>. Address: 119571, 82, building 1, Vernadsky Av., Moscow, Russian Federation, anton.vasilenko25@gmail.com <https://orcid.org/0009-0004-7575-8382>.

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: October 15, 2023. Approved after review: November 8, 2023. Accepted for publication: November 15, 2023. Published: December 15, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ
Социальная структура, социальные институты и процессы.
Политическая социология
CHANGING SOCIETY
Social Structure. Social Institutions and Processes

Научная статья

Социологические науки

УДК: 314.1(575.2)(04)

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

К вопросу об этнодемографических изменениях в Кыргызстане в 1920–1930-е гг.

Сайкал Чубаковна Жумалиева ✉

Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына, Бишкек,
Кыргызстан

saikal.zhumaliev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4875-3453>

Аннотация. В статье анализируется спектр проблем, обусловленных сложной динамикой этнодемографических процессов в условиях автономной и союзной государственности Кыргызстана. Особое внимание уделено неоднозначному влиянию миграционных процессов на изменения численности, национального и социального состава населения. Показано, что масштабные социально-экономические преобразования обусловили новые явления в демографической и миграционной динамике населения Кыргызстана. Вводятся в оборот новые источники, проводится сравнительный анализ статистических данных об этнодемографических процессах, в том числе на примере отдельных наиболее показательных регионов республики. Сделан вывод о том, что взаимодействие и адаптация разных этносов привели к культурному обогащению региона и усложнению межэтнического взаимодействия.

Ключевые слова: Кыргызстан, этнодемография, этнический состав населения, миграция, советская национальная политика

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран. Научный руководитель – Киселева Дина Ахметжановна, д.и.н., профессор, г.н.с. ИРИ РАН.

Для цитирования: Жумалиева С.Ч. К вопросу об этнодемографических изменениях в Кыргызстане в 1920–1930-е гг. // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, <https://orcid.org/0009-0001-4875-3453>

Original article

Sociological Sciences

<https://orcid.org/0009-0001-4875-3453>

On the issue of Ethnodemographic Changes in Kyrgyzstan in the 1920s-1930s

Saikal Ch. Zhumaliev ✉

Kyrgyz National University named after J. Balasaga, Bishkek, Kyrgyzstan
saikal.zhumaliev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4875-3453>

Abstract. The article analyzes a number of problems caused by complex ethnodemographic processes in the situation of autonomous and union statehood of Kyrgyzstan. Special attention is paid to the ambiguous influence of migration processes on changes in the number, national and social composition of the population. It is shown that large-scale socio-economic transformations have caused new phenomena in the demographic and migration situation. New sources are put into circulation, a comparative analysis of statistical data on ethnodemographic processes is carried out, including on the example of some of the most representative regions of the republic. It is concluded that the interaction and assimilation of different ethnic groups led to the cultural enrichment of the region and the complication of interethnic interaction.

Keywords: Kyrgyzstan, ethnodemography, ethnic composition of the population, migration, Soviet national policy.

Acknowledgements: The article was prepared according to the International Academic Mobility Program organized for young scientists from foreign countries by the National Research Institute for the Communications Development. Scientific supervisor - D.A. Kiseleva, Doct. Sc. (Hist.), Professor, PhD, IRI RAS.

For citation: Zhumaliev S.Ch. On the issue of Ethnodemographic Changes in Kyrgyzstan in the 1920s-1930s. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 4(10): XX-XX, <https://orcid.org/0009-0001-4875-3453>

Введение

Кыргызстан – поликультурное и многонациональное государство, и изучение динамики этнодемографических изменений помогает понять, как формировались и взаимодействовали на его территории разные этнические группы, что важно для обеспечения культурного разнообразия и социокультурной интеграции в современном обществе.

Особенно актуально исследование динамики этнодемографических изменений в Кыргызстане с 1920-х по 1930-е гг., когда складывалось государственное устройство и трансформировалась территориальная организация, а также этнический состав населения. До революции Кыргызстан был разделен на разные административно-территориальные единицы и не имел единого политического пространства. Образование Кара-Кыргызской автономной области и изменение ее статуса вплоть до конца 1930-х гг. способствовало укреплению возможностей республики в социально-экономическом и культурном развитии. В условиях масштабных преобразований происходили различные демографические изменения, в том числе миграционные процессы, которые повлияли на население и национальный состав, сделав его более сложным и разнообразным.

Историко-демографические исследования Центральной Азии, включая периоды до и после революции 1917 г., включают работы таких ученых, как Г.К.Кронгардт [14] и Н.Е.Бекмаханова [4], каждый из которых рассматривал демографические аспекты и историю населения в разных временных рамках. В советское время изучение этнодемографического развития Кыргызстана, включая 1920–1950-е гг., было ограничено концепцией классового подхода. В работах Н.Е.Бекмахановой, Г.К.Кронгардта, В.С.Желуховцева предметно рассматривались изменения социальной структуры населения в демографическом контексте и динамика численности социальных групп. Так, В.С.Желуховцев [8] привлек широкий круг источников для анализа динамики численности по социальным группам. В.М.Плоских [21] представил историко-демографический анализ изменения численности населения республики до середины XX в. Эти исследования демонстрируют разнообразные аспекты демографического развития Кыргызстана, включая социокультурные и профессионально-образовательные изменения, характерные для 1920–1930-х гг. Однако сохранялась неравномерность изучения этнодемографических процессов в Кыргызстане при определенной неполноте источников, и в новейшее время появилась возможность более цельного анализа численности и этнического состава населения с учетом современных методологических инструментов и вновь выявленных источников.

Отечественные историки основное внимание уделяют социокультурным и демографическим трансформациям населения Кыргызстана. Наиболее активно этими вопросами занимается Ш.Д.Батрыбаева [3]. Она дает общую характеристику таких изменений в первой половине XX в., обобщает данные о социальной и образовательно-профессиональной структуре Кыргызстана, связанные с его демографическим развитием. Ее труды охватывают вопросы социально-территориальной динамики, изменения в социальных классах и профессиональной структуре, а также уровень образования и культуры населения как отражение успехов социалистической системы, с учетом этнического разнообразия населения. А.Т.Кушубеков [16] фокусируется на изучении изменения этнического состава населения Кыргызстана в XX в. Автор анализирует их с учетом миграций, ассимиляции, формирования новых этнических групп и других факторов, влияющих на структуру населения региона.

Труды российских ученых, таких как К.Кулматов [15], В.Б.Жиромская [9], Ф.Л.Лицын [17], а также имеющие методологическое значение обобщающие исследования

[1, 19] показывают важные теоретические подходы и содержат ценные данные о численности, составе населения и социально-политических изменениях на территории современного Кыргызстана. Актуальность данной статьи заключается в рассмотрении ряда конкретных вопросов, выявлении новых фактов и углублении понимания этнодемографических процессов, с акцентом на их значение для динамики социальной структуры и особенностей межэтнических коммуникаций в период наиболее интенсивных политических, социально-экономических и культурных преобразований.

Цель статьи заключается в проведении анализа ключевых факторов, оказавших влияние на этнодемографическую динамику страны, с целью установления качественных изменений в национальном составе и социальной структуре Кыргызстана в 1920–1930-е гг.

Материалы и методы

Для достижения этой цели использовались различные источники данных, в том числе опубликованные документы, архивные материалы, статистические отчеты и исторические документы, а также данные переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг. Для анализа этнодемографических процессов в Кыргызстане в указанный период на основе принципов объективности, историзма, системности и компаративизма использовались различные методы, в том числе классификационные, проблемно-хронологические, статистические, синхронистические и др.

В частности, проблемно-хронологический метод позволил выявить ключевые проблемы и события, хронологически связанные с этнодемографическими изменениями в выбранный период, а также проанализировать их влияние на социально-экономическое развитие региона, в том числе на динамику экономического развития региона, состав населения и миграционные процессы.

Сравнительный и синхронистический методы были использованы для сопоставления данных о демографических процессах в Кыргызстане с данными других республик и регионов, соотношения между этническими группами в республике.

Статистический метод чрезвычайно важен для количественного анализа изменений численности населения, возрастной структуры, распределения по полу и этнической принадлежности, а также для изучения динамики миграционных процессов.

Результаты исследования

Важным этапом в истории Кыргызстана было образование Кара-Кыргызской автономной области (АО) в составе РСФСР в 1924 г. Она стала первым государственным образованием на территории Кыргызстана. Создание автономной области предоставило кыргызскому народу уникальную возможность осуществить свое право на самоопределение и способствовало сохранению и развитию их культуры, традиций

и языка. Кара-Кыргызская автономная область стала центром объединения кыргызов из разных регионов, способствуя их сближению и этнической консолидации.

Развитие государственности Кыргызстана в изучаемый период происходило достаточно быстро, и на каждом этапе происходило повышение ее политического статуса. В 1925 г. в ходе национально-территориального размежевания в Средней Азии Кара-Кыргызская автономная область получила большие политические, социально-экономические и культурные возможности для дальнейшего развития, но руководство автономии добивалось дальнейшего повышения статуса. В итоге в апреле 1927 г. она стала Кыргызской Автономной Советской Социалистической Республикой (АССР) в составе РСФСР – самой большой союзной республики СССР. Наконец, в 1936 г. республика стала союзной (Киргизская ССР), укрепляя свой статус и организационно-институциональные, кадровые, финансовые, материально-технические, социальные возможности для дальнейшего развития.

Произошли и существенные изменения в организации территории проживания различных этнических групп. К 1917 г. сложность ситуации определялась раздробленностью Кыргызстана в административно-территориальном отношении: северная часть находилась в составе Семиреченской и Сырдарьинской, а южная – входила в состав Ферганской и Самаркандской областей Туркестанского края. В этих областях кыргызы составляли национальное меньшинство, что мешало консолидации, социально-экономическому и культурному развитию народа.

Создание Кара-Кыргызской АО привело к объединению названных территорий в целостную административную единицу. Она объединила регионы, которые ранее принадлежали к разным областям Туркестанской АССР, включая Караколский и Нарынский уезды, часть Жетысуйской (Семиреченской) области, 10 волостей Андижанского уезда, 10 волостей Наманганского уезда, 5 волостей Ферганского уезда, 2 волости Кокандского уезда и Ошский уезд, а также Ферганскую область и 14 волостей (Таласский участок) Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области [12, с. 174]. Эти области, уезды и волости оставались без изменений до 1930 г., когда было проведено очередное административное перераспределение, в ходе которого, как и по всей стране, республика перешла к районной системе. Вместо прежних округов и кантонов в республике было создано 24 района. Объединение округов и кантонов при районировании серьезно не повлияло на расселение кыргызов и представителей других народов, но новое деление увеличило численность населения в административных единицах. К тому же в каждой административной единице менялась численность предприятий и хозяйств, то есть экономическая мощь, а также перестраивались условия для хозяйственных связей между регионами республики. В случае смешанного национального состава это влияло и на характер межэтнических отношений.

В результате преобразований в экономике Кыргызстана во второй половине XX в. поменялась структура населения. Появились новые социально-профессиональные группы, включая рабочих, колхозников и интеллигенцию. Сельское хозяйство республики претерпело ряд реформ, начиная с проведения земельно-водной, в рамках которой избыток земли у хозяйств, превышающий установленные нормы, подлежал изъ-

тию, а весь земельный фонд распределялся среди трудового населения независимо от пола и национальности, среди дехканских хозяйств, нуждающихся в земле. Всего было проведено землеустройство для 18 587 хозяйств [5, с. 137]. Земельно-водная реформа способствовала изменениям в социокультурном пространстве Кыргызстана, создавая более справедливые условия для различных национальных и социокультурных групп, способствуя большему разнообразию и хозяйственному взаимодействию между ними.

Советская власть активно проводила политику переселения в рамках коллективизации сельского хозяйства в Кыргызстане, что существенно повлияло на этнодемографические процессы. Процесс оседания населения, особенно кочевых кыргызов, и изменение их культурной и экологической среды требовали внедрения новых жилищных форм, а коллективизация привела к реорганизации сельского хозяйства и трудовых отношений. Это противоречивым образом сказалось на образе жизни представителей всех национальностей, оказало значительное воздействие на социокультурные аспекты, религиозные верования, поведенческие нормы, экономическую активность и образование кыргызов и представителей других народов автономии. Происходила сложная адаптация традиций и обычаев к новым условиям жизни.

Важным фактором этнодемографических изменений в Кыргызстане стало и промышленное развитие: в силу объективного и острого дефицита национальных кадров в значительной мере оно осуществлялось за счет приезжих специалистов и рабочих из других регионов Советского Союза. Несмотря на то, что республика изначально рассматривалась как поставщик сырья, здесь было построено множество заводов и фабрик, развивалась пищевая, легкая, угольная и тяжелая промышленность, велось строительство инфраструктуры, включая железные и автомобильные дороги и электростанции. Процесс индустриализации усилил приток мигрантов из других регионов СССР, в основном инженерно-технических специалистов и квалифицированных рабочих. Новые рабочие коллективы формировались как многонациональные, и опытные кадры обучали местных жителей необходимым навыкам. Однако вовлечение кыргызов в промышленное производство ограничивалось рядом факторов, таких как социально-экономическая и культурная отсталость региона, низкая плотность населения, низкий уровень урбанизации среди коренного населения и влияние патриархальных традиций, что затрудняло переход к городскому образу жизни и работе на промышленных предприятиях [6]. В целом в указанный период в Кыргызстане наблюдались значительные изменения как в численном, так и в качественном составе рабочего класса, отраслевой состав индустриальных рабочих стал разнообразнее. Реформы способствовали процессу межэтнической интеграции и росту социальной мобильности коренного населения. В результате регион становился более культурно разнообразным и индустриальным, что оказало значительное влияние на укрепление кыргызской государственности.

Ключевую роль сыграли и культурные новации. Кампания по ликвидации неграмотности создала основы для введения всенародного образования. Если вначале она вызывала негативное отношение населения, то к 1930-м гг. грамотность стала ключевым фактором социальной адаптации, и кампания стала массовой, что обеспечивало качественно новый облик киргизской нации.

Демографические процессы развивались инерционно: на протяжении 1920–1930-х гг. рождаемость в стране оставалась традиционной. В общем анализе этнодемографических процессов в Кыргызстане, включая численность населения, его этнический состав, образовательный уровень и множество других характеристик, фундаментальную роль играют данные переписей населения за 1926, 1937 и 1939 гг.

Так, в 1927 г. общее население Кыргызстана составляло 993,004 человека. К 1939 г. оно достигло 1 458 213 человек. Средний механический прирост населения за 1937 и 1938 гг. составил 23 579 человек. С 1927 по 1939 г. механический прирост населения составил 329 534 человека. Следовательно, с 1927 по 1939 г. за счет естественного движения прибывшего извне населения повысился общереспубликанский показатель, который в итоге составил 38,4% [13, с. 331-335].

Это свидетельствует о том, что большая часть прироста населения в Кыргызстане в указанный период была обусловлена механическими факторами, включая миграцию, депортации и выселения в связи с массовыми репрессиями. Например, депортация народов из приграничных районов, переселение корейского, китайского и других этносоциальных групп обусловили общий рост численности населения республики [13, с. 331-335]. К тому же эти изменения сформировали новую демографическую картину Кыргызстана и существенно повлияли на структуру и состав его этнокультурного пространства (см. табл. 1.).

Рост населения Кыргызской ССР с 1927 по 1939 г. был обусловлен несколькими факторами: приток рабочей силы извне для выполнения плана первой пятилетки; стихийная миграция, вызванная экономическими трудностями в центральных регионах СССР; переселение в Кыргызстан казахов, переживших голод в 1932 г.; размещение раскулаченных крестьян в рамках процесса коллективизации.

На втором этапе, с 1933 по 1936 г., общая численность населения Кыргызской АССР в результате миграционных процессов увеличилась на 81 234 человека. Однако механический прирост населения был значительно меньше по сравнению с первым этапом, причем точное определение его годовых темпов затруднено из-за сложных обстоятельств. Известно, что ошибки и перегибы в социалистических преобразованиях, особенно в сельском хозяйстве, а также привлечение людских ресурсов для индустриализации обусловили демографические кризисы и катастрофы в отдельных регионах. Эти факторы оказали влияние на стихийную миграцию крестьян в условиях голода, а также временное приостановление массового переселения в отдаленные районы, включая Кыргызстан [3, с. 119]. Следует заметить, что на повышение механического прироста повлияло и начавшееся размещение на территории республики депортированных из западных регионов СССР этносоциальных групп.

Людей, отправленных в «кулацкую ссылку» до 1934 г., называли спецпереселенцами, с 1934 по 1944 г. они именовались трудопоселенцами, а с марта 1944 г. снова стали называть спецпереселенцами. С 1949 г. они получили наименование спецпоселенцев. В разные периоды времени количество спецпереселенцев или трудопоселенцев в Советском Союзе достигало огромных цифр. Например, на 1 января 1932 г. было зафиксировано 1 317 022 человека, в 1933 г. – 1 142 084, в 1934 г. – 1

Таблица 1. Демографическая динамика населения Кыргызстана (1927–1939) [3]
Table 1. Demographic dynamics of the population of Kyrgyzstan (1927-1939) [3]

Годы	Рост населения Всего на 1/1	В том числе за год		Иссык-Кульская	Тянь-Шанская	Ошская, Джалал-Абадская	Фрунзенская	Итого
		Естественный рост населения	Механический рост населения					
Динамика роста населения				Динамика численности кыргызского населения по областям				
1927	993004	1012864	15440	97,9	336,6	144,6	661,2	97,9
1928	1028304	1033121	28690	99,3	341,3	146,6	670,3	99,3
1929	1061811	1051718	44660	100,7	346,1	148,7	679,8	100,7
1930	1096378	1067493	94320	102,1	350,9	150,8	689,4	102,1
1931	1161813	1081371	173320	103,6	356,2	153,1	699,8	103,6
1932	1254691	1092293	200160	105,2	361,2	155,4	710	105,2
1933	1292453	1051878	220468	106,9	366,9	157,7	721	106,9
1934	1272344	1061345	240776	108,5	372,4	160,1	731,8	108,5
1935	1302117	1074081	260845	110,2	377,6	162,5	742,6	110,2
1936	1335159	1089118	281393	112,2	383,6	165,1	754,7	112,2
1937	1370503	1108722	305463	113,8	389,7	167,7	766,5	113,8
1938	1414181	1128679	329534	115,6	395,9	170,4	778,7	115,6
1939	1458213			117,4	402,3	173,1	791,1	117,4
Перепись 1939 г.				117,0	403,5	141,9	754,6	117,0
Расхождение				0,4	1,2	-31,2	36,7	0,4

Источник: Подсчитано по данным: Батырбаева Ш.Д. Население Кыргызстана в 20–50-е годы XX века: Историко-демографический анализ. Бишкек, 2003

Source: Calculated according to: Batyrbayeva Sh.D. The population of Kyrgyzstan in the 20-50s of the XX century: Historical and demographic analysis. Bishkek, 2003

072 546, в 1935 г. – 973 693, в 1936 г. – 1 017 133 человека, в 1937 г. – 916 787, в 1938 г. – 877 651, в 1939 г. – 938 552 [11, с. 150-151]. Однако эти цифры, вероятно, недооценивают реальное количество поселенцев, поскольку среди раскулаченных крестьян имела высокая смертность, было много случаев побегов. Кроме того, некоторую часть раскулаченных крестьян переселяли в другие регионы, включая Кыргызстан. С начала 1930-х гг. началась новая волна насильственных переселений. Официально она оправдывалась целью обеспечения безопасности и стабильности в различных регионах страны, а также уменьшения криминальной активности, в том числе в межнациональных отношениях.

С 1935 г. в течение трех лет происходила депортация народов Прибалтики, в результате в республику были переселены 27 тыс. граждан финской национально-

сти. По постановлению СНК СССР № 776-120 от 28 апреля 1936 г. были выселены 45 000 поляков и немцев из приграничных районов с Польшей, Украиной и Белоруссией. В последующем было также депортировано свыше 35 820 поляков. Всего в СССР были переселены 172 тыс. корейского и 11 тыс. китайского населения и несколько сот поляков с Дальнего Востока; из Закавказья были депортированы 1 325 граждан курдской национальности, из них 812 – в Кыргызскую ССР [13, с. 331-335].

Меж тем в 1932 и 1933 гг. в отдельных регионах Кыргызстана имел место голод, который и явился основной причиной демографического кризиса. Самыми уязвимыми в эти годы оказались жители зерновых районов Таласской и Чуйской долин, частично Иссык-Кульской котловины, так как они несли основную нагрузку по реализации планов заготовки хлеба и не имели льгот, то есть специальной разрядки по снабжению хлебом, которые касались только животноводческих и хлопководческих районов республики. Голод в Чуйской и Таласской долинах, частично в Иссык-Кульской котловине носил такой же, как и в Казахстане, угрожающий характер. К тому же именно в этих районах в основном размещались мигрировавшие из-за голода жители Сибири и Казахстана, тем самым усугубляя не только тяжелое положение по обеспечению хлебом местного населения, но еще и распространяя эпидемические заболевания, которые, как известно, усилились в такие неблагоприятные годы. И, наконец, именно с территории этих регионов из-за близости к центральным трассам осуществлялся вывоз хлеба. Поэтому ранее установленная в отношении всей республики величина исчисленного темпа среднегодового прироста кыргызского населения Фрунзенской и Иссык-Кульской областей была гораздо ниже, чем в других регионах.

1) 1926–1929 гг. В ходе проводимой социально-экономической политики улучшаются медицинское обслуживание и материальное положение населения, проявляется забота о женщинах и детях и т.п. Хотя в 1928 г. была вспышка чумы, благодаря работникам медицины ее удалось предотвратить за короткий срок¹. В целом темп ежегодного роста за эти годы для регионов оставался таким же, как и по всей республике, – 1,4%;

2) 1930–1931 гг. – начальная фаза проявления негативной тенденции в демографическом развитии в результате реализации необоснованно завышенных планов заготовок сельскохозяйственных продуктов в ходе коллективизации и процесса оседания. Начавшиеся положительные сдвиги в естественном движении приостанавливаются. Но последствия ухудшения социально-экономических условий проявлялись позднее, а в рассматриваемые годы, наоборот, продолжалось позитивное проявление проводившейся с середины 1920-х гг. целенаправленной работы среди коренных жителей по сокращению смертности, особенно детской. Вплоть до открытого проявления голода и последствий джута в 1931 г. идет прогрессивный прирост населения, поэтому и общереспубликанский темп прироста оставался без изменений для жителей двух областей, а именно – 1,5%;

1 Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину / Авт. вступ. ст. Дж. Джунушалиев, И.Е.Семенов; Худож. А.И.Ерошенко. Фрунзе: Кыргызстан, 1991. С. 106.

Таблица 2. Относительный темп роста населения Кыргызстана по отдельным народностям с 1926 по 1939 г. (в %)²
Table 2. The relative growth rate of the population of Kyrgyzstan by individual nationalities from 1926-1939. (in %)³.

Национальность	Киргизы	Русские	Узбеки	Украинцы	Уйгуры	Дунгане	Татары	Немцы	Азербайджанцы	Таджики	Казаки	Мордва	Арабы
Мужчины	111,5	256,7	136,1	211,2	124,4	98,9	395,6	264	221,4	407,7	1531,7	736,4	64,8
Женщины	116,8	263,6	140,3	217,0	108,5	91,6	422,8	283,3	162,2	390,8	1209,5	862,9	76,6
Всего	114,1	260,1	138,1	214,1	177,8	98,6	408,3	273,6	193,8	400,1	1357,0	793,8	69,9

Источник: Подсчитано по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. У111. С. 216–217; Российский государственный архив экономики Российской Федерации. Ф. 1562, оп. 336, д. 265, л. 9

Source: Calculated according to: The All-Union Population Census of 1926, vol. VIII:216–217; The Russian State Archive of the Economy of the Russian Federation. F. 1562, inv. 336, case 265, sh. 9

3) 1932–1933 гг. – самый тяжелый этап в демографическом состоянии населения, так как, несмотря на снижение госпланов сельскохозяйственных заготовок, в результате не только ошибочной политики по отношению к крестьянству, но еще и природных катаклизмов (джута, неурожая) обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов оказались непосильными, усугубив и без того тяжелое положение сельских жителей. Дальнейшее распространение массовых инфекционных болезней и мобилизация всех ресурсов для завершения первой пятилетки, включая людские, привели к повышению смертности. В итоге по всей республике наблюдался скрытый голод, а в долинных районах Таласа, Чуй, частично в Иссык-Кульской котловине были наиболее сильные его проявления, следствием которых стали большие человеческие потери.

Все основные людские потери в этих областях пришлось на 1933 г., поскольку улучшение или ухудшение социально-экономических условий жизни населения сказывались в демографическом плане постепенно, тогда как голод и эпидемия острозаразных болезней, охватывающих большие территории, проявлялись незамедлительно, увеличивая смертность как среди детей, так и взрослых, тем самым резко снижая естественный прирост. Об этих кризисах, кроме воспоминаний представителей старшего поколения, косвенно свидетельствуют данные о распространении острозаразных болезней по республике, причем свыше 80% зарегистрированных инфекций за февраль и март 1933 г. относится к Фрунзенской области.

2 Подсчитано по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. У111. С. 216–217; Российский государственный архив экономики Российской Федерации. Ф. 1562, оп. 336, д. 265, л. 9.

3 Подсчитано по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. У111. С. 216–217; Российский государственный архив экономики Российской Федерации. Ф. 1562, оп. 336, д. 265, л. 9.

Результаты переписей 1926 и 1939 гг. выявили существенные изменения в численности не только кыргызов, но и других этнических групп населения республики. Можно сделать вывод о том, что резкое увеличение численности татар, таджиков, мордвы и казахов могло вызвать изменения в географическом распределении населения, что, в свою очередь, могло повлиять на этнический состав населения в различных регионах. Рост числа русских и представителей других национальностей может быть связан и с плановыми переселениями. Насильственная миграция также могла внести свой вклад в изменение численности этнических групп (см. табл. 2).

В целом в первой трети XX в. произошли значительные изменения в этнокультурном пространстве Кыргызстана, обусловленные в том числе миграциями населения. Эти изменения в этнической структуре стали ключевыми факторами, формирующими дальнейшее демографическое и культурное развитие республики. Разные этнические группы мигрантов привнесли свои традиции, обычаи и знания в общественную жизнь Кыргызстана, что определенным образом влияло на культуру и демографическую структуру коренного населения. Важно отметить, что представители переселенцев разных национальностей, как правило, обладали более высоким уровнем культурного, образовательного и профессионального развития по сравнению с местным населением, что способствовало обмену знаниями и навыками, а также повышению общего культурного уровня населения, особенно в экономически и культурно значимых сферах жизнедеятельности.

Важную роль в изменении социальной структуры и уровня образования населения в 1920–1930-е гг. сыграло перераспределение населения между сельскими и городскими районами. Это происходило вследствие индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и создания новых образовательных и культурных институтов, что способствовало трансформации всего общества. Доля городского населения выросла с 12,2 до 18,5% от общей численности населения, то есть увеличение на 220,8%. Развитие городов, включая Нарын, Фрунзе и Кызыл-Кия, где численность городского населения увеличилась более чем в два раза, означало не только ускоренную урбанизацию, но и повлияло на расселение кыргызов и представителей других этнических общностей. С учетом скорости роста городского населения на фоне других областей выделяется Джалал-Абадская область, за которой следует Тянь-Шанская. По абсолютному приросту городского населения на первом месте оказалась Фрунзенская область, а на втором – Ошская. В 1939 г. доля городского населения в общей численности Кыргызстана составила около 40,9% (см. табл. 3).

В целом в 1920–1930-е гг. в Кыргызстане произошел значимый рост городов, связанный с развитием промышленности. Это включало строительство новых промышленных объектов и создание условий для развития городской жизни. Около 30% городского населения составляли местные жители, но большинство были русскими и представителями других национальностей с более высоким уровнем образования и профессиональной подготовки. Города стали промышленными, административными и образовательными центрами. Механизация на предприятиях, открытие учебных заведений требовали от горожан повышенного уровня образования и профессиональных

Таблица 3. Рост городского населения с 1926 по 1939 г. и его доля в общей численности [1]
Table 3. Urban population growth from 1926 to 1939 and its share in the total population[1]

Области	1939 г., в % к 1926 г.			% городского населения	
	Городское население	Сельское население	Всего	На 17/X11 1926	На 17/1 1939
Киргизская ССР	220,8	135,1	145,6	12,2	18,5
Области					
Джалал-Абадская	287,2	133,3	141,4	5,3	10,7
Иссык-Кульская	199,2	121,7	129,4	9,9	15,3
Ошская	175,6	135,6	141,8	15,5	19,2
Тянь-Шанская	278,9	118,5	121,0	1,6	3,6
Фрунзенская	251,5	150,3	168,9	18,3	27,3

Источник: Подсчитано по данным: Батырбаева Ш.Д. Население Кыргызстана в 20–50-е годы XX века: Историко-демографический анализ. Бишкек, 2003

Source: Calculated according to: Batyrbayeva Sh.D. The population of Kyrgyzstan in the 20-50s of the XX century: Historical and demographic analysis. Bishkek, 2003

навыков. Этот процесс сделал Кыргызстан более социально разнообразным, образованным и современным, повлияв на динамику идентичности и образ жизни населения. Так, грамотность предоставляла возможность усвоения современных культурных норм и образцов поведения, а также активной социальной мобильности в профессиональной области и гражданской сфере. Сравнительный анализ половозрастной и этнической структуры городского и сельского населения также выявил значительные различия в уровне грамотности, особенно между мужчинами и женщинами. Эти различия играли важную роль в формировании демографического ландшафта в указанный период.

Основными направлениями реализации культурной революции в Кыргызстане в первые годы существования советской власти были создание системы народного образования, в первую очередь школьной сети, и ликвидация неграмотности взрослого населения республики. Следует подчеркнуть, что языковая политика являлась одной из узловых проблем культурных преобразований первых лет советской власти. Основной составляющей данной проблемы, несомненно, была идеологическая. Мы можем с уверенностью утверждать, что импульс развитию кыргызского языкознания как науки был придан благодаря проведению широкомасштабной кампании по ликвидации неграмотности в стране. Именно в рамках культурной революции стало возможным решение одного из самых судьбоносных вопросов кыргызской государственности – вопроса о языке, его письменном оформлении и, как следствие, – об обретении им статуса национального языка. Создание системы народного образования в Кыргызстане было сопряжено с целым рядом существенных проблем, характерных для того времени: становление новой государственности, гражданская война, голод и разруха, и, как следствие, дефицит денежных средств, отпускаемых РСФСР на нужды социальных программ.

Между переписями 1926 и 1939 гг. в Кыргызстане в целом произошло значительное улучшение уровня грамотности населения. В 1926 г. в городах только 42,2% молодых людей (9–19 лет) были грамотными, а в сельских районах этот показатель составлял 16,1%. Однако к 1939 г. процент грамотности вырос во всех возрастных группах и в обоих местах проживания. В городах грамотных стало 95,9% молодых людей, а в сельских районах – 91,3%. Общий процент грамотности населения составил 93,4% [3, с. 187]. Эти изменения свидетельствуют об успешных усилиях государства по распространению образования и повышению уровня грамотности, что серьезно способствовало социальному прогрессу в тех формах, которые оказались наиболее востребованными в ходе форсированного курса на модернизацию.

В результате демографических и миграционных процессов этнокультурное пространство республики становилось более сложным, увеличилась мобильность населения и изменилась его социальная структура. Этнический состав населения также претерпел значительные изменения, оказав глубокое влияние на социально-экономическое развитие Кыргызстана в указанный период. Рождались новые формы и способы взаимодействия и взаимной адаптации различных этнических групп. Новые переселенцы внесли в повседневную жизнь республики свои культурные особенности и традиции, учились у коренных жителей навыкам организации быта и труда, что привело к взаимному культурному и межэтническому обогащению, которое не исключало и противоречивые их проявления.

Во второй половине XX в. начали проявляться изменения в демографическом поведении городского населения. До конца 1930-х гг. этническая принадлежность играла решающую роль в демографических процессах, однако позднее социально-экономические и политические факторы стали оказывать свое влияние. Взаимосвязь различных культур в коллективных хозяйствах, промышленности и культурных учреждениях привела к изменениям в соотношении городского и сельского населения, социально-профессиональной структуре и уровне образования. Эти изменения повлияли на демографическое сознание и породили новое демографическое поведение городского населения уже во второй половине XX в.

Выводы

Анализ этнодемографических трансформаций в республике в 1920–1930-е гг. показал многофакторный характер их причин и последствий. Выявлено, что демографические и миграционные процессы, которые происходили в СССР в 1920–1930-е гг., в том числе в Кыргызстане, происходили под влиянием масштабных социально-экономических и культурных преобразований. Это оказало значительное влияние на этносоциальную структуру, демографические процессы и социокультурную динамику Кыргызстана. В изучаемый период произошли существенные изменения в социальной структуре Кыргызстана. Новые социальные классы – рабочие и интеллигенция – стали неотъемлемой частью общества, повышение уровня грамотности населения обе-

спечило качественное улучшение облика кыргызской этносоциальной общности, как и других народов СССР. Установлено увеличение многонациональности населения республики как следствия социально-экономических и миграционных компонентов государственной политики социалистической модернизации, нацистроительства и гражданской консолидации, которые имели противоречивый характер и результаты. Появление новых социальных классов и рост уровня грамотности стали неотъемлемой частью этих демографических изменений. Важно отметить роль политики национального самоопределения и повышения статуса Кыргызстана в составе СССР в процессе перехода традиционного кыргызского общества к модерности. Анализ совокупности полученных данных позволил сделать вывод о том, что политика переселения, принудительная миграция разных этносоциальных групп населения повлияли на межкультурные коммуникации. Они сопровождались усложнением взаимодействия и механизмов межкультурной адаптации представителей разных этнических общностей и групп, комплексное изучение которых представляется дальнейшей актуальной задачей.

Список источников

1. Аманжолова Д.А., Волобуев О.В., Кулешов С.В. и др. Национальная политика России [National policy of Russia]. Москва, 1997.
2. Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практика управления. 1917-1941 гг. [Cultural complexity of Soviet Russia: ideology and management practice]. Москва, 2020.
3. Батырбаева Ш.Д. Население Кыргызстана в 20-50-е годы XX века: Историко-демографический анализ [Population of Kyrgyzstan in the 20-50s of the XX century: Historical and demographic analysis]. Бишкек, 2003.
4. Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. – 1917 г.) [Multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (60s of the XIX century - 1917)]. Москва: Наука, 1986.
5. Будянский Д.М. Земельно-водная реформа в Южной Киргизии [Land and water reform in Southern Kyrgyzstan]. Фрунзе, 1968.
6. Джеенбекова С.С. Социокультурные изменения повседневного уклада жизни населения Кыргызстана в годы коллективизации [Sociocultural changes in the everyday way of life of the population of Kyrgyzstan during the years of collectivization]. Вестник КРСУ. 2020. Том 20. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KRSUDJEENBEKOVAS.S.22020-6.pdf>
7. Джуманалиев А. Политическое развитие Кыргызстана (20-30-е годы) [Political development of Kyrgyzstan (20-30s)]. Бишкек, 1994.
8. Желоховцев В.С. Национальная и социальная структура населения Киргизии (конец XIX - 30-е годы XX в.) [National and social structure of the population of Kyrgyzstan (late 1930s - 30s of the 20th century)] Диссертация... канд. ист. наук. Бишкек, 1987.
9. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное [Demographic history of Russia in the 1930s. A glance into the unknown]. Москва, 2001.
10. Жиромская В.Б. Особенности демографического развития России в XX веке [Features of demographic development of Russia in the twentieth century] // Вестник РУДН. 2007. №4.
11. Земсков В.Н. Спецпоселенцы [Special migrants] // Население России в 1920-1950-е годы. Численность, потери, миграции. Москва, 1994. С.145-194.
12. История кыргызов и Кыргызстана [History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. Бишкек, 1995.
13. История населения России [History of the population of Russia]. Т.1. Москва: РОССПЭН, 2000.
14. Кронгардт Г.К. Население Киргизии в последней трети XIX – начале XX века [Population of Kyrgyzstan in the last third of the 19th century - the beginning of the 20th century]. Фрунзе, 1989.
15. Кулматов К. Советы по системам и национально-государственное строительство в Средней Азии (проблемы истории и истории станогрфии) [Councils on systems and nation-state building in Central Asia (problems of history and history of stanography)]. Москва, 1992.

16. Кушубеков А.Т. Трансформация этнического состава населения Кыргызстана в XX веке [Transformation of the ethnic composition of the population of Kyrgyzstan in the twentieth century]. Дисс.... канд.ист.наук. Бишкек, 2010.
17. Лисицын Ф.Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917-1991 [The Soviet state and nomads. History, politics, population]. Москва, 2019.
18. Население России в XX веке: Исторические очерки [Population of Russia in the 20th century: Historical essays]. В 3-х томах. Отв. ред. Ю.А. Поляков. Москва, Т.1. 2000.
19. Население России в XX веке: исторические очерки [The population of Russia in the 20th century: historical essays]. В 3-х тт. Т.1. 1900-1939 гг. Москва, 2000.
20. Плоских В.В. Этносоциальная ситуация в Кыргызстане в конце XIX–начале XX века (исторический аспект) [Ethnosocial situation in Kyrgyzstan at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries (historical aspect)]. Бишкек, 2015.
21. Плоских В.М. Динамика численности населения Киргизии за 100 лет [Dynamics of the population of Kyrgyzstan over 100 years] // Известия АН Киргизской ССР. 1964, № 6. С. 20-26.
22. Батырбаева Ш.Д., Бикбулатова А.Р., Жумалиева С.Ч. и др. Полиэтническое население Кыргызстана: тенденции и динамика формирования (с конца XIX до начала XXI века): монография [Multiethnic population of Kyrgyzstan: trends and dynamics of formation (from the end of the 19th to the beginning of the 21st century): monograph]. Бишкек, 2012.

Информация об авторе

ЖУМАЛИЕВА Сайкал Чубаковна. Кандидат исторических наук. Доцент кафедры археологии, этнологии, источниковедения и историографии Института истории и регионоведения Кыргызского национального университета им. Ж.Баласагына. <https://orcid.org/0009-0001-4875-3453>. Адрес: Республика Кыргызстан, 720024, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Фрунзе 547, saikal.zhumalieva@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 октября 2023. Одобрена после рецензирования: 2 ноября 2023. Принята к публикации: 15 ноября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Amanzholova D.A., Volobuev O.V., Kuleshov S.V. ed al. National policy of Russia. Moscow, 1997 [In Russian].
2. Amanzholova D.A., Krasovitskaya T.Yu. Cultural complexity of Soviet Russia: ideology and management practice. 1917-1941. Moscow, 2020 [In Russian].
3. Baturbaeva Sh.D. Population of Kyrgyzstan in the 20-50s of the XX century: Historical and demographic analysis. Bishkek, 2003 [In Russian].
4. Bekmakhanova N. E. Multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (60s of the XIX century - 1917). Moscow: Nauka, 1986 [In Russian].
5. Budyansky D.M. Land and water reform in Southern Kyrgyzstan. Frunze, 1968 [In Russian].
6. Dzheenbekova S.S. Sociocultural changes in the everyday way of life of the population of Kyrgyzstan during the years of collectivization. Bulletin of KRSU. 2020; Vol. 20 (6). [Electronic

- resource]. Available from: <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KRSUDJEENBEKOVAS.S.22020-6.pdf> [In Russian].
7. Dzhumanaliev A. Political development of Kyrgyzstan (20-30s). Bishkek, 1994 [In Russian].
8. Zhelokhovtsev V.S. National and social structure of the population of Kyrgyzstan (late 1930s - 30s of the 20th century). Thesis... CandSc (Hist). Bishkek, 1987 [In Russian].
9. Zhiromskaya V.B. Demographic history of Russia in the 1930s. A glance into the unknown. Moscow, 2001 [In Russian].
10. Zhiromskaya V.B. Features of demographic development of Russia in the twentieth century // Bulletin of RUDN University. 2007; 4 [In Russian].
11. Zemskov V.N. Special migrants. Population of Russia in the 1920-1950s. Number, losses, migrations. Moscow, 1994:145-194 [In Russian].
12. History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan. Bishkek, 1995 [In Russian].
13. History of the population of Russia. Vol.1. Moscow: ROSSPEN, 2000.
14. Krongardt G.K. Population of Kyrgyzstan in the last third of the 19th century - the beginning of the 20th century. Frunze, 1989 [In Russian].
15. Kulmatov K. Councils on systems and nation-state building in Central Asia (problems of history and history of stanography). Moscow, 1992 [In Russian].
16. Kushubekov A.T. Transformation of the ethnic composition of the population of Kyrgyzstan in the twentieth century. thesis... Cand. Sc (Hist.). Bishkek, 2010 [In Russian].
17. Lisitsyn F.L. The Soviet state and nomads. History, politics, population. 1917-1991. Moscow, 2019 [In Russian].
18. Population of Russia in the 20th century: Historical essays. In 3 vol.. Ed. Yu.A. Polyakov. Moscow, Vol.1. 2000 [In Russian].
19. The population of Russia in the 20th century: historical essays. In 3 vols. Vol.1. 1900-1939 Moscow, 2000 [In Russian].
20. Ploskikh V.V. Ethnosocial situation in Kyrgyzstan at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries (historical aspect). Bishkek, 2015 [In Russian].
21. Ploskikh V.M. Dynamics of the population of Kyrgyzstan over 100 years. Izvestia AS Kirghiz SSR. 1964; 6:20-26 [In Russian].
22. Baturbaeva Sh.D., Bikbulatova A.R., Zhumalieva S.Ch. ed al. Multiethnic population of Kyrgyzstan: trends and dynamics of formation (from the end of the 19th to the beginning of the 21st century): monograph. Bishkek, 2012 [In Russian].

About the author

Saikal Ch. ZHUMALIEVA. CandSc(Hist). Docent of the Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Archaeology, Ethnology, Source Studies, and Historiography at the Institute of History and Regional Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University. <https://orcid.org/0009-0001-4875-3453>. Address: 547 Frunze str, Bishkek, 720024, Republic of Kyrgyzstan, saikal.zhumalieva@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: October 25, 2023. Approved after review: November 2, 2023. Accepted for publication: November 15, 2023. Published: December 15, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ
Социальная структура, социальные институты и процессы.
Политическая социология
CHANGING SOCIETY
Social Structure. Social Institutions and Processes

Научная статья

Социологические науки

УДК 378.4

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Центральная Азия как макрорегион в свете образовательных программ ФРГ: региональные доминанты изучения

Елена Алексеевна Кузьменко ✉

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Москва, Россия

ea.kuzmenko@igsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>

Аннотация. Статья посвящена выявлению политико-географического понимания границ макрорегиона Центральной Азии через анализ программ высшего образования университетов Германии. В последние два десятилетия ФРГ активно наращивает свое экономическое присутствие в данном регионе. С конца XX в. правительство Германии предпринимает систематические усилия по привлечению иностранных учащихся и укреплению репутации университетов Германии как ведущих научно-образовательных центров. В ходе анализа гуманитарных образовательных программ по изучению Центральной Азии шкала приоритетности выстраивается следующим образом: Тибет и Монголия; Китай как часть макрорегиона Центральной Азии; Иран и Афганистан; Центральная Азия / СНГ; страны Южного Кавказа. В филологических программах направления «Тюркология» повсеместно доминирует Турция с фрагментарным появлением стран Центральной Азии / СНГ. В ходе рассмотрения технических образовательных программ конфигурация макрорегиона изменила параметры: в технических программах под странами Центральной Азии понимаются в первую очередь постсоветские страны, а также Иран. Данные программы разработаны с

точки зрения потенциальных инвестиций в высокотехнологические отрасли – поэтому и проекты, и программы носят государственный характер. Ориентация на экономическую дипломатию в отношении постсоветских стран Центральной Азии отражает переход от дипломатии демократического прогресса к дипломатии экономической суверенизации стран макрорегиона.

Ключевые слова: высшее образование, магистратура, университеты Германии, Центральная Азия, СНГ

Для цитирования: Кузьменко Е.А. Центральная Азия как макрорегион в свете образовательных программ ФРГ: региональные доминанты изучения // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Central Asia as a macro-region in the Germany educational programs: regional study dominants

Elena A. Kuzmenko ✉

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia
ea.kuzmenko@igsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>

Abstract. The article is devoted to identifying the political and geographical interpretation of the boundaries of the Central Asia macro-region through an analysis of higher education programs at German universities. Over the past two decades, Germany has been actively increasing its economic presence in this region. Since the end of the twentieth century, the German government has made systematic efforts to attract foreign students and strengthen the reputation of German universities as leading research and education centers. Analyzing humanitarian educational programs for the study of Central Asia, the priority scale is built as follows: Tibet and Mongolia; China as a part of the Central Asian macro-region; Iran and Afghanistan; Central Asia CIS; countries of the South Caucasus. In philological programs Turkey dominates, with the fragmentary appearance of Central Asian CIS countries. In technical educational programs, the configuration of the macro-region changed the parameters: they include, first of all, post-Soviet countries, as well as Iran, the countries of Central Asia. These programs are developed from the point of view of potential investments in technology industries - therefore, both projects and programs are country-specific. The focus on economic diplomacy in relation to the post-Soviet countries of Central Asia reflects the transition from the diplomacy of democratic progress to the diplomacy of economic sovereignty of the countries of the macro-region.

Keywords: higher education, master's degree, universities in Germany, Central Asia, CIS

For citation: Kuzmenko E.A. Central Asia as a macro-region in the Germany educational programs: regional study dominants. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2023; 4(10): XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Введение

В современных общественно-гуманитарных науках политическое и географическое районирование зачастую не совпадают, строго географические понятия для определения регионов редко используются в междисциплинарных исследованиях [3]. Очевидным примером такого несовпадения является термин «Западная Европа», политическое и географическое наполнение которого существенно различается. Данная статья посвящена выявлению политико-географического понимания границ макрорегиона Центральной Азии через анализ программ высшего образования университетов Германии. В последние два десятилетия ФРГ активно наращивает свое экономическое присутствие в Центральной Азии, используя как собственно экономические, так и образовательные, культурные, экологические рычаги: инвестиционные и образовательные программы Германского энергетического агентства (Dena), немецкие проекты Азиатского банка развития (ADB), проекты Германской службы академических обменов (DAAD), инициативы Германского общества международного сотрудничества (GIZ) становятся платформой для расширения влияния Германии в Центральной Азии, популяризации крупных немецких компаний, обеспечения для Германии репутации покровительницы социально ответственного бизнеса, а также составления серьезной конкуренции России и Китаю в политической и экономической сферах.

Уже с конца 1990-х гг. федеральное правительство Германии было обеспокоено низким уровнем заинтересованности иностранных абитуриентов в программах высшего образования ФРГ. В совместном заявлении в 1996 г. вице-канцлера и министра иностранных дел Германии Клауса Кинкеля и министра образования, науки, исследований и технологий Юргена Рюттгерса была сформулирована следующая позиция Германии: «Федеративная Республика Германии имеет прямую заинтересованность в обучении высококвалифицированных кадров среди иностранных учащихся в высших учебных заведениях Германии. Обучение зарубежных студентов является инвестицией в будущее экономическое и научное сотрудничество Германии в самых разных уголках мира» [6, s. 15]. Поставленная задача по привлечению иностранных абитуриентов и конкурированию на рынке высшего образования с крупными вузами США и Великобритании, по сути, дала старт Болонскому процессу в Германии, в подзадачи которого входило уменьшение сроков обучения и сужение специализаций в соответствии с запросами экономики [7, s. 97-98]. Уже в начале 2000-х гг. немецкие исследователи отмечали возрастающую конкуренцию высших школ Германии не только с зарубежными вузами, но и между собой [5, s. 275], приводящую к частичному дублированию образовательных программ.

Интерес к программам высшего образования Германии (в первую очередь – к программам магистратуры) как взгляду на регион «извне» обусловлен тем, что образовательные программы являются носителем профессиональных стандартов, стержнем, формирующим представления о той или иной сфере (в данном случае – о Центральной Азии как макрорегионе). Именно эти стандарты задают дальнейший

исследовательский вектор, а также отражают запросы потенциальных работодателей в отношении приобретаемых учащимися компетенций и, соответственно, определяют карьерные устремления выпускников. Образовательные программы формируют базовое понимание молодых специалистов о географических и культурных рамках макрорегиона и определяют последующую профессиональную деятельность тех выпускников, которые не стали продолжать академический научный путь, и это понимание транслируется ими в дальнейшем в рабочем и личном кругу.

Цель данной статьи – выявить границы политико-географического понимания Центральной Азии в программах высшего образования Германии. В качестве гипотезы исследования выступает тезис о том, что самоидентификация таких стран, как Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан с Центральной Азией не означает их автоматической идентификации с этим регионом с внешнего – немецкого и, вероятно, европейского – ракурса. Сразу оговорюсь, что в задачи статьи не входило прослеживание влияния филиалов немецких университетов или партнерских высших школ в странах Центральной Азии (например, Казахстанско-немецкого университета в Алматы, посредством которого МИД Германии поддерживает развитие немецко-казахстанских связей через DAAD).

Материалы и методы

В основе эмпирической базы исследования лежат магистерские программы, так или иначе направленные на изучение Центральной Азии. В поле зрения статьи вошли программы нескольких немецких университетов и швейцарского Берна. В ходе анализа пятнадцати программ особое внимание уделялось отражению в их наименовании, содержании и требованиях к поступающим представлений о Центральной Азии. Анализ строился на принципах сопоставления географических, культурных, лингвистических и политических детерминант региона.

Для удобства и репрезентативности программы можно разделить на два вида: 1) условно-гуманитарные (культурологические, этнологические, лингвистические, исторические, экономические, мультидисциплинарные – они представляют собой большинство программ); 2) технические (инженерные, географические, энергетические, климатические). На примерах этих программ рассмотрим, как флуктуируют представления о регионе Центральной Азии в зависимости от принадлежности к этим направлениям.

Результаты исследования

Логичным будет начать с крупных междисциплинарных программ с обобщенным названием «Центральноазиатские исследования» – например, программы

«Zentralasien Studien» в Берлинском университете имени Гумбольдта¹, ориентированной на этнологию, историю, политику и культуру Центральной Азии. В рамках этой программы предлагается следующее районирование макрорегиона и, следовательно, приоритетные направления специализации: Тибет, Монголия, Синьцзян-Уйгурский район, Центральная Азия / СНГ, Афганистан, Кавказ. Из этого следует, что с позиции гумбольдтовского учебного плана Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан фактически не рассматриваются как отдельные акторы. Несмотря на сложный внутрирегиональный контекст и существующие между данными странами острые конкурентные отношения, в рамках программы по Центральной Азии они продолжают восприниматься как единое пространство, причем объединяющим элементом становится принадлежность к СНГ и вхождение, таким образом, в сферу интересов и влияния России. Продолжая развивать мысль о зонах интересов, отмечу, что в той же программе страны Центральной Азии / СНГ позиционируются как зона соревновательного взаимодействия КНР и РФ, в связи с чем немецкая позиция в регионе сталкивается с обстановкой соперничества данных политических игроков.

Один из основных акцентов данной программы – культурные идентичности, которые я склонна интерпретировать как большие нарративы о содержании национальных особенностей, традиций, выраженных в языке, ритуалах поведения, культурных и общественных предпочтениях. Тематика выстраивания идентичностей актуальна для стран Центральной Азии, но как раз в аспекте десоветизации, что находит отражение в районировании лишь косвенно.

Культурологически ориентированной является программа «Культурология Центральной Азии», учрежденная факультетом философии и истории Бернского университета². В контексте определения региональных доминант будет уместно привести цитату из анонса образовательной программы: «Изучение Центральной Азии будет сосредоточено на буддийских культурах региона. В рамках программы студенты осваивают знания по социальной, культурной и религиозной истории Тибета и Монголии». Лингвистическая подготовка учащихся идет в направлении освоения тибетского или уйгуро-монгольского языков. В качестве второго языка предлагаются китайский, персидский и узбекский. Особо отметим, что в качестве необходимого языка науки к обучающимся предъявляется требование владеть русским языком на уровне чтения и перевода научной литературы, так как заслуги отечественной науки в изучении региона признаются бесспорными. Отдельно такие страны, как Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, в программе «Культурология Центральной Азии» не фигурируют вовсе.

Дополнительным аргументом к тому промежуточному выводу, что с угла зрения германских университетов конфигурация Центральной Азии выглядит не-

1 M.A.Zentralasien-Studien. URL: <https://www.iaaw.hu-berlin.de/de/studium/ma/institut/za>.

2 Master Zentralasiatische Kulturwissenschaft. URL: https://www.philhist.unibe.ch/studium/studienprogramme/master_zentralasiatische_kulturwissenschaft/index_ger.html.

сколько иначе, чем с привычного в России ракурса, приведем в пример крупнейший университет Баварии – Мюнхенский университет имени Людвиг и Максимилиана. Самостоятельной программы по Центральной Азии в нем вовсе нет, однако это не значит, что желающие не имеют никакого доступа к базовым знаниям в этой области. Исследования по Центральной Азии значатся третьим смысловым пунктом в содержании программы «Синология / китаистика», при этом внимание уделяется преимущественно археологии и искусству региона Центральной Азии. Основной упор в программе, естественно, делается на изучении истории, политики и общества Китая.

Скрудно изучаются страны Центральной Азии и в тюркологических программах, несмотря на принадлежность казахского, кыргызского, туркменского, узбекского языков к данной языковой семье. Подавляющее большинство программ «Тюркология» имеет в качестве объекта своего исследования язык, литературу и культуру Османской империи и современной Турции. Безусловно, в Германии, на территории которой проживает около 1,34 млн граждан Турции (количество граждан Германии турецкого происхождения на порядок больше), турецкий вопрос имеет особую специфику и актуальность. Отметим программу «Тюркология и центральноазиатские исследования» Геттингенского университета имени Георга Августа³: она ориентирована в первую очередь на современный турецкий язык, языки стран Центральной Азии указаны только как Grundkenntnisse («базовые знания»).

Свободный университет Берлина имеет следующую структуру магистерской программы «Османистика и тюркология»⁴: историко-социальная научная теория и методология для тюркологов; основные темы истории Османской империи от ее начала до начала XIX в.; языки и культура Османской империи; Османская империя и Турецкая Республика. Не существенно отличается содержанием программа «Тюркология» Бамбергского университета⁵ – охват только Османской империи и Турецкой Республики.

Реже встречаются программы по тюркологии, вписанные в более широкие культурные и географические рамки. Например, Гисенский университет имени Юстуса Либиха в рамках программы «Тюркология»⁶ предлагает как область исследования современный турецкий язык и культуру (в том числе – узус турецкого языка в Германии), а также направления работы в области тюркских языков и тюркоязычных культур Советского Союза и его государств-преемников. На тех же реалиях стоит Майнцский университет имени Иоганна Гутенберга⁷, который, во-первых, учредил программу по тюркологии в Институте славянских, тюркских и циркумбалтийских исследований, а во-вторых, указывает в содержании курса «Тюркология» языки, ли-

3 Seminar für Turkologie und Zentralasienkunde. URL: <https://www.uni-goettingen.de/de/60858.html>.

4 Osmonistik und Turkologie. URL: <https://www.geschkult.fu-berlin.de/e/turkologie/index.html>.

5 Lehrstuhl für Turkologie (Türkische Sprache, Geschichte und Kultur). URL: <https://www.uni-bamberg.de/turkologie/>.

6 Turkologie. URL: <https://www.uni-giessen.de/de/fbz/fb04/institute/turkologie/turk>.

7 Turkologie. URL: <https://www.turkologie.uni-mainz.de/>.

тературу, культуру и историю разных тюркских народов в прошлом и настоящем. Помимо турецкого языка и его предшественника, османского, предметом программы также являются языки и культуры других тюркских народов – от Центральной Европы через Ближний Восток, Среднюю Азию и Россию до Китая и Монголии. Кроме того, тюркология также занимается турецкими мигрантами за пределами этих регионов. Подчеркнем, что и в данной программе турецкая культура и язык в современной Германии дисциплинарно выделены.

Следовательно, по гуманитарным программам изучения Центральной Азии шкала приоритетности выстраивается следующим образом: Тибет и Монголия – 1; Китай как часть макрорегиона Центральной Азии (напомним, что по китаистике есть самостоятельные программы) – 2; Иран и Афганистан – 3; Центральная Азия / СНГ – 4; Южный Кавказ – 5. В филологических программах направления «Тюркология» абсолютной доминантой изучения является Турция, а тюркоязычные страны Центральной Азии снова фигурируют либо в связке с пространством СНГ, либо еще шире – как все тюркские народы России и постсоветского пространства.

Перейдем ко второму виду программ высшего образования – техническим. В технических программах акцентуация иная, в них под странами Центральной Азии понимаются в первую очередь постсоветские страны: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан; также фигурирует Иран. Кроме того, государства в данных программах более персонифицированы (в отличие от гуманитарных программ, где они преимущественно обозначаются как «страны СНГ»), и каждая выступает как объект приложения инвестиций и современных технологических решений в smart-сфере. Такой интерес имеет и политическую основу. Так, например, Федеральное министерство науки и образования ФРГ в мае 2023 г. подписало совместную декларацию о намерениях с Министерством высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан о сотрудничестве в области науки, исследований и инноваций, которая основана на декларации о намерениях немецко-узбекского партнерства в области инноваций, подписанной в 2019 г. Основопологающие рамки сотрудничества формирует стратегия ЕС в Центральной Азии «Новые возможности для более сильного партнерства»⁸, в разработке и пересмотре которой в 2019 г. Германия сыграла ключевую роль. Федеральное министерство науки и образования также определило системообразующие пункты партнерства:

- землеустройство и сельское хозяйство;
- климатические / экологические исследования и адаптация к изменению климата;
- вода;
- природные риски и гражданская безопасность;
- устойчивое городское развитие;
- исследования биоразнообразия;

⁸ The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. Joint Communication To The European Parliament And The Council. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint-communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf.

- биоэкономические исследования;
- безопасная, чистая и эффективная энергия;
- здоровье и медицина.

Именно в рамках этой повестки формирует свои программы Берлинский технический университет, реализующий также специальный проект «Исследование устойчивой мобильности в Центральной Азии»⁹, где под Центральной Азией понимается Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Иран. Университет организует и курирует летние школы, тематические и административные семинары, исследовательские визиты и публикации по трем основным темам: 1) землепользование / транспорт, комплексное транспортное планирование; 2) зеленая мобильность; 3) транспортная политика и экономические вопросы. Причем потенциальной аудиторией таких семинаров и мероприятий является высшее чиновничество указанных республик. Та же парадигма восприятия наблюдается в образовательных направлениях Университета Пассау, который именует Казахстан и Узбекистан новым перспективным направлением для немецких компаний¹⁰, особенно в области добычи сырья, автомобилестроения, фармацевтики.

Свободный университет Берлина, в свою очередь, реализовывал междисциплинарную магистерскую программу «Интегрированное управление водными ресурсами для Центральной Азии» (программа приостановлена на данный момент), в качестве цели которой заявлено предотвращение экологических, социально-экономических и правовых конфликтов при эксплуатации водных ресурсов. Как объекты изучения фигурируют Казахстан, Узбекистан, Таджикистан. Безусловно, это также политически ориентированная программа, которая также интересна тем, что высвечивает интересы и возможности стран Центральной Азии в части контроля над запасами пресной воды по отдельности, а не как монолитного макрорегиона. Тематика «водных войн» особенно актуальна для постсоветских стран, водная инфраструктура которых имеет советское происхождение и эксплуатирование которой задумывалось в реалиях единого государства.

Обсуждение

Таким образом, программы высшего образования Германии ориентированы на интересы политики ФРГ и ее бизнеса: именно они формируют региональные доминанты и интересы абитуриентов магистерских программ. С точки зрения культурно-политического районирования страны Центральной Азии продолжают восприниматься либо в парадигме СНГ (также и в тюркологических программах), либо как субъекты межгосударственных, межрелигиозных, межэтнических отно-

⁹ SUMRICA – Sustainable Urban Mobility Research in Central Asia. URL: <https://www.tu.berlin/ztg/forschung/projekte/laufende-projekte/sumrica>.

¹⁰ Ost-Ausschuss der Deutschen Wirtschaft: Zentralasien – neue Destination für deutsche Unternehmen? URL: <https://www.uni-passau.de/veranstaltungskalender/detail/event/ost-ausschuss-der-deutschen-wirtschaft-zentralasien-neue-destination-fuer-deutsche-unternehmen-osteuropa-lounge-1>.

шений в контексте большой Средней Азии. Страны Центральной Азии также входят в исследовательское поле Германского общества по изучению Восточной Европы (Osteuropakunde), границы которой понимаются следующим образом: с запада на восток – это Центральная Европа – Восточная Европа – Россия, с севера на юг – это Европейская Арктика, страны Балтии, страны Кавказа, Центральная Азия.

Технические программы высшего образования более пристальны в своем внимании к собственно Центральной Азии в российском понимании, самоидентификации стран региона и ее региональным контекстам. Данные программы разработаны с точки зрения потенциальных инвестиций в технологических отраслях, поэтому и проекты, и программы могут носить более адресный характер. Тем не менее бизнес-интересы чаще реализуются через отдельные проекты в рамках научных направлений, а не через создание узкоспециальных образовательных программ. Ориентация на продвижение экономических партнерств в конкретных сферах, ставка на экономическую дипломатию отражают сдвиг от дипломатии демократического прогресса [1, с. 198-201], доминирующую роль в которой играли нарративы отсталости и авторитарности постсоветских стран Центральной Азии, к дипломатии суверенизации этих стран, подчеркивания независимости как важнейшей ценности (достижение экономической, энергетической независимости от других крупных игроков региона – России и Китая). Нацеленность программ на привлечение абитуриентов, в том числе из самих стран Центральной Азии / СНГ, говорит о политической заинтересованности Германии в формировании потенциально дружественных научно-технологических коммуникаций с данными странами, так как выпускники по возвращении окажут положительное влияние на управляемость коммуникаций в сфере продвижения немецких технологических и иных научных проектов в данных странах [2].

Выводы

Изучение германских магистерских программ по Центральной Азии частично подтверждают гипотезу статьи, что Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан идентифицируются с макрорегионом Центральной Азии преимущественно с экономико-технологической точки зрения. С культурно-политического ракурса данные страны объединяются по признаку принадлежности к постсоветскому пространству и не дифференцируются. Исследование показывает ведущую роль историко-политического аспекта в выстраивании идентификаций с регионом и второстепенное значение природно-географических ориентиров. Определение исследовательских контуров в учебных программах формирует пространственную и идеологическую парадигму мышления учащихся в отношении исследуемого региона – Центральной Азии. Карьерные возможности выпускников таких программ в повседневной работе (как научной, так и внеакадемической) определены интересами бизнеса и задачами внешней политики ФРГ; и бизнес, и внешняя политика имеют конкретные проекты, стратегии или целевые программы. Таким образом, автономность

и независимость учебного процесса и дальнейшей научной и практической деятельности выпускников и молодых ученых оказываются эфемерными.

Список источников

1. Зонова Т.В. Дипломатия. Модели, формы, методы [Diplomacy. Models, forms, methods]. М., 2013.
2. Комлева В.В. Управляемость страновых коммуникационных режимов [The Manageability of Country Communication Regimes. Communicology] // Коммуникология. 2022. Том 10. № 1. С. 139-154. DOI 10.21453/2311-30652022-10-1-139-154.
3. Baker K.M., Chapman G.P. The Changing Geography of Asia. London, 2002.
4. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. Joint Communication To The European Parliament And The Council. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf
5. Esdar W., Gorges J., Wild E. Karriere, Konkurrenz und Kompetenzen. Arbeitszeit und multiple Ziele des wissenschaftlichen Nachwuchses [Career, competition and skills. Working hours and multiple goals of young scientists] // Die Hochschule: Journal für Wissenschaft und Bildung. 21 (2012) 2, S. 273-290
6. Schumann A. Die Internationalisierung der Deutschen Hochschulen: Entwicklungen und Probleme [The internationalization of German universities: developments and problems] // Mehrsprachigkeit und Multikulturalität im Studium / Hrsg. von Knapp A., Schumann A. Frankfurt am Main, 2008. S. 15-29.
7. Weber H. Bachelor und Master – Neue Konkurrenz für das duale System? [Bachelor and Master – New competition for the dual system?] // Zukunft der dualen Berufsausbildung – Wettbewerb der Bildungsgänge. Schriften zur Berufsbildungsforschung der Arbeitsgemeinschaft Berufsbildungsforschungsnetz (AG BFN) / Hrsg. H. Dietrich, E. Severing. Bonn, 2007. S. 97-130.

Информация об авторе

КУЗЬМЕНКО Елена Алексеевна. Кандидат исторических наук. Доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, SPIN-код: 3078-1553, Author ID: 773498. <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>. Адрес: Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, ea.kuzmenko@igsu.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 октября 2023. Одобрена после рецензирования: 2 ноября 2023. Принята к публикации: 15 ноября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Zonova T.V. Diplomacy. Models, forms, methods. Moscow, 2013. [In Russian]
2. Komleva V.V. The Manageability of Country Communication Regimes. *Communicology*. 2022; Vol. 10 (1):139-154. [In Russian] DOI: 10.21453/2311-3065-2022-101-139-154.
3. Baker K.M., Chapman G.P. The Changing Geography of Asia. London, 2002. [In English]
4. The EU and Central Asia: New Opportunities for a stronger partnership. Joint communication to the European Parliament and the Council. Available from: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf [In English]
5. Esdar W., Gorges J., Wild E. Career, competition and skills. Working hours and multiple goals of young scientists. *The University: Journal for Science and Education*. 2012; 21 (2):273-290. [In German]
6. Schumann A. The internationalization of German universities: developments and problems. Multilingualism and multiculturalism in studies. Ed. Knapp A., Schumann A. Frankfurt am Main, 2008:15-29. [In German]
7. Weber H. Bachelor and Master – New competition for the dual system? Future of dual vocational training – competition between educational courses. Writings on vocational training research from the Vocational Training Research Network Working Group (AG BFN). Ed. H. Dietrich, E. Severing. Bonn, 2007:97-130. [In German]

About the author

Elena A. KUZMENKO. CandSc(Hist). Docent of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of the Institute of Civil Service and Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Author ID: 773498. <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>. Address: 82, building 1, Vernadsky Av., Moscow, 119571, Russian Federation, ea.kuzmenko@igsu.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: October 15, 2023. Approved after review: November 2, 2023. Accepted for publication: November 15, 2023. Published: December 15, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure. Social Institutions and Processes

Научная статья

Социологические науки

УДК 32.019.57

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Вопросы обеспечения информационно- идеологической безопасности: опыт для Узбекистана

Хайрулла Пайзуллаевич Умаров ✉

Национальный университет Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

khayrullahu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6050-2224>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы теоретического и практического обеспечения информационно-идеологической безопасности. Изучен опыт зарубежных стран, проанализированы нормативно-правовые документы, направленные на обеспечение информационно-идеологической безопасности различных государств. Известно, что в современных международных отношениях информационные войны, т.е. принцип «побеждать врага не сражаясь», приобретают все более весомую роль. Ведущие страны мира начали обращать внимание на информационные войны в виде идеологической борьбы с начала 60-х гг. С развитием информационных технологий, а также социальных сетей методы и способы ведения информационных войн расширились. На сегодняшний день информационные ресурсы играют не менее важную роль, чем военный компонент. Таким образом, изучение опыта и методов зарубежных стран позволяет создавать эффективные механизмы противодействия. Изучение опыта зарубежных стран и выявление основных направлений информационных атак по отношению к Узбекистану имеют большое значение.

Ключевые слова: информационно-идеологическая война, информационная безопасность, система обеспечения информационной безопасности

Для цитирования: Умаров Х.П. Вопросы обеспечения информационно-идеологической безопасности: опыт для Узбекистана // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Original article

Sociological sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Issues of information and ideological security: experience for Uzbekistan

Khairulla P. Umarov✉

National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan
khayrullahu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6050-2224>

Abstract. The article discusses issues of theoretical and practical provision of information and ideological security. The experience of foreign countries has been studied, regulatory documents that ensure the information and ideological security of various states have been analyzed. In modern international relations, information wars, i.e. the principle of “defeating the enemy without fighting” is playing an increasingly important role. Leading countries of the world paid attention to information wars in the early 1960s. With the development of information technology and social networks, methods of waging information wars have expanded. Nowadays, information resources are more important than military ones. Thus, studying the experience and methods of foreign countries makes it possible to create effective countermeasures. It is very important to study the experience of foreign countries and identify the main directions of information attacks in relation to Uzbekistan.

Keywords: information and ideological warfare, information security, information security system

For citation: Umarov H.P. Issues of information and ideological security: experience for Uzbekistan. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2023; 4(10): XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Введение

Проводимые в Узбекистане социально-экономические реформы являются фундаментальным основанием развития. Формирование новой мировой системы на международной арене, изменение баланса сил на евразийском пространстве не преминут отразиться на нашей внутренней и внешней политике.

Конкурирующие за лидерство на международной арене государства в целях достижения своих геополитических и геоэкономических интересов стараются втянуть в свои орбиты Узбекистан. Для достижения этих целей осуществляется «информационная атака» не только в самих зарубежных СМИ, социальных сетях, но и в радио- и телепрограммах нашей страны, в рекламных роликах.

На сегодняшний день вопросы обеспечения национальной безопасности переходят в политическую и информационную сферу. В этой связи возникает необходимость решения вопросов формирования сознания и мышления народа, повышения уровня его мировоззрения. Вместе с тем требуется совершенствование духовно-просветительской и пропагандистской системы, координации деятельности государственных органов.

Необходимо констатировать, что всякая национальная идеология является оболочкой национальных интересов и ее задачей является обеспечение сплоченности личности, общества и государства. Национальная идеология охватывает набор различных имен и взглядов в каждой стране. Например, в США можно увидеть «американскую мечту», воплощающую идеи либерализма, в Японии – «японский дух», выражающий единую идею императора и народа, а в КНР можно увидеть конфуцианские идеи, основанные на лозунге «Неважно, кошка белая или черная, главное, чтобы она ловила мышей» [不管黑猫白猫，能捉老鼠的就是好猫]. Идеологическое поражение (в случае с бывшим Союзом) ведет к распаду страны.

Информационно-идеологическая война – это борьба между национальными идеологиями. Поэтому наряду с обеспечением национальной, экономической и социальной безопасности необходимо систематически проводить мониторинг, тщательно проанализировать политическую реальность, возникшую при реализации поставленных задач, уделить особое внимание вопросам информационной и идеологической безопасности.

Усиление процессов глобализации делает все более актуальным вопрос обеспечения информационной и идеологической безопасности. Информационно-идеологическая война является продуктом процесса глобализации, и в нынешних условиях можно говорить о том, что она стала крайне острым инструментом идеологического воздействия, обслуживающим интересы различных политических сил и центров.

Великие люди, оставившие глубокий след в истории человечества, также эффективно использовали «информационное оружие», которое во все времена намного превосходило боевое оружие. В частности, Сунь-Цзы в военном противоборстве поставил информационно-психологическое воздействие на врага на первое место: война – это путь обмана, постоянной организации ложных выпадов, распространения дезинформации, использования уловок и хитростей.

Цель исследования – выявление и представление основных направлений информационных атак по отношению к Узбекистану.

Материалы и методы

Материалами для автора стали работы российских, узбекских и китайских исследователей по данной проблематике. Используя общенаучный метод исследования (аналитический), а также метод систематизации, представлены основные направления информационной войны по отношению к Узбекистану и предложения по противостоянию вышеуказанным информационным вызовам и угрозам. В целях объективности использован также метод конкретно-исторического анализа для презентации текущей ситуации в Республике Узбекистан. С его помощью привлечены материалы National Security Agency, обсуждение проекта бюджета Агентства США по глобальным медиа, нормативно-правовые акты: National Security

Act, United States Informational and Educational Exchange Act of 1948, United States Informational and Educational Exchange Act of 1948, U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy и др.

Результаты исследования

Значение информационной безопасности в проведении внутренней и внешней политики государств

Основы современной информационно-идеологической войны начали внедряться в практику с 60-х гг. XX в. Информационная война считается более дешевой и эффективной практикой для подрыва социальной стабильности, негативно влияет на национальные интересы стран-соперников или в странах, где соприкасаются геополитические интересы ведущих государств.

Вопросы информационно-пропагандистского противостояния изучались и применялись во все времена. Как отмечает Е.Я.Яковлев,

сфера, масштабы и возможности идеологической борьбы в последние десятилетия необычайно расширились. Ареной ее стали все страны, а объектом – все человечество. Научно-техническая революция небывало расширила арсенал ее методов [15, с. 48].

Следует также отметить сборник статей в книге «Правда против демагогии и лжи», в котором проанализированы цели и методы широкомасштабной идеологической диверсии, которую осуществляют пропагандистские центры [10].

Вместе с тем следует отметить и работы Е.Б.Черняк. В своей книге «Пять столетий тайной войны» он на основе широкого круга первоисточников и литературы раскрывает, какую роль сыграла информация и пропаганда в наиболее крупных политических событиях новой истории, показывает, насколько опасным оружием является информационная война в столкновении между «силами реакции и прогресса» [14].

Особые работы китайских исследователей также заслуживают внимания. В частности, в сборниках китайских ученых и исследователей «Противовес угрозам. Деятельность альянса крупных держав при принятии стратегических решений» [18] и «Детали демократии: исследования современной американской политики» [16] анализируются деятельность США и западных стран в информационной сфере, политика двойных стандартов, осуществление цветных революций и свержение неугодных им лиц.

Известно, что информационно-психологическая война появилась как форма информационного противоборства на определенной стадии развития средств и методов информационно-психологического воздействия и представляет собой наиболее социально опасную форму данного противоборства, осуществляемого насильственными средствами и способами воздействия на информационно-психологическую сферу противника с целью решения стратегических задач [11].

Необходимо отметить, что исследования в сфере информационно-идеологической войны начались в 60-е гг. XX в. в ряде аналитических центров стран Запада.

В частности, в США ведение информационно-идеологической войны возложено на Агентство национальной безопасности (NSA)¹ и Агентство США по глобальным медиа² (USAGM, начавшее свою деятельность в 1999 г., с 1953 по 1999 г. – Информационное агентство, USIA)³, а в КНР – на Информационный отдел Государственного Совета (国务院新闻办公室)⁴, Администрацию по кибербезопасности КНР (国家互联网信息办公室)⁵ и Центральную комиссию по делам кибербезопасности (中央网络安全和信息化委员会办公室).

В Уставе Вооруженных сил США дается следующее определение: «Информационная война – это акт воздействия на граждан иностранного государства / противоборствующей страны путем изъятия “истины” из контекста и привнесение их к ложному заключению посредством ложных доказательств»⁶.

Преподаватели Академии военных наук КНР Ван Баоцунь и Ли Фэй отмечают, что:

Информационная безопасность понимается как в узком, так и в широком смысле. Так называемая «информационная война на поле боя» составляет суть «войны командования и управления» в узком смысле... В широком смысле создание системы «информационной войны» имеет большое значение. Наряду с военным / силовым уровнем необходимо обратить внимание на: 1) причинение урона информационной системе вероятного противника; 2) нанесение удара по информационному потоку противника; 3) ограничение возможностей системы управления обществом и адекватного реагирования на негативные воздействия⁷.

Анализ опыта зарубежных стран в данном направлении показывает, что для повышения эффективности системы пропаганды уделялось внимание проведению мероприятий по следующим взаимосвязанным направлениям:

1. В сфере издательств и СМИ.
2. Деятельность в социальных сетях.
3. Публичная пропаганда и агитационное направление.
4. В сфере среднего образования и высших учебных заведений.
5. Научно-исследовательское направление.
6. В сфере культурно-просветительской работы.

1 National Security Agency / Central Security Service. URL: <https://www.nsa.gov>.
 2 Опубликован проект бюджета Агентства США по глобальным медиа. URL: www.svboda.org/a/29830353.html.
 3 US Agency for Global Media: USAGM. URL: <https://www.usagm.gov>.
 4 国务院新闻办公室 URL: <http://www.scio.gov.cn>.
 5 国家互联网信息办公室. URL: <http://www.cac.gov.cn>.
 6 Information Operations. Joint Publication 3-13. 27 November 2012 Incorporating Change 1 20 November 2014. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_13.pdf.
 7 Wang Baocun, Li Fei. Information Warfare // Liberation Army Daily, 13 June 1995. URL: https://irp.fas.org/world/china/docs/iw_wang.htm.

Эти направления охватывают все центральные и региональные уровни государственного управления и обеспечивают единую государственную политику в сфере информационно-идеологической безопасности.

Опыт зарубежных стран в осуществлении информационных войн

США имеют большой опыт ведения информационной и идеологической войны. Правительство США работает в этом направлении с 60-х гг. XX в. С тех пор США создали такие радиостанции, как «Голос Америки» и «Свобода», через которые продвигают свои идеологические взгляды. Кроме того, Соединенные Штаты тесно сотрудничают с другими англосаксонскими странами, такими как Соединенное Королевство, Канада, Австралия и Новая Зеландия.

В 1947 г. в США был принят «Акт о Национальной безопасности»⁸, на основании которого была создана единая система обеспечения национальной безопасности. Проведение информационно-идеологической войны, согласно Закону, возложено на Совет безопасности США.

В США осуществление информационно-пропагандистской деятельности возложено на Информационное агентство (USIA), которое создано по решению Конгресса США на базе Государственного департамента США. Основной целью ЮСИА является проведение мероприятий против любого вида информации, направленной против США как за рубежом, так и внутри страны.

Закон Смита–Мундта⁹, принятый в 1948 г., заложил правовые рамки информационно-пропагандистской деятельности США. Согласно Закону, государственный секретарь США

отвечает за подготовку информации о Соединенных Штатах, ее народе и ее политике, а также за ее распространение через средства массовой информации, публикации, радио, кино и другие средства, а также информационные центры и инструкторы за границей¹⁰.

В то же время в США также была введена Консультативная комиссия по публичной дипломатии (ККПД, Advisory Commission on Public Diplomacy – ACPD) согласно Закону Смита–Мундта. Перед этой структурой поставлена задача распространения информации о США и формирования общественного мнения в различных международных кругах.

8 National Security Act. URL: <https://global.oup.com/us/companion.websites/9780195385168/resources/chapter10/nsa/nsa.pdf>.

9 United States Informational and Educational Exchange Act of 1948 // Электронная библиотека Конгресса США: Public Law 80-402, 62 Stat. 6. Passed Congress / Enrolled Bill: Jan 27, 1948. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/177574.pdf>.

10 United States Informational and Educational Exchange Act of 1948 // Электронная библиотека Конгресса США: Public Law 80-402, 62 Stat. 6. Passed Congress/Enrolled Bill: Jan 27, 1948. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/177574.pdf>.

На эту комиссию также возложена задача оценки процесса поддержки, формирования, поощрения и влияния на деятельность страны среди иностранной общественности. ККПД подчиняется президенту США, госсекретарю и Конгрессу. Заместитель государственного секретаря по социальной дипломатии и связям с общественностью руководит работой Комиссии по организационным вопросам.

В настоящее время перед всеми государственными учреждениями – департаментами и агентствами – в США поставлена задача всецело распространять информацию о политике, деятельности, а также о фундаментальных ценностях США¹¹.

В соответствии с Законом Смита–Мундта¹² в качестве органов по защите интересов первоначально были созданы две комиссии: Консультативная комиссия США по информации и Консультативная комиссия США по информационному и образовательному обмену. В соответствии с программой взаимного образовательного и культурного обмена (Mutual educational and cultural exchange program – Fulbright-Hays Act of 1961)¹³ Консультативная комиссия США по образовательному обмену была преобразована в Консультативную комиссию США по вопросам образования и культуры. А в 1977 г. обе комиссии были объединены в Консультативную комиссию США по публичной дипломатии (U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy).

ККПД состоит из семи членов, которые назначаются президентом США сроком на три года и утверждаются Сенатом. Участников не должно быть более трех человек от одной политической партии. Исполнительный директор комиссии курирует повседневную деятельность и активно работает над выработкой конструктивных решений для улучшения публичной дипломатии во всем мире с законодательными и исполнительными органами, а также с ННО, бизнесом и академическими кругами¹⁴.

Несмотря на то, что Китайская Народная Республика была образована на основе коммунистического мировоззрения, национальная идеология опирается на китайскую культуру. Реализацию национальной идеи и контроль за ней осуществляет Отделом информации и пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Китая. Этот отдел разрабатывает основные инструкции и дает соответствующие указания всем региональным управлениям¹⁵.

В Китае активно используются всевозможные инструменты пропаганды для продвижения национальной идеологии. Особое внимание уделяется всем механизмам пропаганды, в том числе наружным рекламам, которые отражают китайскую

11 U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy / URL: <https://www.state.gov/about-us-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>.

12 United States Informational and Educational Exchange Act of 1948 // Электронная библиотека Конгресса США: Public Law 80-402, 62 Stat. 6. Passed Congress/Enrolled Bill: Jan 27, 1948. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/177574.pdf>.

13 Fulbright-Hays Act (see Mutual Educational and Cultural Exchange Act of 1961) // URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title22/chapter33&edition=prelim>.

14 U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy // URL: <https://www.state.gov/about-us-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>.

15 国务院新闻. 人力资源和社会保障部宣传中心 // URL: http://www.mohrss.gov.cn/xxgk2020/fdzdgnr/zjg/zsdw/201802/t20180206_288041.html.

культуру и идеи конфуцианства. Китайское телевидение и радио рассматриваются как важные инструменты для продвижения идеологии.

Идеологическая пропаганда в КНР начинается с ранней молодости граждан, то есть с дошкольных образовательных учреждений. Серьезное внимание уделяется пропагандистской работе как в школах, так и высших учебных заведениях.

Выступая перед партийными активистами, председатель КНР Си Цзиньпин отметил:

Различные враждебные силы внутри страны и за рубежом всегда пытаются заставить нашу партию сменить знамя и название... Однако некоторые из нас и даже некоторые товарищи по партии не видят ясно скрытой в этом тайны: они думают, что западные «универсальные ценности» существуют уже сотни лет, так почему же они не могут с ними согласиться? Почему мы не можем позаимствовать политический дискурс у Запада? Если мы примем это, у нас не будет больших потерь, так почему мы должны это портить? Некоторые люди считают западные теории и западный дискурс золотыми правилами и неосознанно становятся сторонниками западной капиталистической идеологии. «Если вы сомневаетесь в правильности или неправильности, вы можете судить о вещах издали и проверять вещи вблизи»... Типичными примерами являются такие страны, как Ирак, Сирия и Ливия!»¹⁶

Подмена идеологических взглядов

Информационно-идеологическая война, которую развязали США и страны Западной Европы, базируется на идеях либерализма. С одной стороны, быть свободным – это неотъемлемое право любого человека, но, с другой – происходит обратное. Пользуясь защитой прав человека, осуществляются агрессии, вмешательства во внутренние дела других государств.

Оценивая современное состояние международных отношений, американский политолог Фрэнсис Фукуяма отмечает:

То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет и страницы ежегодных обзоров «Foreign Affairs» по международным отношениям будут пустовать – ведь либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко. Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот, идеальный мир и

¹⁶ 习近平：在全国党校工作会议上的讲话（2015年12月11日）。URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0501/c64094-28317481.html>.

определит, в конечном счете, мир материальный¹⁷ [...] С гегельянской точки зрения важно то, что политический либерализм идет вслед за либерализмом экономическим, – медленнее, чем многие надеялись, однако, по-видимому, неотвратимо¹⁸.

В Стратегии национальной безопасности США, принятой в 2006 г., говорится, что

Соединенные Штаты должны защищать свободу и справедливость, потому что эти принципы истинны и правы для всех людей во всем мире... Правительство Соединенных Штатов будет работать над продвижением человеческого достоинства словом и делом, выступая за свободу и против нарушений прав человека и выделяя соответствующие ресурсы для продвижения этих идеалов¹⁹.

Необходимо отметить, что данный документ является программой правительства США; оно, естественно, требует адаптации других либеральных идей в мире к этой системе.

Шукурджон Исламов в своей статье под названием «Зачем вам нужна духовность?» отмечает:

Интересно, что становится все более очевидным, что наше общество воспринимает пропагандистов духовности как категорию глупых людей в белых рубашках и галстуках. И прозападники, и набожные люди морщатся, когда речь идет о представителях духовности²⁰.

Автор продолжает:

Я не слышал, чтобы Центр духовности и просветительства или Союз молодежи, которые считаются центром пропаганды духовности, выступали с инициативами или против каких-либо форм принудительного труда или беззакония... простые люди высказывают свои проблемы журналистам, которые пишут на актуальные социальные темы, а лидеры, видя журналистов, становятся осторожными²¹.

На данный момент в Узбекистане все активнее продвигаются идеи либерализма, которые не всегда соответствуют национальным традициям и устоям. Очень часто в художественных фильмах, рекламах, на баннерах, в музыке и в клипах на-

¹⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б.Левина. М.: Изд-во «АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 14.

¹⁹ The National Security Strategy – 2006. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf>.

²⁰ Исламов Шукурджон. Нима(га) керак маънавият? [Зачем вам нужна духовность?] // 20 мая 2018 г. URL: <https://blog.xabar.uz/post/nima-ga-kerak-ma-naviyat>.

²¹ Исламов Шукурджон. Нима(га) керак маънавият? [Зачем вам нужна духовность?] // 20 мая 2018 г. URL: <https://blog.xabar.uz/post/nima-ga-kerak-ma-naviyat>.

блюдается продвижение идей безнравственности, обогащения, аморальности, пока- зываются сцены, не соответствующие национальной ментальности.

В частности, можно привести примеры статей Эльдара Асанова (в статье слово «свобода» было употреблено 13 раз)²², Санжара Саида²³, Саид-Абдулазиза Юсупова²⁴, Миракмала Ниёзматова (статья была опубликована на сайте turon24.uz, который на сегодняшний день завершил свою деятельность, в статье слово «свобода» было упо- треблено 26 раз, в которых говорилось о смене нравов и взглядов и о переходе к запад- ным ценностям).

Выводы

На современном этапе с учетом последних событий все более усиливается ис- пользование smart power в информационной войне.

Анализ информационно-идеологической безопасности в Узбекистане показы- вает, что отсутствует комплексная система организации духовно-воспитательных процессов, проводится недостаточная организационно-практическая и научно-ис- следовательская работа по защите национальных интересов и базовых ценностей населения (и в первую очередь молодежи) от информационно-идеологических и по- литических угроз, наблюдается отсутствие координации государственных организа- ций, институтов гражданского общества и общественности, социальное сотрудниче- ство СМИ и частного сектора не налажено на должном уровне.

На основе научного анализа сегодняшней действительности видно, что инфор- мационная война по отношению к Узбекистану ведется по следующим направлениям:

Первое направление – нападки на достоинство и деятельность руководства го- сударств, депутатов и членов правительства.

Второе направление – попытка подорвать суть политических, экономических и социальных реформ, стремление свести на нет доверие людей к этим процессам.

Третье направление – дефрагментация общества путем разделения его на раз- ные социальные и национальные группы и создание конфликтных ситуаций.

Четвертое направление – разрушение национальных и духовных ценностей, насаждение антигуманных ценностей, распространение идей ЛГБТ.

Пятое направление – создание негативного образа в отношении деятельности правоохранительных органов (сотрудников внутренних дел, национальной гвардии, военнослужащих, представителей служб безопасности).

22 Эльдар Асанов. Осторожно, «маънавият»! // 26 августа 2018 г. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/08/26/manaviyat/>.

23 Санжар Саид. Бизга янги қадриятлар керак // 27 августа 2018 г. URL: <https://www.gazeta.uz/uz/2018/08/27/munosabat/>.

24 Абдулазиз Юсупов. Асл маънавият демократияга зид эмас! «Маънавиятчилар»нинг маънавиятсизлиги ҳақида [Самобытная духовность не противоречит демократии! О безду- ховности «спиритуалистов»] // 29 августа 2018 г. URL: <https://www.gazeta.uz/uz/2018/08/29/manaviyat/>.

Шестое направление – популяризация людей, имеющих западно-либеральные взгляды, подготовка почвы для их дальнейшего продвижения, превращение их в «народных героев».

Для противостояния вышеуказанным информационным вызовам и угрозам необходимо:

1. Разработать единую государственную политику, воплощающую в себе право- вые, структурные и идеологические основы обеспечения информационной безопас- ности.

2. Создать систему выявления, оценки и прогнозирования источников как вну- тренних, так и внешних угроз.

3. Разработать комплексную / системную координацию деятельности органов государственной власти и информационно-медийных служб с учетом обеспечения национальных интересов страны в информационной сфере.

Список источников

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации [Philosophy of information civilization]. Москва, 1994. 336 с.
2. Денисов И., Зуенко И. От мягкой силы к дискурсивной силе [From soft power to discursive power] // Новые идеологемы внешней политики КНР, Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России. Москва, 2022. 24 с.
3. Джабраилова Л.Х. Информационная безопасность как приоритетное направление развития цифровой экономики [Information security as a priority direction for the development of the digital economy]. Махачкала: АЛЕФ, 2020. 118 с.
4. Кашлев Ю., Галумов Э. Информация и PR в международных отношениях [Information and PR in international relations]. Москва, 2003. 432 с.
5. Леваков А. Анатомия информационной безопасности США [Anatomy of US information security] // Jet info. Информационный бюллетень. 2002; 6 (109). 40 с.
6. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война [Third world information-psychological war]. Москва, 2000. 304 с.
7. Макаров В.Е. Политические и социальные аспекты информационной безопасности [Political and social aspects of information security]. Москва, 2015. 351 с.
8. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика [Information war and geopolitics]. Москва: Поколение, 2006. 560 с.
9. Панарин И.Н. Технология информационной войны [Information warfare technology]. Москва, 2003. 320 с.
10. Правда против демагогии и лжи [Truth against demagoguery and lies]. Сборник статей. Москва: Политиздат, 1983. 335 с.
11. Расторгуев С.П. Информационная война [Information war]. Москва: Радио и связь, 1998. 415 с.
12. Суньцзы. Искусство войны [Art of War]. Москва: АСТ, 2019. 160 с.
13. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек [The End of History and the Last Man]. Пер. с англ. М.Б. Левина. Москва: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП Ермак», 2004. 588 с.
14. Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны [Five centuries of secret war]. Москва: Международные отношения, 1991. 751 с.
15. Яковлев Е.Я. Секреты секретных служб США [Secrets of the US Secret Service]. Москва: Политиздат, 1973. 303 с.
16. 民主的细节：美国当代政治观察随笔 / 刘瑜。 - 上海：上海三联书店, [The Details of Democracy: Essays on Contemporary American Politics 2018]。 293页。
17. 习近平：在全国党校工作会议上的讲话（2015年12月11日） [Speech at the National Party School Work Conference (December 11, 2015)] // <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0501/c64094-28317481.html>
18. 制衡威胁。大国联盟战略的决策行为。 [Counterbalance threats. The decision-making behavior of the strategy of the Alliance of Great Powers] 广州：世界图书出版广东有限公司，2012。 264页。

Информация об авторе

УМАРОВ Хайрулла Пайзуллаевич. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры политологии Национального университета Узбекистана, <https://orcid.org/0009-0002-6050-2224>. Адрес: Республика Узбекистан, 220070, г. Ташкент, Алмазарский район, ул. Университетская, 4, khayrullahu@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 31 августа 2023. Одобрена после рецензирования: 8 ноября 2023. Принята к публикации: 15 ноября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abdeev R.F. Philosophy of information civilization. Moscow, 1994: 336 [In Russian].
2. Denisov I., Zuenko I. From soft power to discursive power. New ideologies of the foreign policy of the PRC, Institute of International Studies (IIS) MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow, 2022:24 [In Russian].
3. Dzhabrailova L.Kh. Information security as a priority direction for the development of the digital economy. Makhachkala: ALEF, 2020:118 [In Russian].
4. Kashlev Yu., Galumov E. Information and PR in international relations. Moscow, 2003:432.
5. Levakov A. Anatomy of US information security. Jet info. News bulletin. 2002; 6(109):40 [In Russian].
6. Lisichkin V.A., Shelepin L.A. Third world information-psychological war. Moscow, 2000:304 [In Russian].
7. Makarov V.E. Political and social aspects of information security. Moscow, 2015:351 [In Russian].
8. Panarin I.N. Information war and geopolitics. Moscow: Generation, 2006:560 [In Russian].
9. Panarin I.N. Information warfare technology. Moscow, 2003:320 [In Russian].
10. Truth against demagoguery and lies. Digest of articles. Moscow: Politizdat, 1983:335 [In Russian].
11. Rastorguev S.P. Information war. Moscow: Radio and Communications, 1998:415 [In Russian].
12. Sunzi. Art of War. Moscow: AST, 2019:160 [In Russian].
13. Fukuyama F. The End of History and the Last Man; transl. from English: M.B. Levina. Moscow: OOO Publishing House ACT: ZAO NPP Ermak, 2004: 588 [In Russian].
14. Chernyak E.B. Five centuries of secret war. Moscow: International Relations, 1991:751.
15. Yakovlev E.Ya. Secrets of the US Secret Service. Moscow: Politizdat, 1973:303 [In Russian].
16. The Details of Democracy: Essays on Contemporary American Politics / Liu Yu. Shanghai: Shanghai Sanlian Bookstore, 2018:293 [In China].
17. Xi Jinping: Speech at the National Party School Work Conference (December 11, 2015). Available from: <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0501/c64094-28317481.html> [In China].
18. Counterbalance threats. The decision-making behavior of the strategy of the Alliance of Great Powers. Guangzhou: World Book Publishing Guangdong Co., Ltd., 2012:264 [In China].

About the author

Khairulla P. UMAROV. Cand.Sc (Polit.). Docent. Associate Professor, the Department of Political Science, National University of Uzbekistan, <https://orcid.org/0009-0002-6050-2224>. Address: 4, Universitetskaya str., Almazar district, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 220070, khayrullahu@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: August 31, 2023. Approved after review: November 8, 2023. Accepted for publication: November 15, 2023. Published: December 15, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и
внешней политики

Страны Центральной Азии не всегда считают ОДКБ основным инструментом обеспечения региональной безопасности, что отражается и в их действующих концепциях внешней политики. Особенно сильные имиджевые потери у Организации были в 2010 г., после отказа помочь Киргизии в условиях межнационального киргизско-узбекского конфликта на юге страны.

Тем не менее миротворчество явилось важным элементом деятельности Организации. Отработав проведение миротворческих операций на многочисленных учениях, в 2022 г. в Казахстане ОДКБ впервые за двадцать лет существования смогла наглядно продемонстрировать свою целесообразность, оперативность и эффективность.

Белоглазов А.В.

Деятельность Организации Договора о коллективной безопасности
в Центральной Азии (2002-2022 гг.)

Теплый климат в устье Янцзы и на побережье Восточно-Китайского моря обусловили обитание большого количества аллигаторов в царстве Юэ, что и явилось причиной как данного географического названия, так и этнонима в качестве тотема «крокодил».

Ларин В.П.

О происхождении символа «дракон» от зоонима «крокодил» в древних культурах Южного Китая и Вьетнама

Проблема кадров интеллигенции в республике с началом войны и призывом в Красную армию многочисленных ее представителей приняла чрезвычайно острый характер. Ощущался большой недостаток специалистов всех отраслей народного хозяйства и культуры. В целях ускоренного пополнения многих отрядов интеллигенции партийными и советскими органами был использован метод выдвиженчества, особенно выдвижение женщин на руководящую и организаторскую работу.

Торогелдиева Э.Э.

Интеллигенция Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Деятельность Организации Договора о коллективной безопасности в Центральной Азии (2002–2022)

Альберт Владиславович Белоглазов✉

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Albert.Beloglazov@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1982-9519>

Аннотация. В статье выявляется вклад ОДКБ¹ в процесс обеспечения безопасности в Центральной Азии. Анализируются концептуальные подходы к ОДКБ во внешней политике РФ и ее союзников в регионе. Рассматриваются документы ОДКБ, а также ее практическая деятельность по обеспечению региональной безопасности, предотвращению военных угроз, борьбе с экстремизмом, терроризмом и наркотрафиком. Исследуется миротворческая деятельность ОДКБ. При этом дается ответ на вопрос, почему ОДКБ не развернула миротворческую миссию по просьбе Киргизии во время беспорядков 2010 г., но откликнулась на аналогичную просьбу Казахстана во время январских событий 2022 г.

Ключевые слова: международные отношения, Организация Договора о коллективной безопасности, Российская Федерация, Центральная Азия, Киргизия, Казахстан, Таджикистан, Афганистан, региональная безопасность

Для цитирования: Белоглазов А.В. Деятельность Организации Договора о коллективной безопасности в Центральной Азии (2002–2022) // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

1 ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности в Центральной Азии.

Activities of the Collective Security Treaty Organization in Central Asia (2002-2022)

Albert V. Beloglazov✉

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Albert.Beloglazov@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1982-9519>

Abstract. The article identifies the contribution of the Collective Security Treaty Organization in Central Asia (CSTO) to the process of ensuring security in Central Asia. Conceptual approaches to the CSTO in the foreign policy of the Russian Federation and its allies in the region are analyzed. The documents of the CSTO are examined, as well as its practical activities to ensure regional security, prevent military threats, combat extremism, and terrorism and drug trafficking. The peacekeeping activities of the CSTO are examined. At the same time, an answer is given to the question why the CSTO did not deploy a peacekeeping mission at the request of Kyrgyzstan during the unrest in 2010, but responded to a similar request from Kazakhstan during the January events of 2022.

Keywords: international relations, Collective Security Treaty Organizations, Russian Federation, Central Asia, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Tajikistan, Afghanistan, regional security

For citation: Beloglazov A.V. Activities of the Collective Security Treaty Organization in Central Asia (2002-2022). *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2023; 4(10): XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Введение

В середине мая 2022 г. исполнилось 30 лет Договору о коллективной безопасности и двадцать лет – Организации, созданной на его основе. За это время она, как отмечали участники юбилейного саммита ОДКБ 16 мая 2022 г.,

подняла сотрудничество государств-членов на качественно новый уровень союзнических отношений, накопила значительный потенциал для противодействия широкому спектру современных вызовов и угроз, превратилась в важный фактор мира и стабильности на евро-азиатском пространстве².

Наиболее активно все эти годы ОДКБ действовала в Центральной Азии. Половина участников Организации является региональными субъектами: Казахстан, Кир-

2 Заявление Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности в связи с 30-летием Договора о коллективной безопасности и 20-летием Организации Договора о коллективной безопасности. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5800>.

гизия и Таджикистан. В регионе достаточно много угроз безопасности – как традиционных (военных), так и новых – терроризм, нелегальная миграция, наркотрафик. К тому же в начале XXI в. здесь развернулась «Вторая Большая игра» – геополитическое соперничество значимых политических акторов. На региональную безопасность все годы существования организации оказывал сильное влияние афганский фактор.

Деятельность ОДКБ рассматривалась в той или иной степени в различных научных работах. Так, например, её бывший Генеральный секретарь Н.Н.Бордюжа в статье «Безопасность надежно обеспечат координация и сотрудничество» [2] описывает становление Организации и подводит итоги первого пятилетия ее существования. К.Е. Мещеряков в работе «Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России» [5] рассматривает возникновение и развитие ОДКБ до 2012 г. в контексте евразийской интеграции. А.Я.Бабджанов в монографии «Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств: Проблема сочетаемости национальных подходов» [1] исследует среди прочих вопросов функционирование ОДКБ до 2014 г. Е.Ф.Троицкий и В.П.Зиновьев в статье «Организация Договора о коллективной безопасности: становление, эволюция и кризис военно-политического союза» [6] анализируют сложности развития ОДКБ по состоянию на 2018 г. А.В.Корниленко в работе «Миротворческий потенциал Организации Договора о коллективной безопасности» [3] раскрывает потенциальные возможности миротворческих операций, еще не реализованных в 2020 г.

Однако ни в одной из вышеупомянутых работ не рассматривается специально деятельность ОДКБ в Центральной Азии и не анализируются различные подходы к организации и их причины у различных субъектов региона. Кроме того, данные исследования не доводятся до 2022 г., и, соответственно, в них не сравниваются подходы и решения по разворачиванию миротворческой операции ОДКБ в Киргизии и в Казахстане в 2010 и 2022 гг. соответственно. Раскрытию этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Материалы и методы

В качестве источников при проведении исследования были использованы различные документы ОДКБ и ее структурных подразделений, а также концепции внешней политики стран-участниц Организации.

Методологической основой явился геополитический анализ, позволяющий выявить значение Центральной Азии для ОДКБ в целом и для России в частности. Во-первых, данный регион – стыковочный узел трех цивилизационных плит: Российской, Китайской и Исламского мира [7, с. 226]. Во-вторых, здесь находятся значительные запасы природных ресурсов, в первую очередь углеводородов. В-третьих, Центральная Азия имеет важное транзитное значение, возрастающее по мере реализации китайского проекта «Один пояс – один путь». А в-четвертых, взяв под контроль данный регион либо создав в нем хаос, недружественные России страны могут создавать проблемы для её безопасности, учитывая, что она отделена от Центральной Азии самой протяженной сухопутной границей в мире.

Согласно официальной позиции МИД РФ,

для России Центральная Азия – зона исторически обусловленных интересов, важный партнер по привилегированному сотрудничеству в военно-политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах, а также в деле обеспечения общей безопасности государств Евразии с южного направления³.

А ОДКБ является основным инструментом поддержания безопасности в этом регионе и важным фактором налаживания отношений между Россией и ее союзниками в Центральной Азии. Значение этой организации повышается также по мере возрастания угроз региональной безопасности в связи с усилением афганского фактора в региональной политике после ухода США из Афганистана.

В работе применялся исторический метод исследования, позволяющий рассмотреть деятельность ОДКБ в Центральной Азии в развитии, выявляя изменения, происходящие на разных этапах, а также институциональный метод, позволяющий анализировать структуру организации. Кроме того, компаративный анализ позволил сравнить подходы различных стран-членов к организации, а также роль ОДКБ в событиях в Центральной Азии в 2010 и 2022 гг., выявляя причины ее изменения.

Результаты исследования

Роль и место ОДКБ в концепциях внешней политики России и стран Центральной Азии

ОДКБ занимает важное место в реализации российской внешней политики вообще и региональной политики в Центральной Азии в частности. В статье 52 предпоследней Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. подчеркивалось, что

в качестве одного из важнейших элементов современной системы обеспечения безопасности на постсоветском пространстве Россия рассматривает Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Россия выступает за качественное развитие ОДКБ, превращение ее в авторитетную многофункциональную международную организацию, способную противостоять современным вызовам и угрозам в условиях усиливающегося воздействия разноплановых глобальных и региональных факторов в зоне ответственности ОДКБ и прилегающих к ней районах⁴.

³ Россия и Центральная Азия // Официальный сайт МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/web/guest/rossia-i-problemy-central-noj-azii>.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248.

А в новой, шестой Концепции внешней политики РФ от 31 марта 2023 г. ОДКБ упоминается четырежды, что подчеркивает еще большую значимость организации на современном этапе. Так, в частности, в статье 49 указывается, что

в целях дальнейшего преобразования ближнего зарубежья в зону мира, добрососедства, устойчивого развития и процветания Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание: ...обеспечению гарантированной защиты России, ее союзников и партнеров при любом развитии военно-политической обстановки в мире, укреплению системы региональной безопасности, основанной на принципе неделимости безопасности и ключевой роли России в сохранении и укреплении региональной безопасности, взаимодополняемости Союзного государства, ОДКБ и других форматов взаимодействия между Россией и ее союзниками и партнерами в сфере обороны и безопасности⁵.

Также высоко роль ОДКБ оценивает Таджикистан. В его действующей Концепции внешней политики от 27 января 2015 г. в разделе «Многосторонняя дипломатия» отмечается, что

Республика Таджикистан рассматривает расширение взаимодействия со своими партнерами в укреплении национальной и государственной безопасности как одно из приоритетных направлений своей внешней политики и считает свое членство в Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) отвечающим национальным интересам. Деятельность Республики Таджикистан в рамках этой Организации нацелена на создание эффективных механизмов противодействия угрозам современного мира. В этом контексте, членство страны в Организации рассматривается как один из важных факторов обеспечения безопасности страны и сохранения стабильности в регионе⁶.

А если обратиться к внешнеполитическим концепциям других союзников по ОДКБ в Центральной Азии, то можно наблюдать несколько иную картину. ОДКБ упоминается там мимоходом, в ряду других организаций.

Так, весьма сдержанно в контексте развития отношений с различными международными организациями рассматривает ОДКБ Концепция внешней политики Киргизии от 11 марта 2019 г. В разделе «Приоритеты внешней политики» указывается, что

в целях продвижения национальных интересов, содействия в обеспечении национальной и региональной безопасности и решении социально-экономических задач

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.

⁶ Concept of the Foreign Policy of the Republic of Tajikistan. URL: <https://www.mfa.tj/en/main/view/988/concept-of-the-foreign-policy-of-the-republic-of-tajikistan>.

Кыргызская Республика активно взаимодействует в рамках Организации Объединенных Наций, Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, Содружества Независимых Государств, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организации исламского сотрудничества, Совета сотрудничества тюркоязычных государств, Организации экономического сотрудничества и других международных организаций⁷.

Но если Киргизия рассматривает ОДКБ в одном ряду с другими евразийскими интеграционными структурами – ЕАЭС и ШОС, то Казахстан и вовсе ставит на одну доску ОДКБ и НАТО. В его Концепции внешней политики на 2020–2030 гг., принятой 6 марта 2020 г., среди приоритетов в области региональной и многосторонней дипломатии указывается:

Продолжение курса на расширение сотрудничества с многосторонними организациями в области политики и безопасности в Европе и Евразии – Организацией Договора о коллективной безопасности, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, Советом Европы, Организацией Североатлантического договора и другими институтами⁸.

Подход России вполне логичен и понятен, ибо, как инициатор создания ОДКБ и драйвер евразийских интеграционных процессов, она, безусловно, ставит Организацию на одно из центральных мест в своей региональной политике. Будучи ядром региональной подсистемы международных отношений, она несет ответственность за безопасность не только своей территории, но и территорий государств-союзников.

Высокая оценка Организации в таджикской Концепции внешней политики во многом объясняется афганским фактором и возросшими в связи с этим угрозами безопасности. Незадолго до её принятия из Афганистана была выведена коалиционная группировка ISAF⁹, что вызвало как активизацию движения «Талибан»^{*10}, так и приток в страну боевиков т.н. «Исламского государства»^{**11}. В то же время в год принятия Концепции государство пошло на запрет единственной легальной исламистской

⁷ Концепция внешней политики Кыргызской Республики. Сайт Министерства юстиции КР. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045>.

⁸ Concept of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan for 2020–2030. URL: https://www.akorda.kz/en/legal_acts/decrees/on-the-concept-of-the-foreign-policy-of-the-republic-of-kazakhstan-for-2020-2030.

⁹ Международные силы содействия безопасности (англ. International Security Assistance Force; ISAF) — возглавляемый НАТО международный войсковой контингент, действовавший на территории Исламской Республики Афганистан с 2001 по 2014 гг.

¹⁰ *Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 апреля 2023 г.). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

¹¹ **Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 апреля 2023 г.). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

партии в регионе – Партии исламского возрождения Таджикистана^{***12}, что обострило и без того непростую ситуацию с безопасностью страны. Так, в частности, непосредственно в дни Душанбинского саммита ОДКБ 2015 г. членами этой партии была предпринята попытка вооруженного мятежа. В этой ситуации Таджикистан получил от Организации всестороннюю поддержку.

Достаточно прохладное отношение Киргизии к ОДКБ в официальных документах является, видимо, следствием отказа Организации в ответ на просьбу и.о. президента Розы Отунбаевой развернуть миротворческую миссию на юге Киргизии во время беспорядков и межнациональных столкновений 2010 г. Кроме того, накануне принятия киргизской Концепции внешней политики 2019 г. ОДКБ пережила первый серьезный кризис, вызванный деструктивными действиями премьер-министра Армении Никола Пашиняна. Он инициировал уголовное преследование в отношении генерального секретаря ОДКБ Юрия Хачатурова за участие в разгоне выступлений армянской оппозиции десятью годами ранее. В результате в ноябре 2018 г. Ю.Г.Хачатуров досрочно прекратил свои полномочия, после чего более года в ОДКБ не было генерального секретаря.

Казахстан, в отличие от Киргизии, получил миротворческую помощь ОДКБ в 2022 г., но его Концепция внешней политики была принята ранее, в 2020 г. В тот период Республика демонстративно подчеркивала свою многовекторность. Этому способствовало принятие в 2019 г. новых Стратегий в отношении Центральной Азии как Соединенными Штатами Америки¹³, так и Европейским союзом¹⁴. А реализацию их оба актора традиционно начинали с Казахстана. Так, буквально за месяц до принятия Концепции внешней политики в Республику нанес визит Госсекретарь США М.Помпео. Очевидно, если бы Концепцию принимали после января 2022 г., характеристика Организации и ее упоминание были бы другими. Об этом, в частности, свидетельствуют выступления президента Касым-Жомарта Токаева после завершения миротворческой операции ОДКБ.

Институционализация ОДКБ и расширение ее деятельности в Центральной Азии

15 мая 1992 г. между бывшими советскими республиками был подписан Договор о коллективной безопасности, а 14 мая 2002 г. на его основе была создана международная организация – ОДКБ, в которую наряду с Россией, Белоруссией и Арменией также вошли три республики Центральной Азии – Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

12 ***Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 апреля 2023 г.). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

13 United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/>

14 Council conclusions on the New EU Strategy on Central Asia. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf>

Статья 3 Устава ОДКБ, принятого на саммите в Москве 7 октября 2002 г., гласила, что

целями Организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам¹⁵.

Как подчеркивал К.Е.Мещеряков,

Россия и её союзники создали новый военно-политический блок – первое подобное объединение с участием Москвы, возникшее после роспуска Организации Варшавского договора [5, с. 68].

Вскоре для усиления позиций ОДКБ в регионе по предложению России было проведено реформирование Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона. Интересно, что эти силы были созданы еще до создания самой организации, в августе 2001 г., «для участия в отражении внешней военной агрессии и проведении совместных контртеррористических операций»¹⁶. С 2003 г. новая российская авиабаза в киргизском городе Кант стала их важнейшей составной частью. В том же году Россия инициировала подписание в рамках Евразийского экономического сообщества многостороннего договора «О сотрудничестве в охране внешних границ государств-членов ЕвразЭС», поскольку все страны-участницы этой организации были одновременно членами ОДКБ.

По справедливому мнению аналитика Казахстанского института стратегических исследований Мурада Лаумулина,

на начальном этапе ОДКБ воспринималась как структура, базирующаяся на российской военной платформе (подготовка офицерского состава, предоставление российских вооружений и военной техники, совместные учения). В общем, как военная организация. Однако вскоре была поставлена цель превратить ее в универсальный институт безопасности [4, с. 70-71].

Так, в Центральной Азии ОДКБ вскоре начала деятельность по борьбе с новыми, нетрадиционными угрозами: наркотрафиком, организованной преступностью, терроризмом, нелегальной миграцией. Одновременно, согласно Е.Ф.Троицкому и В.П.Зиновьеву,

15 Устав Организации Договора о коллективной безопасности / Иванов И.С. Россия в современном мире. Ответы на вызовы XXI века. – М. – Олма-Пресс. – 2004. - Приложения. С.553.

16 Коллективные силы быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности. Сайт Объединенного штаба ОДКБ. URL: <https://www.jscsto.org/security/crdf-car/>

Россия приложила немалые усилия к развитию нормативно-правового базиса и институциональной надстройки организации. В 2004 г. приступил к работе Объединенный штаб ОДКБ. В 2005 г. в рамках ОДКБ было подписано соглашение о подготовке военных кадров, предусматривающее бесплатное для направляющей стороны обучение военнослужащих в ряде военно-учебных заведений остальных стран-участниц [6, с. 339-340].

В 2006 г. произошло единственное расширение Организации – в нее вошел Узбекистан после событий в Андижане. После этого ОДКБ инициировала сближение и координацию с Шанхайской организацией сотрудничества. Так, на Душанбинском саммите ШОС 5 октября 2007 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ. Документ определял «точки соприкосновения» по налаживанию и развитию отношений равноправного и конструктивного взаимодействия между ними

в вопросах обеспечения региональной и международной безопасности и стабильности; противодействия терроризму; борьбы с незаконным оборотом наркотиков; пресечения незаконного оборота оружия; противодействия организованной транснациональной преступности; других направлений, представляющих взаимный интерес¹⁷.

К сожалению, в 2012 г. Узбекистан приостановил членство в Организации, так как желал получить пространство для маневра в его сотрудничестве с Западом, главным образом с США, в связи с усилением афганского фактора [9, с. 10627]. Однако еще до этого произошло важнейшее изменение в структуре ОДКБ. 14 июня 2009 г. было подписано Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования (КСОР), которые были призваны углубить и интенсифицировать военно-тактическую интеграцию¹⁸. Вскоре после этого государства ОДКБ начали проводить регулярные совместные антитеррористические учения и антинаркотические операции в Центральной Азии.

Миротворческая деятельность ОДКБ в Центральной Азии

Военное сотрудничество в рамках Организации, являясь приоритетным во взаимоотношениях участников, осуществлялось в нескольких смежных областях, в том числе в сфере развития миротворческих сил ОДКБ, как отмечал бывший генеральный секретарь организации Н.Н.Бордюжа [8]. При этом, по мнению А.В.Корниленко, отсутствие практики проведения реальных миротворческих операций у Организа-

¹⁷ Сотрудничество с международными организациями. Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/international_org/sco/

¹⁸ Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности от 14 июня 2009 г. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1376

ции компенсировалось отработкой навыков оперативного и боевого слаживания на ежегодных учениях. Для отработки задач Коллективных миротворческих сил использовались полигоны в Чебаркуле (Челябинская область РФ), Мулино (Нижегородская область РФ), Харб-Майдоне (Таджикистан), Балыкчы (Иссык-Кульская область Киргизии), а также полигон Свердловского учебного центра Центрального военного округа РФ [3, с. 710-711].

В 2010 г. был реальный шанс испытать миротворческий потенциал ОДКБ в деле. В апреле этого года состоялся второй в истории Киргизии государственный переворот, в ходе которого президент Курманбек Бакиев был свергнут и бежал из страны. Победители сформировали временное правительство во главе с и.о. президента Розой Отунбаевой. Вскоре на юге республики, в Оше, Ошской и Джалал-Абадской областях, произошли жестокие межнациональные столкновения, продолжавшиеся пять дней, в которых, по официальным данным, было убито более четырехсот человек. Более 400 тыс. узбеков бежали на территорию Узбекистана. Роза Отунбаева обратилась к ОДКБ с просьбой развернуть миротворческую операцию на юге Киргизии, но получила отказ. Это позволило критикам как внутри организации, так и вовне подвергать сомнению ее дееспособность.

Однако через двенадцать лет, во время беспорядков в Казахстане, ОДКБ в схожей ситуации действовала совершенно иначе. Вечером 5 января 2022 г. президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев обратился в Организацию с просьбой о помощи и сразу получил согласие. СКБ ОДКБ принял решение «о направлении Коллективных миротворческих сил ОДКБ в Республику Казахстан на ограниченный по времени период с целью стабилизации и нормализации обстановки в стране»¹⁹.

К 9 января 2022 г. развертывание миротворческих сил завершилось. Российские войска, составлявшие костяк миротворческого контингента, взяли под контроль аэропорт Алма-Аты, генконсульство России там же и ряд объектов социальной инфраструктуры (телецентры, предприятия водоснабжения и т.д.). Белорусский контингент осуществлял охрану военного аэродрома «Жетыген» и военного арсенала в городе Капшагай. Киргизские военнослужащие взяли под охрану ТЭЦ-2 в Алма-Ате, а таджикские – ТЭЦ-1. Контингент Армении обеспечивал охрану хлебобараночного комбината «Аксай». Миротворческие силы ОДКБ стабилизировали обстановку в Казахстане и позволили правоохранителям республики прекратить беспорядки. 13 января 2022 г. по просьбе К.-Ж. Токаева начался вывод миротворцев, продлившийся до 19 января этого года.

При сравнении двух этих ситуаций в ходе исследования были выявлены пять причин того, почему ОДКБ решила развернуть миротворческую операцию в Казахстане в 2022 г., хотя в 2010 г. не сделала этого в Киргизии.

1. Устав ОДКБ, действовавший в середине 2010 г., достаточно жестко ограничивал ввод коллективных миротворческих сил внешним военным вторжением. Это

¹⁹ Комментарий Секретариата ОДКБ о ситуации в Казахстане Сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/kommentariy-sekretariata-odkb-o-situatsii-v-kazakhstane/#loaded

юридически не позволило ОДКБ вмешаться в ситуацию на юге Киргизии. В том же году 10 декабря Устав был скорректирован. На начало 2022 г. в нем содержались пункты, позволявшие законно осуществить миротворческую операцию, даже если не напали иностранные войска. В частности, указывалось, что

для достижения целей Организации государства-члены принимают совместные меры к формированию в ее рамках действенной системы коллективной безопасности, обеспечивающей коллективную защиту в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету²⁰.

2. От Киргизии к ОДКБ обратилась исполняющая обязанности президента Роза Отунбаева. Она представляла самопровозглашенное правительство, пришедшее к власти в ходе государственного переворота. От Казахстана к ОДКБ обратился легитимный президент Касым-Жомарт Токаев, избранный в 2019 г.

3. Столкновения и погромы на юге Киргизии происходили стихийно, при этом целенаправленно, как в Казахстане, не уничтожались правительственные здания и социальная инфраструктура, не захватывались аэропорты. То есть в Казахстане просматривалась серьезная подготовка и четкая организация беспорядков, а следовательно, также большая угроза для безопасности и стабильности государства.

4. Ввод войск в Киргизию в 2010 г. мог еще более усугубить межнациональную рознь, ибо в ОДКБ тогда состоял и Узбекистан. В Казахстане не было противостояния по национальным признакам.

5. Международный фон 2010 г. не способствовал передвижениям войск России и ОДКБ. Это был разгар политики «перезагрузки» с США вскоре после подписания договора СНВ-III. В 2022 г., напротив, необходимо было показать США и НАТО после декабрьского ультиматума 2021 г., что Россия и ее союзники быстро и решительно действуют в зоне своей ответственности.

Выводы

Таким образом, подводя итоги, мы приходим к следующим выводам. Несмотря на многоплановость деятельности ОДКБ и ее присутствие в различных регионах постсоветского пространства, в центре внимания организации были вопросы безопасности в Центральной Азии.

Свое воплощение они нашли не только в документах саммитов, но и в конкретной деятельности по борьбе с военными угрозами, терроризмом, экстремизмом, наркотрафиком. Особенно наглядно это можно наблюдать в проведении совместных

²⁰ Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г., подписанным 10 декабря 2010 г.). URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded

военных учений и деятельности Оперативных сил быстрого реагирования. При этом подходы к Организации у России и входящих в ОДКБ стран Центральной Азии отличаются согласно их концептуальным документам.

Россия приложила максимум усилий к институционализации ОДКБ, принятию основополагающих документов и созданию внутренних структур. Впоследствии ее активность была направлена на реальный запуск этих структур и на разворачивание деятельности по обеспечению региональной безопасности.

Страны Центральной Азии не всегда считают ОДКБ основным инструментом обеспечения региональной безопасности, что отражается и в их действующих концепциях внешней политики. Особенно сильные имиджевые потери у организации были в 2010 г., после отказа помочь Киргизии в условиях межнационального киргизско-узбекского конфликта на юге страны.

Тем не менее миротворчество явилось важным элементом деятельности Организации. Отработав проведение миротворческих операций на многочисленных учениях, в 2022 г. в Казахстане ОДКБ впервые за двадцать лет существования смогла наглядно продемонстрировать свою целесообразность, оперативность и эффективность.

Список источников

1. Бабаджанов А.А. Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств: проблема сочетаемости национальных подходов [Military-political cooperation of post-Soviet states: the problem of compatibility of national approaches]. М.: Аспект Пресс. 2014. 256 с.
2. Бордюжа Н.Н. Безопасность надежно обеспечат координация и сотрудничество [Security will reliably ensure coordination and cooperation] // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. Том 3. № 10(19). С. 77–79.
3. Корниленко А.В. Миротворческий потенциал Организации Договора о коллективной безопасности [Peacekeeping potential of the Collective Security Treaty Organization] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 4. С. 707–720.
4. Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике [Central Asia in Foreign Political Science and World Geopolitics]. Том V: Центральная Азия в XXI столетии – Алматы. КИСИ при Президенте РК. 2009. 440 с.
5. Мещеряков К.Е. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России [Integration processes in the post-Soviet space and Russia's participation in them]. СПб. Скифия-принт. 2012. 237 с.
6. Троицкий Е.Ф., Зиновьев В.П. Организация Договора о коллективной безопасности: становление, эволюция и кризис военно-политического Союза [Collective Security Treaty Organization: formation, evolution and crisis of the military-political Union] // Русин. 2018. №54. С.335–351.
7. Beloglazov A.V. Security problems in Central Asia in the context of the withdrawal of coalition troops from Afghanistan // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol. 8. № 4. Pp. 225–232.
8. Bordyuzha N.N. The Collective Security Treaty Organization: A Brief Overview // OSCE Yearbook 2010. Baden-Baden. 2011. Pp. 339–350.

*Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 апреля 2023 г.). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

9. Faisal J. Collective Security Treaty Organization (CSTO) and Central Asian Region: Opportunities and Challenges // European Academic Research. 2017. Vol. IV. Iss. 12. P. 10614–10633.

Информация об авторе

БЕЛОГЛАЗОВ Альберт Владиславович. Кандидат исторических наук. Доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений Казанского федерального университета. <https://orcid.org/0000-0002-1982-9519>. Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, к. 318, Albert.Beloglazov@kpfu.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 октября 2023. Одобрена после рецензирования: 18 октября 2023. Принята к публикации: 1 ноября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Babadzhanov A.Y. Military-political cooperation of post-Soviet states: the problem of compatibility of national approaches. Moscow: Aspect Press. 2014:256 [In Russian].
2. Bordyuzha N.N. Security will reliably ensure coordination and cooperation // National interests: priorities and security. 2007. Tom 3, № 10 (19):77–79 [In Russian].
3. Kornilenko A.V. Peacekeeping potential of the Collective Security Treaty Organization // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2020. Vol. 20, № 4:707–720 [In Russian].
4. Laumulin M.T. Central Asia in Foreign Political Science and World Geopolitics. Volume V: Central Asia in the XXI century – Almaty. KISI under the President of the Republic of Kazakhstan. 2009:440 [In Russian].
5. Meshcheryakov K.E. Integration processes in the post-Soviet space and Russia's participation in them. St. Petersburg: Scythia – print. 2012:237 [In Russian].
6. Troitsky E.F., Zinoviev V.P. Collective Security Treaty Organization: formation, evolution and crisis of the military-political Union. Rusin. 2018. №54:335–351 [In Russian].
7. Beloglazov A.V. Security problems in Central Asia in the context of the withdrawal of coalition troops from Afghanistan. Journal of Sustainable Development. 2015. Vol.8. №4:225–232 [In English].
8. Bordyuzha N.N. The Collective Security Treaty Organization: A Brief Overview. OSCE Yearbook 2010. Baden-Baden. 2011:339–350 [In English].
9. Faisal J. Collective Security Treaty Organization (CSTO) and Central Asian Region: Opportunities and Challenges. European Academic Research. 2017. Vol.IV. Iss.12:10614–10633 [In English].

About the author

Albert V. BELOGLAZOV. CandSc(Hist). Docent of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Institute of International Relations, Kazan Federal University. <https://orcid.org/0000-0002-1982-9519>. Address: room 318, 1/55, Pushkin str., Kazan, 420008, Russian Federation, Albert.Beloglazov@kpfu.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: October 15, 2023. Approved after peer review: 18 October, 2023. Accepted for publication: November 1, 2023. Published: December 15, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

О происхождении символа «дракон» от зоонима «крокодил» в древних культурах Южного Китая и Вьетнама

Вадим Петрович Ларин ✉

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук,
Москва, Россия

vad25550218@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-00016327-3370>

Аннотация. Автор исследует происхождение символа «дракон» от зоонима «крокодил» в культурах древнего Южного Китая и Вьетнама, выдвигает гипотезу, что древние этноним и топоним «Юэ» 越, (совр. – «Вьетнам») происходят от китайского зоонима «крокодил» – 鳄鱼 èyú. Одновременно другими источниками являются слова «юэ» 岳 «гора», «юэ» 钺 «большой боевой топор» и «юэ» 月 «Луна». В настоящий семиотический анализ включено также вьетнамское слово âu – «чайка», изоморфное китайскому слову 鸥 ōu. Данная корреляция китайского письма – от «цзягувэнь» до «кайшу» (при упоминании вьетнамских «ты-ном» и письма государства «Диан») с исторической и современной действительностью способствует объективации китайско-вьетнамского мира, дополнительной возможности его изучения с применением филологических знаний. В статье также приводится сопоставление китайской классификации природы Чжоу Цюй-фэя с системой Карла Линнея и более ранней классификацией Конрада Геснера, развивается идея об экономике природы.

Ключевые слова: «цзягувэнь», «крокодил» 鳄鱼 èyú (вьетн. – ngac ngư – 鱷魚, cá sấu), «юэ» 岳 «гора», «юэ» 钺 «большой боевой топор», «Хуан Юэ», «юэ» 月 «Луна», «чайка» 鸥 ōu (вьетн. – âu), «Юэ» (вьеты), классификации природы, экономика природы.

Для цитирования: Ларин В.П. О происхождении символа «дракон» от зоонима «крокодил» в культурах древних Южного Китая и Вьетнама // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2022-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2022-3-4(10)-XX-XX)

On the origin of the symbol “dragon” from the zoonym “crocodile” in the cultures of ancient Southern China and Vietnam

Vadim P. Larin ✉

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

vad25550218@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-00016327-3370>

Abstract. The author explores the origin of the symbol “dragon” in the cultures of ancient Southern China and Vietnam from the “crocodile”, puts forward the hypothesis that the ancient ethnonym and toponym “Yue” 越, (modern Vietnam) come from the Chinese zoonym ‘crocodile’ 鳄鱼 èyú. Other sources are the words “yue” 岳 ‘mountain’, “yue” 钺 ‘great battle axe’ and “yue” 月 ‘moon’. The Vietnamese word âu ‘seagull’, isomorphic to the Chinese word 鸥 ‘ou’, is also involved in the semiotic analysis. Correlation of the Chinese letter from “jiaguwen” to “kaishu” (with the mention of the Vietnamese “ty-nom” and the letter of the state “Dian”) with historical and modern reality contributes to the objectification of the Chinese-Vietnamese world, the possibility of studying it using philological knowledge. The article also provides a comparison of the Chinese classification of nature by Zhou Qu-fei with the system of Carl Linnaeus and the earlier classification of Conrad Gesner, and develops the idea of the economy of nature.

Keywords: tsaghveri, crocodile 鳄鱼 èyú (vietn. – ngac ngư – 鱷魚, cá sấu), Yue 岳 ‘mountain’, Yue 钺 ‘large battle axe’ Huang Yue, Yue 月 ‘Moon’, ‘the Seagull’ 鸥 ōu (vietn. – âu), Yue (viets), classification of nature, the economy of nature.

For citation: Larin V.P. On the origin of the symbol “dragon” from the zoonym “crocodile” in the cultures of ancient Southern China and Vietnam. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023;4(10):XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2022-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2022-3-4(10)-XX-XX)

Введение

Актуальность темы и цель исследования определяются возможностью включения топонима «Вьетнам» («Юэ») в существующий научный контекст, касающийся подобных топонимов античного мира.

Автором осуществлен анализ культового преобразования зоонима «крокодил» в общественный и государственный символ «дракон», а также процедура сопоставления европейской и китайской систем природы, для которой основой классификации является утилитарная полезность различных объектов фауны.

Материалы и методы

Теоретическую основу исследования составили труды Чжоу Цюй-фэя, Сюй Хуэя, Ю.Н.Михайловой, Чжао И., В.В.Ступниковой, А.Б.Соломоника. Исследовательская ниша автора относится к области восточной культурологии, символизма и культурной семантики.

Автором избраны междисциплинарный и сравнительный методы применительно к названным исследованиям в планах топонимики, зоологии, истории и семиотики. В отношении китайских источников применен метод выборки релевантного знака «рыба-крокодил» письма цзягувэнь, а также цитаты по истории большого боевого топора «Хуан Юэ» как символа власти.

Результаты исследования

Природные и общественно-исторические условия формирования топонима «Вьетнам»

Произошедший от слова «крокодил»¹ символ «дракон» исторически объединяет в себе самые разные идеи, когда мы должны представить, что он пришел к вьетам и ханям по пути Дао, т.е. является божественной, но не общественной метафорой. С философской точки зрения оба подхода правомерны – естественно-научный и теологический. В религиозном отношении он неотделим от даосизма, буддизма, конфуцианства и существует в сознании христиан, неся в себе, таким образом, теократическое и человеческое начало.

На протяжении тысячелетий дракон был и остается в общественном сознании во Вьетнаме, как и в Китае, императорским символом, в качестве главного культурного архетипа этих стран он живет в веках, осеняя своим присутствием все надежды, чаяния и успехи двух великих многонациональных народов. Истоки этого явления лежат в древности совместного проживания ханьских народностей и «Юэ», когда данное название возникло благодаря освоению и постижению человеком естественной природы в борьбе и отождествлении себя с ее исполинскими и другими обитателями, наделяемыми человеком разумом и волшебными качествами. Свидетельством этого являются обширные пантеоны мифических и реальных животных, а также священные понятия – уже названные нами дракон, горы и реки, которые были изначально записаны благодаря такому техническому изобретению, как письмо и письменность эпохи Шан-Инь.

«По легенде, Лак-лаунг куан (правитель Дракон Лак) был «водяным драконом» – сыном Кинь-зыонг выонга и дочери государя озера Дунтин. Таким образом, как на-

¹ Как сказать «крокодил» на китайском? URL: <https://www.toboapp.com/word/chinese/russian/eyu-2222/>.

звание Зяоти, так и имена первых двух вьетских легендарных государей, по мнению Дао Зюи Аня, отражают тотемистические и анималистические представления прото-вьетов, живших в среднем и нижнем течении Янцзы» [7, с. 27–30].

Именно поэтому мы можем сегодня провести некоторую реконструкцию возникновения современного географического названия «Вьетнам». Данный материал является продолжением исследования «Символизм во Вьетнаме: гипотезы формирования»².

Кроме «крокодила» понятие «Юэ» позднее могло включить в себя также геологический термин «юэ» 岳 «гора» и технический термин «юэ» 鉞 «большой боевой топор Хуан Юэ» (символ власти в древнем Китае)³; от него, согласно Сюй Хуэю, произошел научный термин, обозначаемый иероглифом «цзиньвэнь» – «ученый, чиновник» [10, с. 3–6]. А затем – благодаря «лунному поэту» Ли Бо (701–762/763) – также и слово 月 «Луна»⁴ (ключ 74):

Молвленным путем от Матери Небесной
перейти бы вброд, доверяясь сну,
Озера Зеркального луну
и попасть в Юэ и У.

(Перевод Балашова Э.В.)⁵

Этим мы стараемся дополнить исследования вьетнамских ученых в плане объяснения происхождения названия вьетнамской нации, когда в создании ханьской иероглифики могли участвовать юэцзы⁶.

Мы видим, как поэзия Ли Бо достигает земель Юэ, умиротворяет мысль, когда они, быть может, видятся ему подобием или же самой Луной, и поэтому именно данное значение может быть признано основным, когда значения «крокодил» и др. утрачивают роль в смыслообразовании названия народа Юэ и понимании его жизни. Однако, повторимся, именно с «крокодилом» в объективном отношении изначально связаны рассматриваемые здесь феномены.

² Изобретение письма в эпоху Шан-Инь явилось кардинальным рубежом в познании мира, позволив установить изоморфизм «обозначаемое – знак», когда название «Юэ» от феномена «крокодил» должно было подчиниться развитию цивилизации в духе Фань Чэн-да: «За хребтами также есть зайцы, но крайне мало», тем самым сказавшего о кистях из заячьей шерсти и Чжу Юя, сказавшего о перьях петуха для письма. Чжоу Цюй-фэй. За хребтами вместо ответов. Вступление М.Ю. Ульянова. С. 51. Изображение петуха, как известно, присутствует на бронзовой табличке государства Диан. Ларин В.П. Символизм во Вьетнаме. Вьетнамские исследования. Вып. 6. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 244–261.

³ Новакова О.В. Крест и дракон. М.: Ключ-С, 2012. 304 с.: ил. С. пор. 133. «Хуан Юэ» 鉞 «большой боевой топор». Интернет. Сюй Хуэй. «Ученый, чиновник». Этимология китайских иероглифов. М.: Шанс, 2022. С. 3–6.

⁴ Ключ 74 (трад. и упр. 月) – ключ Канси со значением «луна». https://ru.wikipedia.org/wiki/Ключ_74.

⁵ Ли Бо (701–762) 李白, 李太白 Династия Тан [Мэн ю тяньму инь любе] Пою о расставании с горой Мать Небес, по которой гулял во сне. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=5720 (дата обращения: 31.08.2023).

⁶ Объяснение источника происхождения вьетнамской нации (Giải thích nguồn gốc dân tộc Việt). URL: <https://hoc247.net/hoi-dap/ngu-van-6/giai-thich-nguon-goc-dan-toc-viet-faq353623.html> (дата обращения: 10.08.2023).

Это оружие используется исключительно императорами, и другие умрут, если прикоснутся к нему наедине. Король У использовал его, чтобы рубить Чжоу, а Цяньлун использовал его, чтобы рубить тигров. <...> Желтый Юэ [потому что украшен золотом] – это оружие, используемое императором для обозначения военного порядка во время завоевания, оно обладает силой убивать и завоевывать⁷.

Контекстуально мы можем здесь процитировать профессора Фам Динь Фонга об изображенных на донгшонских барабанах сценах с оружием:

Также существует изображение человека, отсекающего косым бронзовым Топором голову буйволу на празднике закалывания буйвола, соревнуются храбрецы, демонстрируют борьбу, сцена бойцов в засаде, сжимающих в руках Боевые кинжалы, приготовившихся атаковать врага..., –

а также о борьбе вьетов с дикими животными в относительно недавние времена:

К эпохе династии Ли [李家 1009–1225] тигры, пантеры, львы все еще кружились вокруг Зам Дам (сегодня – Западное озеро), в народе до сих пор идут разговоры по этому поводу, в Тхайбине и во многих других местах страны в земле также было обнаружено множество костей тигров, водяных змеев, крокодилов, носорогов [11, с. 45, 49].

В подтверждение нашей гипотезы следует сказать, что символ «дракон», в частности, в эпоху Мин [大明朝 1368–1644] венчал всю гражданскую и военную чиновничью иерархию обеих стран [10, с. 331–334]. Символ «крокодил» среди них отсутствует, однако, на наш взгляд, именно потому, что он превратился в «дракона».

Только при династии Мин начали собирать классические тексты со свидетельствами о чудесных животных, чтобы окончательно установить имена девяти сыновей дракона и их способности, –

сообщает Сюй Хуэй и приводит далее имена и свойства всех 9 драконов. Это число, как известно, соответствует количеству рукавов расположенной на территории Южного Вьетнама дельты «Реки девяти драконов» (вьетн. Sông Cửu Long, chũ Nôm: 九龍河), т.е. Меконга. Именно в конце эпохи Мин началась миграция южно-китайского населения одновременно с вьетскими цилинниками на юг Вьетнама, что означало освоение «драконом» новых земель. Как символическое существо, он не может питаться иначе как символически, в отличие от крокодила. Сюй Хуэй помещает рассказ о девяти драконах в статью об иероглифе tà («прожорливый») [10, с. 419–422], что и является еще одним подтверждением происхождения символического суще-

7 这兵器帝王专用，别人私自摸都得死，武王用它劈纣，乾隆用它劈虎 14.10.2018. URL: https://www.sohu.com/a/259371462_455939.

ства «дракон» от зоонима «крокодил».

Для сопоставления происхождения этнонимов и топонимов от зоонимов мы можем сослаться на дискуссию о названии «Италия», происходящем, очевидно, от греческого *ιταλός* – «бык»⁸, тогда как название «Русь» могло изначально произойти от латинского *ursus* – «медведь»⁹.

Письмо «цзягувэнь» и название «Юэ»

Предположительно этноним и топоним «Юэ» происходят от китайского слова «крокодил» 鱷魚 *èyú* – *Alligator sinensis*, бассейн Янцзы¹⁰, либо солоноводный *Crocodylus porosus*, Вьетнам¹¹, когда систем природы еще не существовало. Древнее вьетнамское слово «крокодил» – *ngạc ngư* (鱷魚)¹², современное – *cá sấu*.

Тогда как вьетнамское слово *âu* «чайка» – от китайского слова 鷗 *ōu*. Изначально три настоящие идеограммы относятся к «цзягувэнь» – гадательной письменности на черепаших панцирях (от иньских надписей эпохи чжоуской бронзы до стиля «кайшу»).

Поскольку всякий новый письменный знак «возникает не на пустом месте», но как отражение нового понятия, пиктофонические гадательные знаки «крокодил» и «яйцо» были естественным образом включены в процесс развития письма и письменности в рассматриваемых нами хронологических рамках цивилизаций данного региона¹³.

Вьетнамцы живут в речных долинах, поэтому кроме птиц издревле они поклонялись крокодилам как священному животному, олицетворяющему богатство и силу. Они обожествили крокодила, превратив его в *Giao Long* (Водяного дракона) которого китайцы назвали позднее 蛟龍 – цзяолун), чтобы украсить облик крокодила творческими и

8 «Италия» происходит от названия племени италиков, в свою очередь, возможно, возникшего от избытка рогатого скота в регионе (греч. *ιταλός*, «бык» – от лат. *vitulus*, «теленоч»). Какова официально принятая этимология названий стран мира? 30.04.2016. URL: <https://ss69100.livejournal.com/2771496.html>.

9 Авторитетный ученый А.Н.Афанасьев в ходе своих исследований пришел к выводу, что название медведя у многих народов связано с отношением к нему не только как к дикому зверю со страшным ревом, но имеющему разрушительные наклонности. В санскрите этому пониманию соответствует *ksha* – буквально «терзатель», а в латыни – *ursus*. Отсюда по-французски – *ours*, по-итальянски – *orso*, в русском праязыке – «урс», «рус». 08.03.2019. URL: https://vk.com/@remeslo_rodimich-kak-v-starinu-nazyvali-medvedya.

10 Пермяков Е. Крокодилы Янцзы. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/permyakov-e/krokodili-yanczi>.

11 RepFocus – A Survey of the Reptiles of the World. © Rune Midtgaard. URL: <https://repfocus.dk/>.

12 Крокодил. «В жертвоприношении крокодила Хань Туена есть фраза: “Другая рыба, ты хороша”». Словарь Нгуен Куок Хунга (*Từ điển Nguyễn Quốc Hùng*). URL: <https://hvdic.thivien.net/hv/ngac%20ngu>.

13 Отметим существование знаков, которые являются случайными, т.е. возникшими по естественным причинам (по божественной воле), как то: трещины в камне от жара и холода, удара молнии и т.п. А также по такой причине, как природный пожар и искусственный костер, образующие в древесине многочисленные трещины. В то же время внешним изоморфизмом обладают фигуры самих людей, петроглифы, формы деревянных и каменных инструментов, звезды, облака, животные, птицы и их следы, рыбы, растения, снежинки, дождевые круги. Вероятно, подобные наблюдения и побудили человека создать письменность «цзягувэнь».

значимыми деталями¹⁴.

Медицина Китая весьма ценит крокодила, называя его специальным термином: «гуйто». Лекарство из гуйто спасает от укусов комаров и ос, лечит кости, желудок, приносит долголетие. О крокодилах сложено немало легенд. В них говорится, что крокодилы – это помесь дракона и черепахи, что они дышат ушами, летают по воде, оставляя за собой пар и огонь...¹⁵

Крокодилов считают не только близкими сородичами динозавров, населявших нашу планету несколько миллионов лет назад, но и близкой родней всех пернатых¹⁶.

В своих психосемантических доказательствах мы исходим из идеографического характера китайского письма с учетом необходимости установления научной этимологии этих знаков¹⁷.

Согласно статье в CASE PRESS, в таблице присутствует идеограмма «рыба-крокодил», которой соответствует иероглиф 鱷魚 (трад.), вьетн. – ngac ngu, cá sấu)¹⁸.

Для подтверждения сошлемся также на относящееся к эпохе Тан (618–907) произведение Хань Юя «Молитвенное и жертвенное обращение к крокодилу» [3, с. 191–193]. А также упомянем, что «первое произведение на вьетнамском языке было создано в 1282 году, когда министр правосудия Нгуен Тхуен сочинил заклинание в стихах, которое было брошено в Красную реку, чтобы отогнать крокодилов [13].

Очевидно, в формировании собирательного образа «дракона» мог участвовать и знак «змея» – 蛇 [shé]. Таким образом, нельзя исключить, что превращение крокодила в дракона произошло так, как об этом говорит вьетнамский миф «Исправление животных»¹⁹.

Классификации природы и филология

Существующие китайские древние источники (вьетнамскими мы не располагаем) демонстрируют иные принципы построения классификаций фауны по сравнению с «Системой природы» К.Линнея, хотя имеют некоторое сходство с классификацией Конрада Гесснера «История животных»²⁰. В частности, подобная система

14 Вьетнамский дракон (Rồng Việt Nam). URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.89335fe5d-64db4155-9ae8624f-74722d776562/, https://vi.wikipedia.org/wiki/R%E1%BB%93ng_Vi%E1%BB%87t_Nam (дата обращения: 15.08.2023).

15 Пермяков Е. Там же.

16 URL: <https://faunistics.com/krokodily/> (дата обращения: 23.07.23).

17 Как распознать неверную этимологию китайского иероглифа? Введение в науку о (древне) китайском письме. 24.06.2022. URL: <https://vk.com/@randomkj-etymol?anchor=kakoy-dolzha-byt-etimologia>.

18 Расшифровка надписей на костях оракула: обнаружение, свойства и характерные особенности. 23 мая 2022 г. CASE PRESS. Шесть книг, Династия Шан, Структурные элементы, Надписи на костях Оракула, Варианты символов (解密甲骨文: 發現、性質與文字特點 2022年05月23日 CASE PRESS 六書, 商代, 構形元素, 甲骨文, 異體字). URL: <https://case.ntu.edu.tw/blog/?p=39924>.

19 Исправление животных. URL: <http://www.nhat-nam.ru/mif.html>.

20 В отличие от европейско-византийского антропоцентризма, в Китае господствовало представление о единстве человека и природы. Китайские мореплаватели путешествовали не только в страны Юго-Восточной Азии и Индию, но в начале XV в. (до Васко де Гамы) плавали к

представлена Чжоу Цюй-фэем в его труде «За хребтами. Вместо ответов», 10 глава которого названа «Насекомые и рыбы», куда включен и крокодил («тань»)²¹. Данная глава может быть также сравнима с европейскими bestiариями.

Данную иллюстрацию классификации фауны на три формы перерождений – «животные» («тай-шэн-лэй»), «птицы» («луань-шэн-лэй») и «насекомые, земноводные, пресмыкающиеся, рыбы» («хуа-шэн-лэй») – приводит И.Г.Баранов в своей книге «Загробный суд в представлении китайского народа» [1, с. 17]. Здесь присутствует и дракон. Итак, исходя из контекста, с наибольшей вероятностью в третьем отряде мы видим мифологизированного крокодила.

Существует пространная статья, посвященная Цзяолуну, что позволяет нашему сообщению внести некоторые дополнения в данную тему. Мы должны отметить, что «ряд ученых указывают на некитайское южное происхождение легендарного существа, а в древних текстах говорится, что народ Юэ когда-то татуировал свои тела, чтобы защититься от этих монстров»²².

Наша гипотеза проявляется весьма определенно в плане «обозначаемое / знак – как звуковой, так и письменный» (пиктофонические символы), что в известной мере подтверждается историческим контекстом расселения древних ханьских и вьетских племен в сопредельных районах современного Южного Китая и Северного Вьетнама²³.

Происходившее здесь смешение этносов в процессе хозяйствования, миграций, войн объективно влекло конвергенцию различных локальных цивилизаций и культур. Некоторое подтверждение этому мы находим в книге Чжоу Цюй-фэя «За хребтами. Вместо ответов» (во «Введении» М.Ю.Ульянова):

Крайне важны, хотя и очень малочисленны упоминания о, собственно, вьетской иероглифике, отличной от ханьской. Автор рассматривает ее как нечто само собой разумеющееся, и она, видимо, применялась в то время намного шире, чем мы привыкли думать [12; 13].

Естественно, все объекты, в том числе представители фауны, подвергались человеку в возможной в то время степени изучению для безопасного сосуществования, охоты, питания и иного натурального использования, а также тотемизма, что отражено в их рисуночных и иероглифических изображениях, которые сохранили до настоящего времени внешний и внутренний изоморфизм. Поэтому исходные значения «цзягувэнь» дошли до наших дней, что относится и к «куок нгы». По нашему

берегам Африки. Развитие эволюционных идей в биологии. Воронцов Николай Николаевич. URL:

21 Чжоу Цюй-фэй. За Хребтами. Вместо ответов («Лин вай дай да»). Перевод с китайского, комментарий, исследование и приложения. Ульянов М.Ю. Год издания: 2001. Восточная литература Москва 528 с. С. 27, 175.

22 Цзяолун:

23 Лаквьеты. URL:

мнению [5], современная латинская буква Y в качестве глифа может иметь конвенциональное значение «крокодил», поскольку соответствует правому глифу иероглифа «крокодил».

Этому соответствуют сведения, приводимые В.В.Ступниковой:

Другой распространенной версией в начале XX в. стала гипотеза, по которой дракон являлся тотемом некоего первобытного племени. В 1934 г. археолог Вэй Цзюйсянь предположил, что дракон может быть тотемом крокодила²⁴. Историк и антрополог Ван Даю считал, что прототипами дракона являются, в частности, китайский аллигатор и гребнистый крокодил. В 1986–1989 гг. исследователь Хэ Синь рассматривал теорию, по которой дракон – это одна из разновидностей гребнистого крокодила, огромного по размеру и получившего название цзяо. Хэ Синь привел много аргументов в поддержку этой теории, опираясь как на археологические открытия, так и на письменные источники. Он также предполагал, что дракон мог быть объединенным названием для всех рептилий: крокодилов, питонов, саламандр, ящеров [9].

То обстоятельство, что древняя статуэтка крокодила присутствует среди иных зооморфных мифологических ханьских существ, продемонстрировано сейчас на одной из витрин выставки «Терракотная армия Цинь Шихуана» (ВДНХ, пав. 21) в виде небольшой деревянной статуэтки «Дождевой дракон» из фондов Государственного музея Востока (т.е. Цзяолун) под № 4 в правом углу.

Таким образом, культурный обмен (вначале между различными ханьскими и неханьскими народностями Юэ, а затем ханьцами и вьетами как таковыми) привел к рождению всемирного феномена китайского и вьетнамского драконов, которые имеют сегодня некоторые отличные друг от друга изобразительные черты, сохраняя животворящую, победоносную и вечную суть этого грандиозного существа.

Подтверждению нашей гипотезы способствует следующее сообщение Е.Пермякова:

Однажды археологи нашли в Индии окаменевший скелет длиной двадцать метров. Это был ископаемый крокодил, появившийся на Земле два с половиной миллиона лет назад. В ту пору крокодилы расселились по всей Земле. Теперь они живут в тропических и субтропических странах – в реках, озерах, у морских побережий. Их особенно много в водах Инда, Амазонки, Ганга, Миссисипи, в реках Бирмы, у морского побережья Австралии²⁵.

Таким образом, крокодил независимо от вида был хорошо известным еще из античного мира животным (египетский Себек)²⁶.

²⁴ Тотемизм. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1236/ТОТЕМИЗМ.

²⁵ Пермяков Е. Крокодилы Янцзы. Очерк. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/permyakov-e/krokodili-yanczi>.

²⁶ Драконы – от грозных хищников до богов. 21.03.2020. URL: <https://spletnik.ru/user/nadezhdavorontcova170898>.

Тогда как в древности крокодилы ввиду их множества могли быть опасными для юэцев, в процессе урбанизации, аграрного развития и охоты они были вытеснены в районы дикой природы и продолжают существовать там и сегодня либо на крокодиловых фермах.

Длительно сосуществовавшие ханьцы и вьеты стремились привлечь себе на помощь различные природные силы, например, слона, что дополнительно позволяет предположить присутствие в плейстоцене некоего реального прототипа китайского дракона. Ответом палеонтологов на этот вопрос могут быть известные данные о том, что на костях стегодонтов и других первобытных ящеров были обнаружены гадательные письмена и что сами эти кости использовались в качестве лекарств.

Вместе с тем возможна и иная трактовка этнонима «Юэ» (топонима «Байюэ»), а именно – 岳 «гора», поскольку Южный Китай и Северный Вьетнам изобилуют горами, где проживают различные малые народы: яо, лао, мыонги, нунги, мяо и иные, т.е. собирательно с вьетами – «юэ».

Сюй Хуэй приводит краткое досье иероглифа уиэ – «гора», говоря о пяти священных пиках Китая [10, с. 180-183]. С топонимом и этнонимом «юэ» также коррелируется произношение иероглифа «Луна»²⁷.

Экономика природы

Начальное сопоставление китайских и европейских систем природы, предпринятое здесь, позволяет сказать как об их общем экономическом значении, так и о значении отдельных представителей фауны, а также флоры.

В качестве примеров мы можем привести пчелу (кит. trad. – 蜜蜂 mífēng) – родник здоровья – и тутового шелкопряда (кит. trad. – 蚕蛾 jiǎn'é) – ткача красоты, приносящих большие доходы и эндорфины с доисторических времен. Не только они, но и другие виды животных и растений, диких, одомашненных и окультуренных, успешно выполняют эту роль в постоянном социальном и естественном кругообороте. Правда, между первыми двумя и, на поверку, большинством других существует огромная разница, которая заключается в отношении человека к их биологической жизни и смерти, условно говоря, человек не уничтожает, а лелеет первых ради получения товарного продукта.

Кроме того, они благодаря письменности составляют великий международный лексикон, основанный на древних китайских иероглифах и знаках иных систем письма. Когда облако-дракон орошает землю ради урожая, иероглиф становится метафорой... Дракон вообще является олицетворением природных богатств – горных, морских и всех иных, именно он наделял императоров мандатом Неба. И теперь мы видим, как это вездесущее явление проявляет себя веками в духе восточной философии, математики, кибернетики и алхимии, способствуя получению стоимости в пла-

²⁷ Луна. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/月>.

не классической политэкономии.

Китайское и, следует полагать, вьетнамское определение полезности представителей фауны остается ключевой идеей, которая может рассматриваться в контексте с европейскими природными классификациями²⁸. Говоря об эволюции природы, мы всегда имеем дело с физическими и химическими процессами, поэтому здесь уместно напомнить об изоморфизме, который присущ как химическим элементам²⁹, так и знаковым системам.

Заключение

Теплый климат в устье Янцзы и на побережье Восточно-Китайского моря обусловили обитание большого количества аллигаторов в царстве Юэ, что и явилось причиной как данного географического названия, так и этнонима в качестве тотема «крокодил».

Еще ранее Ханьского государства здесь находилось государство Ситькуи (вьетн. Xích Quỷ, «ты-ном» 赤鬼, «красный демон»), основанное Киньзыонг-Вьонгом (вьетн. Kinh Dương Vương, «ты-ном» 涇陽王) – мифическим правителем вьетов, первым из хунгвьонгов, основателем династии Хонг-банг. Считается первым правителем во вьетнамской истории. Согласно «Полному собранию исторических записок Дайвьета», Киньзыонг-вьонг – отец Лак Лонг Куана. Красный цвет, по китайским воззрениям, ассоциировался с «югом»³⁰.

Следует указать на орфографическое и фонетическое отличие вьетнамского названия «Ситькуи» от китайского, с большой вероятностью shìxiàn – «красный уезд» [10, с. 107-110]. Данное явление характерно для множества вьетнамских слов, произошедших от китайских.

Мы обнаруживаем присутствие иероглифа «цзягувэнь» («дракон») в названии династии Хонг Банг [«ты-ном» 鴻龐], соответственно появилась возможность коррелировать данный топоним с топонимом Сить Куи (вьетн. Xích Quỷ, «ты-ном» 赤鬼, «красный демон»), кроме значения «демон» иероглиф guì имеет, например, значения: 1) «душа умершего», 2) «душа предка», 3) «местное божество», 4) «гений» и др., хотя «красный» здесь – это иероглиф chī.

Сюй Хуэй подробно рассматривает значения и контекст этой идеограммы,

28 Среди живых систем, т.е. среди систем, обладающих свойством самовоспроизведения, каковыми являются внутриклеточные структуры – хромосомы, митохондрии и т.п., сами клетки, индивиды и виды, есть только одна изоморфная система – вид. Изоморфизм групп животных. URL: <http://www.zoofirma.ru/knigi/genetika-i-evoljutsija/5606-izomorfizm-grupp-zhivotnyh.html>.

29 Некоторые элементы, при всем своем различии, вели себя в кристаллах сходным образом. Им было присвоено название, по обычаю составленное из двух греческих слов: «isos», что значит «разный», и «морфе» – «вид», «форма», а само явление получило имя «изоморфизм». Писаржевский О. Менделеев занимается изоморфизмом. URL: <https://biography.wikireading.ru/113109>.

30 Ситькуи. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ситькуи>.

которая означает сгорающего на огне человека, а также ярко-красного новорожденного младенца (赤子 – chìdì) [10, с. 107-110.]. Таким образом, мы можем предположить семантический переход от глифа «цзягувэнь» – «змея» [shé] к глифам «сяочжунь» – «красный младенец» и «крокодил». Нельзя исключить, что идеограмма chī демонстрирует также значение «кремация», что имеет отношение к лаосским кувшинам, соответственно, к мифу о рождении вьетов, а также к подобным индийским и индонезийским артефактам³¹. Красный цвет может означать цвет глины – как сырой, так и обожженной.

Примерная корреляция названия «Ситькуи» (赤鬼 «Красный дьявол») позволяет предположить в качестве его источника культ предков. Географии этого государства соответствует территория империи Хань, а ныне – провинции Гуандун, где существует язык Юэ.

Следует отметить, что описываемые события соответствуют не хронологии империи Хань и даже не предшествовавшей ей Цинь, а «периоду до Цинь (2100 г. до н.э. – 221 г. до н.э.), охватывающему более 1800 лет. <...> В истории Китая это 3 исторических этапа, а именно: Династия Ся (2070 г. до н.э. – 1600 г. до н.э.), династия Шан (1600 г. до н.э. – 1046 г. до н.э.), династия Чжоу (1046 г. до н.э. – 221 г. до н.э.), во время которой великие древние китайцы создали великую цивилизацию своим умом и трудолюбием, включая надписи на костях оракулов Ся-Шаня и изделий из бронзы династии Шан-Чжоу, и эти культурные реликвии стали историческими символами древней китайской цивилизации»³².

Мы указываем на это в сопоставлении с хронологией донгшонской бронзовой культуры, которая сложилась в начале I тысячелетия до н.э. Донгшонская культура была разрушена во 2 в. до н.э. при первом северном завоевании (111 г. до н.э.), что соответствует началу династии Хань (206 до н.э. – 220 н.э.).

Итак, обширная территория (назовем ее условно «Землей крокодилов») осваивалась в процессе войн и переселений конгломератом племен южно-китайского и иного происхождения, среди которых мы можем предположить, в частности, представителей государства Диан (Юннань, 滇國 diān), также относящегося к бронзовой культуре.

В процессе противоборства с Ханьской империей здесь последовательно образовались южные царства Миньюэ, Наньюэ, Ванланг и Аулак, общую хронологию существования которых, что сейчас важно, можно оценить с 7 по 2 в. до н.э., т.е. как соответствующую периоду чжоуской бронзы (XI–III вв. до н.э.).

По легенде, Лак-лаунг куан (правитель Дракон Лак) был «водяным драконом» – сыном Кинь-зыонг вьонга и дочери государя озера Дунтин. Таким образом, как название Зяоти, так и имена первых двух вьетских легендарных государей, по мнению Дао Зюи Аня,

31 AccheDin. В Лаосе обнаружены загадочные «кувшины мертвецов». 19 мая 2019. URL: <https://fishki.net/2982884-v-laose-obnaruzheny-zagadochnye-kuvshiny-mertvecov.html>.

32 Доциньский период в истории Китая. URL: <https://chinese.hbh.ru/2022/08/04/dotsinskij-period-v-istorii-kitaya/>.

отражают тотемистические и анималистические представления протозвьев, живших в среднем и нижнем течении Янцзы [8, с. 27-30].

В течение четырех тысячелетий собирательный образ крокодила в Китае и Вьетнаме приобрел новые черты, ведь в дракона «может превратиться» даже карп, преодолевший речную стремнину. Ю.Н.Михайлова и Чжао И отмечают, что

мотивировочным признаком для формирования значения фразеологизмов с компонентом «дракон» в китайском языке является приписываемая референту имени способность к полету, которая метафорически проецируется на различный круг натурфактных и артефактных объектов: от движения облаков до движений пера в китайской каллиграфии. Сила, мощь, величественность, которыми наделен дракон в китайской мифологии, становятся основанием приписывания этих ценностно значимых свойств человеку [7].

Миф о рождении вьетов фактически построен на тотемах крокодила и чайки, собирательном драконьем образе-символе из-за близости к морю из низовий «Красной реки». О возрождении этого символа сообщает статья «Борьба со стигматизацией – уникальная история вьетнамской культуры татуировок»³³.

Некоторые классификационные ряды отражены рисунками цзягувэнь, которыми мы обращались выше³⁴. В данном контексте мы можем предположить, что изображенные на донгшонских барабанах птицы – это сорочьи цапли (Bái jì ng hēi lù 白頸斑鸕)³⁵ или иные хохлатые цапли, обитающие на озере Дунтинху, но не чайки, не имеющие хохолок на головах.

Итак, с течением времени картина мира вьетнамцев кардинально изменилась в географическом, лингвистическом, религиозном, политическом, историческом, биологическом отношениях. Контекстом для понимания данного процесса нам служат сведения, представленные в «Полной академической истории Вьетнама» (т. 1) и в труде Чжоу Цюй-фэя «За хребтами. Вместо ответов». Упомянутые нами китайские классификации фауны, очевидно, соотносятся с семантическими группами ключей китайского языка³⁶.

33 Борьба со стигматизацией. 25.02.2020. URL: <https://vietnews.ru/culture/borba-so-stigmatizaciej-unikalnaja-istorija-vetnamskoj-kultury-tatuirovok>.

34 Расшифровка надписей. 22.05.2023. URL: <https://case.ntu.edu.tw/blog/?p=39924>.

35 Сорочья цапля / Egretta picata. URL: <https://dibird.com/ru/species/sorochja-tsaplja/>.

36 Шуовэнь Цзеци. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.55f4c23f-64e344e7-1b6e8b95-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Shuowen_Jiezi.

Символично, что фамилия «Линней» происходит от названия дерева «липа»³⁷, хотя, согласно найденным нами данным, он исследовал крокодилового каймана (Caiman crocodilus), обитающего в Америке³⁸.

Итак, рассматриваемый нами древний район Южного Китая и Северного Вьетнама не соотносится с современным ареалом этого представителя фауны³⁹.

В то же время на обложке книги Ле Нгуена «Земля Сайгон и жизнедеятельность древних сайгонцев», следует полагать, изображен гигантский морской змей⁴⁰, а именно «Зяо Лонг» (Giao Long).

Как известно, некоторое время аллигаторы могут обитать в соленой воде. Южный Вьетнам по-прежнему входит в ареал, где вьетам, тьямам, кхмерам были и остаются известными гигантские обитатели океана.

Латинское обозначение дракона в научных системах природы присутствует в случаях лучеперых рыб (Trachinidae), а также рода агамовых ящериц (Draco), имеющего название в русскоязычной литературе «летучие драконы»⁴¹.

Латинское слово «dragon», «draco» также означает змею, подчеркивая общую древнеевропейскую ассоциацию драконов со змеями, а не ящерицами или динозаврами, как это обычно принято сегодня. Средневековая библейская интерпретация Дьявола, представшего в образе змея, соблаздившего Адама и Еву, послужила поводом отождествления дракона со злом⁴².

Следует отметить, что, в то время как божественное происхождение дракона в Восточной Азии не ставится под сомнение, материалистическая система природы Поля Анри Гольбаха 1770 г. априори опровергает существование подобных существ. Гольбах пишет: «Поэтому в природе нет ни чудес, ни беспорядка. Понятие о беспорядке, случае, как и о разуме, действующем целесообразно, мы черпаем единственно из себя. Мы называем случайными действия, связи которых с причинами не видим»⁴³. Но уже в XX в. неокантианец Э.Кассирер обобщил понятие символа и отнес к «символическим формам» широкий класс культурных явлений, таких как язык, миф, религия, искусство и наука, посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос⁴⁴.

37 Труды Зоологического института РАН. Приложение № 1, 2009, с. 9–78. URL: <https://studylib.ru/doc/2073454/karl-linnej-1707%E2%80%93931778--kak-zoolog>.

38 Крокодиловый кайман. 18.05.2014. URL: <https://zooclub.org.ua/krokodily/1854-krokodilovyy-kayman.html>.

39 Современный ареал Crocodylus porosus [RepFocus]. URL: https://www.repfocus.dk/maps1/TAX/Crocodylia/Crocodylidae/Crocodylus_porosus_map.html.

40 Ле Нгуен «Земля Сайгон и жизнедеятельность древних сайгонцев» (Lê Nguễn. Đất Sài Gòn và sinh hoạt của người Sài Gòn xưa. NXB Hội nhà văn, TP HCM, 2016). Непомнящий Н.Н. Гигантский морской змей. 03.10.2013. URL: <https://iknigi.net/avtor-nikolay-nepomnyaschiy/5578-gigantskiy-morskoy-zmey-nikolay-nepomnyaschiy/read/page-2.html>.

41 В.В. Бобров. Рецензия. 17.07.2023.

42 Драконы – от грозных хищников до богов. 21.03.2020. URL: <https://spletnik.ru/177930-drakony-ot-groznykh-khishcnikov-do-bogov-282807>.

43 Гольбах «Система природы» – краткое содержание. URL: <http://rushist.com/index.php/philosophical-articles/2641-filosofiya-golbakha-kratko> (дата обращения: 06.06.2023).

44 Символ. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB>.

Осуществленная нами корреляция с действительностью китайских систем письма – от «цзягувэнь» до «кайшу» (при упоминании вьетнамских «ты-ном» и письма «диан») позволила обнаружить ранее неявное (эйдос), способствуя тем самым исторической объективации китайско-вьетнамского мира, возможности его изучения с применением филологических знаний, в частности исследования А.Соломони-ка «Семиотика и лингвистика» [8].

Выводы

К выводам по результатам исследования мы относим:

- реконструкцию превращения зоонима «крокодил» в традиционный китайский и вьетнамский общественный и государственный символ «дракон»; выявление в плане культурной семантики признаков данной эволюции;
- подтверждение значительной вероятности происхождения от зоонима «крокодил» этнонима и топонима «Юэ» («Вьетнам») при последующем развитии данного государственного понятия благодаря иным природным и общественным явлениям, зафиксированным вьетскими и ханьскими иероглифами – «Юэ» – «гора», «Луна», большой боевой топор «Хуан Юэ» как символ власти, включая действие естественного и искусственного изоморфизма в данном процессе;
- указание (в сопоставлении с западными системами природы) на такую характеристику традиционных китайских систем природы, как утилитарная полезность представителей фауны;
- корреляцию вьетнамского топонима «Ситькуи» (赤鬼 «Красный дьявол») с такой формой политеизма, как культ предков.

Список источников

1. Баранов И.Г. Загробный суд в представлении китайского народа [The afterlife court in the minds of the Chinese people]. Харбин. Тип. Китайской Восточной железной дороги. 1928.
2. Донгшонский барабан. Полная академическая история Вьетнама [A complete academic history of Vietnam]. Москва: Президиум Российской Академии наук, 2014. Т. 1: Древность и раннее средневековье (конец 4 – начало 3 тыс. до н.э. – 1010 г. н.э.) Редактор тома Д.В. Мосяков. Т. 1 / П.В. Познер [и др.]; ред. П.В.Познер. 2014. 672 с.
3. Классическая проза Дальнего Востока [Classical prose of the Far East]. Сборник/[Вступительные статьи и примечания Б.Рифтина и др.]. Т. 18. Москва: Художественная литература, 1975. 895 с. (Библиотека всемирной литературы).
4. Кондрашевский А. Ф. Практический курс китайского языка [Practical course of the Chinese language]. Москва: Муравей, 2003.
5. Ларин В. П. Алфавиты в визуальном и звуковом обращении [Alphabets in visual and sound circulation]. Москва: Компания Спутник+, 1999. 90 с.
6. Михайлова Ю.Н., Чжао И. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии [Cultural connotations of zoonyms in Russian and Chinese phraseology]. Уральский федеральный университет. Екатеринбург. 2016.
7. Полная академическая история Вьетнама [Complete academic history of Vietnam]. Москва: Президиум Российской Академии наук, 2014. Т. 1: Древность и раннее средневековье (конец IV - начало III тыс. до н.э. – 1010 г. н.э.). Т. 1 / С. В. Лаптев, П. В. Познер, А. Б. Поляков, Я. В. Чеснов; редактор тома Д. В. Мосяков. 2014. XIV, 978 с.

8. Соломоник А. Семиотика и лингвистика [Semiotics and linguistics]. Москва: Молодая гвардия, 1995. 345 с.
9. Ступникова В.В. Философско-лингвистическое прочтение образа дракона (на основе материалов гадательных надписей цзягувэнь) [Philosophical and linguistic reading of the image of the dragon (based on materials from the jiaguwen fortune-telling inscriptions)] // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-lingvisticheskoe-prochtenie-obraza-drakona-na-osnove-materialov-gadatelnih-nadpisey-tszyaguven>
10. Сюй Хуэй. Этимология китайских иероглифов [Etymology of Chinese characters]. М.: Шанс, 2022.
11. Phạm Phong. Lịch sử Võ học Việt Nam từ khởi nguyên đến đầu thế kỷ XXI. Hà-nội. Nhà xuất bản Văn hóa Thông tin, 2011. [History of Vietnam combat exercises. From the Origins to the beginning of the 21st century; Фам Динь Фонг. История боевого учения Вьетнама. От Истоков до начала XXI в. Ханой. Издательство культуры и информации, 2011].
12. Чжоу Цюй-фэй. За Хребтами. Вместо ответов («Лин вай дай да») [Beyond the Ridges. Instead of answers ("Ling wai give yes")]. Перевод с китайского, комментарий, исследование и приложения М.Ю. Ульянов. Москва: Восточная литература, 2001. 528 с.
13. De Francis J. Colonialism and Language Policy in Viet Nam [Colonialism and Language Policy in Viet Nam]. The Hague: Mouton, 1977.

Информация об авторе

ЛАРИН Вадим Петрович. Научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии Российской академии наук, <https://orcid.org/0000-00016327-3370>. Адрес: Российская Федерация, Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32. vad25550218@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 4 сентября 2023. Одобрена после рецензирования: 22 сентября 2023. Принята к публикации: 6 октября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Baranov I.G. The afterlife court in the minds of the Chinese people. Harbin, Chinese Eastern Railway, 1928 [In Russian].
2. Dong Son drum. A complete academic history of Vietnam. Moscow: Presidium of the Russian Academy of Sciences, 2014. T. 1: Antiquity and the early Middle Ages (late IV – early III millennium BC - 1010 AD) Volume editor D.V. Mosyakov. T. 1 / P.V. Posner [et al.]; ed. P.V. Posner. 2014:672 [In Russian].
3. Classical prose of the Far East. Collection [Introductory articles and notes by B. Rifting et al.]. T. 18. Moscow: Fiction, 1975. 895 p. (Library of World Literature) [In Russian].
4. Kondrashevsky A.F. Practical course of the Chinese language. Moscow: Ant, 2003 [In Russian].

5. Larin V.P. Alphabets in visual and sound circulation. Moscow: Sputnik + Company, 1999:90 [In Russian].
6. Mikhailova Yu.N., Zhao I. Cultural connotations of zoonyms in Russian and Chinese phraseology. Ural Federal University. Ekaterinburg. 2016 [In Russian].
7. Complete academic history of Vietnam. Moscow: Presidium of the Russian Academy of Sciences, 2014. T. 1: Antiquity and the early Middle Ages (late IV - early III millennium BC - 1010 AD). T. 1 / S. V. Laptev, P. V. Pozner, A. B. Polyakov, Ya. V. Chesnov; volume editor D.V. Mosyakov. 2014:XIV, 978 [In Russian].
8. Solomonik A. Semiotics and linguistics. Moscow: Young Guard, 1995:345 [In Russian].
9. Stupnikova V.V. Philosophical and linguistic reading of the image of the dragon (based on materials from the jaguwen fortune-telling inscriptions). Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. 2016. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-lingvisticheskoe-prochтение-obraza-drakona-na-osnove-materialov-gadatelnyh-nadpisey-tszyaguven>
10. Xu Hui. Etymology of Chinese characters. Moscow: Chance, 2022. [In Russian]
11. Pham Dinh Phong. History of Vietnam combat exercises. From the Origins to the beginning of the 21st century. Hanoi. Culture and Information Publishing House, 2011. (Pham Phong. Lịch sử Võ học Việt Nam từ khởi nguyên đến đầu thế kỷ XXI. Hà-nội. Nhà xuất bản Văn hó a Thông tin, 2011) [In Vietnamese].
12. Zhou Qu-fei. Beyond the Ridges. Instead of answers ("Ling wai give yes"). Translation from Chinese, commentary, research and applications by M.Yu. Ulyanov. Moscow: Eastern literature, 2001^528 [In Russian].
13. De Francis J. Colonialism and Language Policy in Viet Nam. The Hague: Mouton, 1977 [In Russian].

About the author

Vadim P. LARIN. Research Fellow, Center for Vietnam and ASEAN Studies Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, <https://orcid.org/0000-00016327-3370>.
Address: 32, Nakhimovsky pr-t, Moscow, 117997, Russian Federation, vad25550218@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: September 4, 2023. Approved after peer review: September 22, 2023.

Accepted for publication: October 6, 2023. Published: December 15, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ История международных отношений и внешней политики HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

Исторические науки

УДК: 323.329(575.2)(04)

[https://doi.org/10.53658/RW2022-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2022-3-4(10)-XX-XX)

Кыргызская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

Эльвира Эсенболовна Торогельдиева ✉

Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан

torogeldieva_84@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7407-3475>

Аннотация. В статье рассматриваются становление и развитие кыргызской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Проблема кадров интеллигенции в республике с началом войны и призывом в Красную армию многочисленных ее представителей приняла чрезвычайно острый характер. Ощущался большой недостаток специалистов всех отраслей народного хозяйства и культуры. В целях ускоренного пополнения многих отрядов интеллигенции партийными и советскими органами был использован метод выдвиженчества, особенно выдвижение женщин на руководящую и организаторскую работу.

Ключевые слова: интеллигенция, государственность, ликбез, культура, мобилизация, национальные кадры, социальная структура

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран. Научный руководитель – Кадырбаев Александр Шайдатович, д.и.н., профессор, ИВ РАН.

Для цитирования: Торогельдиева Э.Э. Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. XX-XX, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

Original article

Historical Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-XX-XX](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-XX-XX)

The intelligentsia of Kyrgyzstan during the Great Patriotic War 1941–1945

Elvira E. Torogeldieva ✉

Kyrgyz National University named after J. Balasaga, Bishkek, Kyrgyzstan
torogeldieva_84@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7407-3475>

Abstract. The article examines the formation and development of the Kyrgyz intelligentsia during the Great Patriotic War of 1941–1946. With the outbreak of the war and the conscription of numerous of its representatives into the Red Army, the problem of intelligentsia personnel in the republic became extremely acute. There was a great shortage of specialists in all sectors of the national economy and culture. In order to accelerate the replenishment of many groups of the intelligentsia, the party and Soviet authorities used the method of promotion, especially the promotion the women to leadership and organizational work.

Keywords: intelligentsia, statehood, educational program, culture, mobilization, national personnel, social structure

Acknowledgements: The article was prepared according to the International Academic Mobility Program organized for young scientists from foreign countries by the National Research Institute for the Communications Development. Scientific supervisor - A. Sh. Kadyrbayev, Doct. Sc. (Hist.), Professor, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Torogeldieva E. E. The intelligentsia of Kyrgyzstan during the Great Patriotic War 1941–1945. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2023; 4(10): XX–XX

Введение

Проблемы интеллигенции, ее сущности и места в обществе издавна являются предметом дискуссий. Для анализа различных существующих взглядов на понимание термина «интеллигенция», неоднозначных трактовок ее места в структуре общества, многочисленных определений и характеристик в научной литературе можно все это многообразие понятий свести к трем основным подходам. Первый определяется как нравственно-этический. Интеллигенция – это категория лиц, выделяемая по культурно-личностным качествам: глубине интеллекта, широкой эрудиции, следованию высшим, нравственным нормам, активной гражданской позиции. Термин «интеллигенция» введен в 60-х гг. XIX в. почетным академиком Петербургской академии наук, писателем П. Д. Боборыкиным (1836–1921) и из русского вскоре перешло в другие языки, от латинского *intelligentsia* – «понимание», «познавательная сила», «знание»; от *intelligent* – «умный», «понимающий», «знающий», «мыслящий». Интеллигенцию также называют духовно ведущим слоем об-

щества. К интеллигенции относятся люди, которым свойственна духовная, разумная способность, умственное любопытство, способность к быстрому мышлению и заключению. Это «знатоки», имеющие критический взгляд на все стороны жизни. Понятие «интеллигенция» за рубежом практически не применяется, ибо там вместо этого термина употребляются такие слова, как «элита» (наиболее видные представители какой-либо части общества) и «интеллектуал» (человек с высоким умом, рассудком, мыслительными способностями, т.е. человек с развитым интеллектом), «профессионал».

Важным аспектом исследования является участие интеллигенции Кыргызстана в Великой Отечественной войне. Интеллигенция Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны определялась также выбором наиболее значимых условий, факторов, проблем и путей их решения. Этот опыт может быть использован в будущем для развития общества и построения отношений, основанных на общих интересах, в послевоенный период. Важно также подчеркнуть актуальность взаимоотношений интеллигенции и власти в целом. Исследование этой взаимосвязи позволяет определить наиболее актуальные условия и факторы, а также найти пути их решения, способствуя новому формату развития общества в послевоенный период. Военные действия также оказали влияние на промышленность и сельское хозяйство страны, что является важным фактором для изучения данной темы.

Тематика интеллигенции Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны включает работы таких ученых, как С. Данияров [3], А. Каниметова [6], И. А. Соктоева [13], Э. Ж. Маанаева [9] и др., каждый из которых рассматривал развитие интеллигенции в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В советское время изучение развития интеллигенции Кыргызстана и ее формирование и становление неразрывно связаны с развитием среднего и высшего образования в республике. В работах Ж. Д. Самиевой [12], Э. Ж. Маанаева, Дж. С. Бактыгулова [1], В. А. Воропаевой [2] рассматривались изменения социальной структуры населения Кыргызстана. В советское время был издан ряд трудов, в которых была рассмотрена история становления интеллигенции Кыргызстана. Вышеуказанные авторы изучали актуальные проблемы истории интеллигенции Кыргызстана в указанный период.

Актуальность исследования заключается в рассмотрении ряда конкретных вопросов, выявлении новых фактов и углублении понимания развития интеллигенции, были привлечены новые источники и материалы.

Цель статьи – изучить участие интеллигенции Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) и выявить важные условия и факторы развития общества в послевоенный период.

Материалы и методы

Для достижения этой цели использовались различные источники данных, в том числе опубликованные документы, архивные материалы, исторические документы и монографии. Теоретическую и методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективизма, принципы единства и взаимосвязи общего и особенного, прошлого и настоящего, а также исследовательские методы как историко-культурный, системный, сравнительно-сопоставительный, биографический и другие, принятые в гуманитарных исследованиях.

Для изучения интеллигенции Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны использовались различные методы исследования. Историко-культурный метод нашел отражение в анализе культурных, социальных и исторических аспектов этого периода, рассмотрение роли и вклада интеллигенции в военные события, ее взаимодействие с другими слоями населения, ее реакция на войну и ее последствия, а также их культурные проявления.

Системный метод включает изучение интеллекта в контексте системы, в которой он функционирует. Системный метод позволил проанализировать структуру интеллигенции, ее отношения с другими социальными группами, организациями и учреждениями, влияющими на ее деятельность и поведение в этот период.

Сравнительный метод позволил провести анализ и выявить сходства и различия с другими социальными группами и деятелями из других регионов или стран, проанализировать роль и статус интеллигенции в Кыргызстане и сравнить ее с аналогичными группами в других регионах и странах во время войны.

Биографический метод основан на изучении жизнеописаний отдельных интеллектуалов. С его помощью были проанализированы их биографии, вклад в военные события и взаимодействие с другими деятелями того времени. Это позволило получить более детальное представление о роли и значении интеллигенции в этот период.

Результаты исследования

Проблема кадров интеллигенции в республике с началом войны и призывом в Красную армию многочисленных ее представителей приняла чрезвычайно острый характер. Ощущался большой недостаток специалистов всех отраслей народного хозяйства и культуры.

Одной из сложнейших проблем в условиях Великой Отечественной войны являлось обеспечение народного хозяйства рабочей силой, планомерное пополнение его людьми, кадрами [5, с. 218].

В целях ускоренного пополнения многих отрядов интеллигенции партийны-

ми и советскими органами был использован метод выдвиженчества, особенно выдвижение женщин на руководящую и организаторскую работу.

7 мая 1942 г. ЦК КП(б) Киргизии обсудил вопрос «О выдвижении женщин на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу» и принял развернутое постановление, направленное на коренное улучшение партийных организаций республики по ускоренной подготовке и подготовке руководящих женских кадров, особенно из женщин-киргизок [13, с. 16].

В повышении активности женщин, в выдвижении их на руководящую работу сыграли созданные в годы войны специальные отделы по работе среди женщин при райкомах, горкомах, обкомах и ЦК Компартии Киргизии. На крупных предприятиях, при сельских Советах и военкоматах были организованы женсоветы, а в колхозах и учреждениях введены должности организаторов женского пола.

В результате за три года (с июля 1941 по июль 1944 г.) только по номенклатуре ЦК КП(б) Киргизии на руководящие должности было выдвинуто 3 135 новых кадров, а по номенклатуре Фрунзенского обкома выдвиженцы составляли около 2 тыс. человек. Среди выдвинутых было много женщин. Они работали заведующими отделами обкомов, секретарями горкомов, райкомов партии, руководителями промышленных предприятий, председателями райисполкомов, сельских Советов, колхозов и совхозов [13, с. 109].

Ускоренная подготовка кадров интеллигенции в годы войны проводилась и через курсовую систему. Во всех областных центрах были организованы пятимесячные курсы по подготовке учителей начальных и семилетних школ с общим контингентом слушателей до 1 300 человек. Комплектование их производилось за счет лиц с образованием не ниже 7 и 8–9 классов [13, с. 111].

В 1942–1944 гг. на педагогических курсах было подготовлено 4 120 учителей, из них 405 киргизов. На различного рода курсах и в школе проводилась подготовка / переподготовка кадров и некоторых других групп интеллигенции, в частности производственно-технической [13, с. 123].

Вопрос о технических кадрах в республике встал особенно остро в связи с эвакуацией сюда из прифронтовой полосы более 30 крупных промышленных предприятий, а также в связи с мобилизацией значительного числа специалистов сельского хозяйства вместе с колхозниками для работы в тылу на промышленных предприятиях центральных районов страны, имеющих оборонное значение. Следует отметить, что с эвакуацией в Киргизию большого количества крупных промышленных предприятий сюда прибыли и рабочие, но число их было незначительным. Так, с заводом сельскохозяйственного машиностроения, перебазируемым с Украины, прибыло всего 19% рабочих, а с обувной фабрики, эвакуированной из Ростова, – только три человека [4, с. 167].

В целях решения проблемы рабочей силы в ведущих отраслях промышленности, и прежде всего военной, Советским правительством принимались особые законодательные меры. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» были отменены

трудоустройства, руководителям предприятий предоставлялось право увеличивать в случае необходимости рабочий день на 1-3 ч [8, с. 94].

Установление обязательных сверхурочных работ и отмена отпусков, продиктованные военной обстановкой, позволили дополнительно загрузить производственные мощности заводов на одну треть без увеличения числа рабочих.

Постановление СНК СССР от 23 июля 1941 г. «О предоставлении совнаркомам республик и край (обл.) исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу». На основе этого постановления Совнарком Киргизской ССР и исполкомы областных Советов депутатов трудящихся – рабочих легкой, текстильной, местной и пищевой промышленности, а также управленческого аппарата – направляли на предприятия, выполняющие заказы фронта [8, с. 96].

В целях ликвидации текучести кадров Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» рабочие и специалисты в решающих отраслях производства объявлялись на период войны мобилизованными и закреплялись для постоянной работы на этих предприятиях [8, с. 98].

С июня 1942 г. этот Указ был распространен на рабочих и служащих угольной промышленности. Самовольный уход с производства рассматривался как дезертирство и был уголовно наказуем.

13 февраля 1942 г. был издан Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины – от 16 до 45 лет, не работавшие на предприятиях и в учреждениях, за исключением юношей и девушек в возрасте от 16 до 18 лет, призванных в школы системы государственных трудовых резервов, а также женщин, имевших детей в возрасте до восьми лет.

Большое значение для обучения молодых рабочих имело постановление СНК СССР от 21 мая 1942 г. «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества». Руководителям предприятий разрешалось принимать для индивидуального и бригадного обучения лиц, достигших 14-летнего возраста. Для учеников был установлен 6-часовой рабочий день, определена зарплата в целях повышения материальной заинтересованности, опытным мастерам производилась оплата за обучение.

В связи с острой потребностью в кадровых рабочих и в целях планомерной подготовки специалистов для промышленности, транспорта и связи приказом Главного Управления трудовых резервов при СНК СССР от 16 июля 1942 г. при СНК Киргизской ССР было учреждено Управление трудовых резервов. В этом же году была создана сеть школ ФЗО, три ремесленных и одно железнодорожное училище [2, с. 45].

В годы войны в Кыргызстане началась большая работа по подготовке кадров научной интеллигенции. Этому способствовали эвакуация в республику Биологического отделения АН СССР, других научно-исследовательских учреждений, прибытие вместе с ними многих ученых и квалифицированных специалистов. Особо важное значение в этом имело создание в августе 1943 г. Киргизского филиала АН СССР.

При институтах Кыргызского филиала была создана аспирантура, начата подготовка квалифицированных научных кадров по химии, биологии, геологии и гуманитарным наукам. В 1945 г. в аспирантуре филиала и вузов республики обучалось 57 человек [14, с. 34].

Пополнение рядов художественной интеллигенции Кыргызстана произошло за счет прибытия в г. Фрунзе в июле 1941 г. выпускников кыргызской студии Московского института театрального искусства им. А.В.Луначарского, перевода в г. Фрунзе студентов кыргызского отделения Московской консерватории и учащихся Ленинградского хореографического училища, а также работников искусства и литературы – прибывшими вместе с эвакуированными в республику учреждениями культуры [10, с. 69].

В июле 1941 г. в республике был создан Кыргызский государственный театр драмы, в августе 1942 г. Музыкально-драматический театр реорганизован в Кыргызский государственный театр оперы и балета [7, с. 54].

Значительная часть сельской интеллигенции республики была охвачена учебой в созданных в годы войны районных воскресных партийных школах. В них проходили занятия по истории партии, политэкономии, вопросам текущего момента, международному положению. В 1944 г. в этих школах около двух тыс. руководящих работников, специалистов промышленности, сельского хозяйства, учителей и других представителей умственного труда. Наиболее подготовленная часть интеллигенции обучалась в вечерних университетах марксизма-ленинизма, созданных во всех областных центрах республики.

Всевозрастающие задачи по развитию экономики, науки и культуры требовали многочисленных квалифицированных кадров интеллигенции по всем отраслям знаний. Большое значение для подготовки высококвалифицированных кадров интеллигенции имело создание в 1951 г. Кыргызского государственного университета. Университет был открыт на базе Кыргызского педагогического института в составе пяти факультетов: исторического, филологического, физико-математического, геолого-географического и биологического с планом приема нового контингента студентов на первые курсы в количестве 500 человек. Кыргызский государственный университет стал быстро расти и развиваться. В 1953 г. в нем открываются два новых факультета – юридический и технический с четырьмя отделениями: горным, энергетическим, химико-технологическим и строительным [6, с. 134].

На базе Кыргызского государственного университета были организованы еще два факультета: экономический с отделением экономики промышленности и экономики сельского хозяйства и факультет иностранных языков по подготовке учителей средних школ, преподавателей вузов и других специалистов по английскому, французскому и немецкому языкам. Уже за первые десять лет своей деятельности Кыргызский университет превратился в один из крупных университетов страны и в ведущий вуз республики. В 1951-1960 гг. университетом было подготовлено около 6,3 тыс. специалистов по 25 специальностям, из них 2 670 кыргызов. Выпускники универси-

тета направлялись на работу в общеобразовательные школы, профессионально-технические училища и техникумы, вузы и научные учреждения различных отраслей народного хозяйства, партийные и советские органы [5, с. 67].

24 октября 1950 г. Фрунзенское женское педагогическое училище было преобразовано в Киргизский учительский институт с пятилетним сроком обучения. А 5 августа 1952 г. на его базе был организован Киргизский женский педагогический институт им. В.В.Маяковского с контингентом приема на первый курс в 100 человек. Сюда поступали девушки-кыргызки и представительницы других национальностей с 10-летним образованием. Как в обычных советских педагогических высших учебных заведениях, они учились здесь четыре года.

В 1951 г. Ошский двухгодичный учительский институт был реорганизован в педагогический институт с четырехгодичным сроком обучения. В составе пяти факультетов – историко-филологического, естественно-географического, физико-математического, факультета иностранных языков и физического воспитания – с общим планом приема на новый курс 200 чел. В 1959 г. дополнительно был открыт педагогический факультет.

В 50-х гг. XX в. в связи с большими задачами в области капитального строительства бурным развитием промышленности и транспорта, с одной стороны, острым недостатком инженерных кадров – с другой, со всей неотложностью встал вопрос об открытии в республике высшего технического учебного заведения. В постановлении бюро ЦК Компартии Киргизии от 12 апреля 1954 г. было принято решение открыть в 1954/55 учебном году политехнический институт в г. Фрунзе в составе горного, энергетического, технологического и строительного факультетов.

Фрунзенский политехнический институт стал готовить инженерные кадры по шести важным для промышленности республики специальностям: разработка месторождений полезных ископаемых, промышленное и гражданское строительство, электрификация промышленных предприятий и установок, электрические станции, сети и системы, технология мясных и молочных продуктов, технология консервирования.

В послевоенный период значительно укрепился и расширил подготовку квалифицированных специалистов и один из старейших вузов республики – Киргизский сельскохозяйственный институт им. К.И.Скрябина.

В 1949–1950 гг. в Институте дополнительно к трем имеющимся было открыто два новых факультета: гидромелиоративный, призванный готовить инженеров-гидротехников по проектированию, строительству и эксплуатации ирригационных систем и гидротехнических сооружений, и факультет механизации сельского хозяйства по подготовке инженеров-механиков.

В 50-х гг. большие и сложные задачи встали и в области народного образования и культуры. Необходимо было подготовить условия для полного осуществления в следующей пятилетке всеобщего среднего образования в остальных городах и сельских местностях. Осуществление этих задач потребовало многочисленных учительских кадров с высшим специальным образованием. В республике была произведена

реорганизация системы подготовки учительских кадров в сторону расширения высшего педагогического образования [7, с. 146].

В 1951–1953 гг. на базе двухгодичных учительских институтов созданы четыре новых педагогических института: Ошский, Пржевальский, Фрунзенский (заочного обучения) и Киргизский женский им. В.В.Маяковского.

В 1951–1960 гг. педагогическими и учительскими институтами республики было подготовлено более 10 тыс. учителей с высшим и незаконченным высшим образованием, значительно пополнившие ряды педагогических кадров.

В середине 1953 г. в ведении Министерства просвещения Киргизской ССР находились семь педагогических учебных заведения, в том числе три высших педагогических института: Киргизский женский, Кыргызский заочный и Ошский; четыре двухгодичных учительских института: Фрунзенский, Пржевальский, Джалал-Абадский и Нарынский. В них вели занятия 287 преподавателей, в том числе докторов наук – 1, кандидатов наук – 34, причем доктор наук и 16 кандидатов наук прибыли в течение 1952 г. В стационарных педагогических и учительских институтах обучалось 2 230 студентов, в их числе 1 603 кыргыз, или 70%. В целях обучения студентов-кыргызов на родном языке почти на всех факультетах педвузов были созданы кыргызские группы. Однако преподавание основных дисциплин на родном языке затруднялось в силу отсутствия квалифицированных преподавателей-кыргызов или владеющих кыргызским языком, а также соответствующих учебников и учебных пособий на родном языке [5, с. 156].

В 1955 г. оставшиеся в Кыргызстане два учительских института (Джалал-Абадский и Нарынский) были закрыты с переводом студентов вторых курсов в Ошский и Пржевальский пединституты для окончания учебы по программе учительского института [12, с. 57].

В послевоенный период органы здравоохранения республики испытывали острый недостаток врачей. В Киргизском медицинском институте было организовано три новых факультета: санитарно-технический (1953), педиатрический (1956) и стоматологический (1960).

Советское правительство придавало большое значение физическому воспитанию подрастающего поколения и всех трудящихся. В 1955 г. в Кыргызстане состоялось открытие высшего учебного заведения по подготовке квалифицированных специалистов по физической культуре и спорту – Кыргызского государственного института физической культуры. Институт получил благоустроенную и хорошо оборудованную учебно-производственную базу, что имело большое значение для улучшения всей учебной, научной и воспитательной работы, качества подготовки специалистов.

Кыргызский институт физической культуры не только готовил квалифицированных специалистов, но и становился центром научной и научно-методической работы по физической культуре и спорту в республике.

Таким образом, в 50-х гг. в Кыргызстане была создана солидная учебно-научная база по подготовке специалистов с высшим образованием по многим профилям за счет открытия новых вузов и расширения существовавших.

В ходе глубоких аграрных преобразований в Кыргызстане происходило формирование сельскохозяйственных кадров, совершенствовалась подготовка, распределение, повышение квалификации, выдвигались на первый план те или иные конкретные задачи и направления кадровой политики на селе.

Практика работы многих сельских хозяйств в Кыргызстане показала, что одним из решающих факторов успешного воплощения в жизнь планов правительства, его сельскохозяйственных органов по непрерывному подъему являлось укрепление производственных кооперативов, государственных сельских хозяйств высококвалифицированными кадрами. К тому же научно-технический прогресс в колхозно-совхозном производстве (при всех издержках советского аграрного строя) неразрывно был связан с вопросами улучшения подготовки, расстановки и воспитания современных сельскохозяйственных кадров, которые могли бы успешно применять достижения науки и передового опыта на практике. В этой связи постоянно повышалась роль сельской производственной интеллигенции в производстве сельскохозяйственной продукции, в подъеме культуры села.

Сельская производственная интеллигенция – один из отрядов национальной интеллигенции, социальная группа, которая профессионально занималась квалифицированным трудом в сельскохозяйственном производстве, требующем специального среднего или высшего образования.

В 1951–1960 гг. вузы республики дали народному хозяйству 20,2 тыс. инженеров, агрономов, зооинженеров, врачей, учителей, юристов и других специалистов высшей квалификации [1, с. 7].

Выводы

В послевоенный период значительно расширилась подготовка специалистов с высшим и средним образованием без отрыва от производства через систему заочного и вечернего обучения. В республике были созданы два вечерних техникума – машиностроительный (1951) и легкой промышленности (1954), педагогический институт заочного обучения во Фрунзе (1951), факультет заочного образования (1952) с четырьмя отделениями в Киргизском сельскохозяйственном институте им. К.И.Скрябина, вечернее отделение во Фрунзенском политехническом институте, созданы учебные консультативные пункты (УКП) Всесоюзного заочного института советской торговли, значительно расширены приемы студентов в существовавшие заочные и вечерние отделения вузов и техникумов.

В развитии интеллигенции Кыргызстана в послевоенный период произошли существенные позитивные перемены. Прежде всего, был достигнут быстрый рост ее численности – с 84,7 тыс. в 1939 г. до 152,1 тыс. в 1959 г.

За годы Великой Отечественной войны значительно повысился образовательный уровень интеллигенции. Число лиц с высшим, средним и неполным средним образованием в составе работников умственного труда поднялось с 33,8% в

1939 г. до 82,7% в 1959 г., против роста в целом по стране за этот же период – с 49,8% до 88,4%.

Количество учителей дневных общеобразовательных школ возросло с 12,7 тыс. в 1939–40 учебном году до 21,6 тыс. в 1959–60 учебном году. 82% от общего числа учителей школ республики имели высшее и среднее педагогическое образование.

Список источников

1. Бактыгулов Дж. Кадров для села [Personnel for the village] // Сельское хозяйство Киргизии. 1984. № 7.
2. Воропаева В.А. Подвижники культуры Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны [Devotees of the culture of Kyrgyzstan during the Great Patriotic War]. Бишкек, 2011.
3. Данияров С.С. Борьба компартии Киргизии: за всеобщую грамотность [The struggle of the Communist Party of Kyrgyzstan: for all general literacy]. Фрунзе, 1980.
4. Бактыгулова Дж.С. Культурная революция в Киргизии: некоторые аспекты [Cultural revolution in Kyrgyzstan: some aspects]. Фрунзе, 1989.
5. История советского рабочего класса Киргизстана [History of the Soviet working class of Kyrgyzstan]. Фрунзе, 1958.
6. Каниметов А.К. Советская интеллигенция Киргизии [Soviet intelligentsia of Kyrgyzstan] // Блокнот агитатора. Фрунзе, 1957.
7. Каракеев К.К. Из истории культурного строительства в Киргизстане [From the history of cultural construction in Kyrgyzstan]. Фрунзе, 1968.
8. Керимбаев С.К. Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Soviet Kyrgyzstan in the Great Patriotic War of 1941–1945] Фрунзе, 1985.
9. Маанаев Э.Ж. Роль интеллигенции в Киргизии в период завершения строительства социализма [The role of the intelligentsia in Kyrgyzstan during the period of completion of socialism]. Фрунзе, 1971.
10. Петровец В.М. Научные исследования в Киргизии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) [Scientific research in Kyrgyzstan during the Great Patriotic War (1941–1945)]. 1969.
11. Плоских С.В. Интеллигенция и власть Кыргызстана: проблема взаимоотношений в советскую эпоху [The intelligentsia of Kyrgyzstan in the second half of the twentieth century]. Бишкек, 2012.
12. Самиева Ж.Д. Интеллигенция Кыргызстана во второй половине XX века [The intelligentsia of Kyrgyzstan in the second half of the twentieth century]. Бишкек, 2008.
13. Соктоев И.А. Рожденная Великим Октябрем (Интеллигенция Киргизстана за 70 лет Советской власти. 1917–1987 гг.) [Born of the Great October Revolution (Intelligentsia of Kyrgyzstan for 70 years of Soviet power. 1917–1987)]. Фрунзе, 1989.
14. Токтогонов С.А. Социалистическая культура Советской Киргизии в годы Великой Отечественной войны [Socialist culture of Soviet Kyrgyzstan during the Great Patriotic War]. 1971.

Информация об авторе

ТОРОГЕЛДИЕВА Эльвира Эсенболовна. Старший преподаватель кафедры истории стран Европы и Америки Института истории и регионоведения Кыргызского национального университета им. Ж.Баласагына, <https://orcid.org/0009-0002-7407-3475>. Адрес: 720024, Республика Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547, torogeldieva_84@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 октября 2023. Одобрена после рецензирования: 2 ноября 2023. Принята к публикации: 15 ноября 2023. Опубликовано: 15 ноября 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Baktygulov J. Personnel for the village. Agriculture of Kyrgyzstan. 1984; 7. [In Russian]
2. Voropaeva V.A. Devotees of the culture of Kyrgyzstan during the Great Patriotic War. Bishkek, 2011. [In Russian]
3. Daniyarov S.S. The struggle of the Communist Party of Kyrgyzstan: for all general literacy. Frunze, 1980. [In Russian]
4. Baktygulova J.S. Cultural revolution in Kyrgyzstan: some aspects. Frunze, 1989. [In Russian]
5. History of the Soviet working class of Kyrgyzstan. Frunze, 1958. [In Russian]
6. Kanimetov A.K. Soviet intelligentsia of Kyrgyzstan. Agitator's Notebook. Frunze, 1957. [In Russian]
7. Karakeev K.K. From the history of cultural construction in Kyrgyzstan. Frunze, 1968. [In Russian]
8. Kerimbaev S.K. Soviet Kyrgyzstan in the Great Patriotic War of 1941–1945. Frunze, 1985. [In Russian]
9. Maanaev E.Zh. The role of the intelligentsia in Kyrgyzstan during the period of completion of socialism. Frunze, 1971. [In Russian]
10. Petrovets V.M. Scientific research in Kyrgyzstan during the Great Patriotic War (1941–1945). 1969. [In Russian]
11. Ploskikh S.V. The intelligentsia and the authorities of Kyrgyzstan: the problem of relationships in the Soviet era. Bishkek, 2012. [In Russian]
12. Samieva Zh.D. The intelligentsia of Kyrgyzstan in the second half of the twentieth century. Bishkek, 2008. [In Russian]
13. Soktoev I.A. Born of the Great October Revolution (Intelligentsia of Kyrgyzstan for 70 years of Soviet power. 1917–1987). Frunze, 1989. [In Russian]
14. Toktogonov S.A. Socialist culture of Soviet Kyrgyzstan during the Great Patriotic War. 1971. [In Russian]

About the author

Elvira E. TOROGELDIEVA. Senior Lecturer of the Department of European and American History, Institute of History and Regional Studies of the Zh. Balasagyn Kyrgyz National University, <https://orcid.org/0009-0002-7407-3475>. Address: 547 Frunze str., Bishkek, 720024, Republic of Kyrgyzstan, torogeldieva_84@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: October 25, 2023. Approved after review: November 2, 2023. Accepted for publication: November 15, 2023. Published: December 15, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружелюбность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, масс-медиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов стран был опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и др.);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в странах добрососедства;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружественного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций в странах добрососедства и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

В следующих выпусках журнала «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Scientific Dialogue» мы продолжим знакомить вас с проектами Национального исследовательского института развития коммуникаций. Ваше участие в исследованиях вы можете обсудить с руководителями проектов, направив заявку по адресу: komleva@nicrus.ru.

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научный рецензируемый журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО (У) МИД России

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

Редактор-переводчик – д-р фил. н. Л.Е.Бушканец

Корректор – канд. фил. н. И.А.Емелин

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский.

МАКЕТ И ПРЕДПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА

Издательский дом «Проект Медиа Групп» (Департамент медиапроектов)
г. Москва, Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2 Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 15.12.2023
Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42 Тираж 2000 экз.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

Peer-reviewed academic journal

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute for the Communications Development (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

EXECUTIVE EDITOR

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist), professor, Professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

Editor-translator – DSc. (Filol) Leah E. Bushkanets

Proofreader – CandSc (Filol) Ilya A. Emelin

Languages for publishing articles in the journal: Russian, English.

LAYOUT AND PREPRESS

Publishing House «Project Media Group» (Department of media-projects)
5, 2d building, 1st floor, 2d office, Gagarinskiy pereulok, Moscow Tel. +7 495 146 83 02

Signed in the press on 15.12.2023

Printed in the LLC «Podol'skaya fabrika ofsetnoj pečhati» 80/42, Revolyucionnyj prospect, Podolsck, Moscow oblast
Circulation 2000 copies

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

> УДК: 327 ББК 66.4